В этом номере

ISSN № 0130-7045

С. НИКИШОВ

ЛЕНИН О БОГОСТРОИТЕЛЬСТВЕ И БОГОИСКАТЕЛЬСТВЕ

И. ПАПАНИН и Ю. КУЧИЕВ

АРКТИКУ ПОКОРЯЮТ ЛЮДИ

Р. КАРАЕВ

ИЗ ОПЫТА ЛЕКТОРОВ ТУРКМЕНИИ

Ю. ГЛАЗКОВ и О. МАКАРОВ

КОСМОНАВТЫ О СЕБЕ

НАУКА И РЕЛИГИЯ

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ

И. и М. ВИТКОВСКИЕ

ПОТЕРЯННАЯ МОЛОДОСТЬ

Начало повести

Ольгерд БУДРЕВИЧ

300 индейцев и один ксендз

4 • 1979

Новый монумент в честь Великой Октябрьской социалистической революции установлен на центральной площади Киева.

Фото В. Опалина

Герои Советского Союза Полина Осипенко, Валентина Гризодубова, Марина Раскова совершили беспримерный перелет Москва — Дальний Восток, 1938 г.

Фото М. Бернштейна

Одна из первых борозд целины.

Фото Н. Черныша

Первый в мире космонавт Юрий Алексеевич Гагарин.

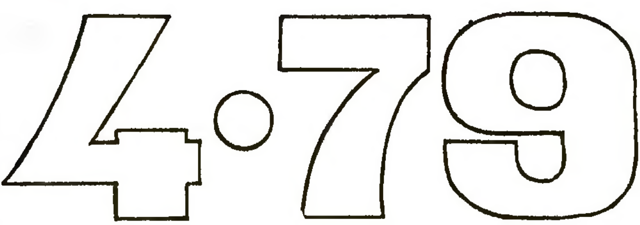
Экипаж космического корабля «Союз-29» В. Коваленок и А. Иванченков на Красной площади.

Фото А. Моклецова

НАУКА И РЕЛИГИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцатый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются.

НАША ОБЛОЖКА

За шесть десятилетий социалистической истории нашей Родины слова «первый», «впервые» можно постоянно встретить в ее летописи. И это вполне понятно — ведь все, что у нас делается, — делается впервые в истории человечества. И не только в социально-политической или экономической сфере...

Впервые освобожденные от всех и всяческих видов эксплуатации, от духовного гнета трудящиеся России буквально сразу же после Великого Октября стали проявлять невиданные доселе чудеса героизма, самоотверженного служения своей Отчизне.

Многое и очень многое из того, что совершено советскими людьми, — совершалось впервые. Первая в истории социалистическая пролетарская революция, первые пятилетние планы развития народного хозяйства страны, первая плавучая полярная станция, первое проникновение в стратосферу, первые сверхдальние полеты советских летчиков, первые полеты в Космос... И все это делали люди — энтузиасты, герои, первопроходцы. Это они ставили свои первые палатки в Магнитогорске и Комсомольске, совершали первые трудовые рекорды. Это они впервые в мире проявили массовый героизм в Великую Отечественную войну, стали первыми целинниками, первыми на Земле космонавтами, первыми разведчиками подземных богатств Севера, первыми строителями БАМа... Поистине советский народ — народ первопроходцев, пробивающих всему человечеству путь в счастливое коммунистическое завтра!

И сколь далеки активная жизненная позиция этих первопроходцев, их идеалы и устремления от религии с ее извечными призывами полагаться лишь на волю высшего сверхъестественного владыки Мира, с ее проповедью ничтожности и бессилия «раба божьего». Ведь если вдуматься, то именно религия, ее духовный гнет, наряду с гнетом социальным, веками, тысячелетиями мешала человеку распрямиться в полный рост, тормозила процесс его духовного и нравственного развития, лишала его активной жизненной позиции. Вот почему мы можем назвать жизнь и подвиги наших первопроходцев атеистическими.

Но, конечно же, не только атеистическими. Ко всем нашим первопроходцам с полным правом можно отнести слова, сказанные товарищем Л. И. Брежневым в его книге «Целина»: «...Целинная эпопея на этой земле еще раз показала всему миру благороднейшие нравственные качества советских людей. Она стала символом беззаветного служения Родине, великим свершением социалистической эпохи».

На второй странице обложки публикуются фотографии, запечатлевшие лишь некоторые из исторических дел первопроходцев страны социализма. Подробнее о подвигах первооткрывателей Арктики и Космоса вы сможете прочитать в этом номере — «Творцы живого опыта революции» и «12 апреля — День космонавтики».

На просторах центральной России зеленеет поэтичный островок — Государственный лермонтовский музей-заповедник «Тарханы». О нем рассказывает специальный корреспондент нашего журнала А. Шамаро, совершивший поездку в этот удивительный уголок Пензенской области, который хранит живую память о выдающихся писателях.

В номере опубликована вторая часть очерка А. Шамаро. Цветные снимки к этому очерку помещены на третьей странице обложки.

С. НИКИШОВ,
доктор философских наук

ЛЕНИН О БОГОИСКАТЕЛЬСТВЕ И БОГОСТРОИТЕЛЬСТВЕ

70 лет книги В. И. ЛЕНИНА «Материализм и эмпириокритицизм»

70 ЛЕТ прошло со времени выхода в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Владимир Ильич написал ее в момент острой идеологической борьбы, развернувшейся в международном и российском социал-демократическом движении. Эта ленинская работа стала неоценимым вкладом в теоретическую сокровищницу марксизма. Она и теперь остается не только образцом непримиримой партийной критики враждебных марксистской философии течений, но и важнейшим пособием по диалектическому и историческому материализму, учит мировоззренчески обобщать новейшие достижения науки.

Исключительно велико методологическое значение книги Ленина для понимания несостоятельности попыток современных ревизионистов и фальсификаторов соединить научный социализм с подновленной, подчищенной поповщиной, примирить науку с религией, разбавить марксизм-ленинизм христианскими и другими религиозными моральными установлениями.

Значительное место в ленинской работе отведено критическому разбору заигрываний махистов-эмпириокритиков с религией, в частности раскрытию сущности таких реакционных философских течений, как богоискательство и богостроительство. Глубочайший ленинский анализ этих явлений актуален и в наши дни.

В условиях обостряющегося общего кризиса капитализма на Западе заметно возросли богоискательские и богостроительские тенденции в философии. Отдают им дань и современные богословы. Усилили внимание к религии и атеизму ревизионисты всех мастей.

Когда российская буржуазия, напуганная революционным движением, пыталась оказать влияние на трудящихся, с тем чтобы отвлечь их от революции, она проявила повышенный интерес к религии. Отвергая старую, казенную христианскую религию, она сделала попытку подновить и оживить ее, обосновать заново или по-новому, представить ее в виде тонкой и усовершенствованной, «культурной» религии, способной «действовать в самоуправляющемся приходе» [1].

Проповедниками обновленной религии выступили так называемые богоискатели. Основное ядро их составили реакционные буржуазные интеллигенты, противники революции и социализма — С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Д. С. Мережковский и другие. Утверждая, будто русский народ по самой природе своей религиозен, они призывали интеллигенцию поддерживать, укреплять в нем эту религиозность. Только религиозная общность, считали они, может спасти Россию. При этом народу надо помочь найти такого бога, который был бы общим для всех и служил интересам добра, совершенства, красоты. Новая религия, уверяли богоискатели, соединит в себе разум, волю и чувства, внесет в народ успокоение.

За этими внешне безобидными словами скрывались совсем небезобидные замыслы — отвлечь народные массы от революции. Богоискатели маскировали их рассуждениями о «народной религии», о «народном понятии бога» и т. д. и т. п.

Некоторые интеллигенты, в том числе примыкавшие в период революционного подъема к социал-демократам и даже к большевикам, стали проповедовать богостроительство. Богостроители, в отличие от богоискателей, считали, что бога в действительности не существует, но его нужно «построить» и поставить на службу социализму. Религия — явление вечное, непреходящее, утверждали богостроители, она — родная сестра науки и стоит в одном ряду с философией и искусством. Отвергая старые религиозные идеалы как ложные, ослабляющие человека мечтами о потустороннем мире, богостроители твердили о необходимости создать новые, созвучные времени религиозные идеалы. Новые идеалы новой религии, воплощающие в себе «возвышенность и благородство» самого человека с его мечтой о лучшей жизни на земле, народ, полагали богостроители, должен был не только принять, но и поклониться им.

Воспевая красоту новой «реальной, земной» религии, богостроители пытались убедить партию в целесообразности объявить себя ее творцом и носителем. Если превратить религию в культ труда и социализма, говорили они, то социализм будет понятен не только передовым рабочим, но и полупролетарскому, мелкобуржуазному, крестьянскому населению, что вызовет у него фанатичное желание строить и построить «царство небесное» на земле, удесятерит усилия масс. Богостроители договаривались даже до того, что объявили новой религией социализм, а Маркса именовали ее великим пророком, союз рабочих — камнем новой церкви.

По ряду вопросов взгляды богостроителей совпадали со взглядами богоискателей и богословов. В этом можно было убедиться, заглянув в изданную в 1908 году книгу Луначарского «Религия и социализм». Там он сообщал читателю, что на пуб-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 435.

личном диспуте оппонентом против него выступил один из выдающихся представителей прогрессивного духовенства. «В чрезвычайно яркой и полной образов речи,— писал Луначарский,— священник этот развил свои мысли о значении религии для человечества. Закончил он приблизительно таким образом: «жизнь человеческая представляется мне большой храминой, куда воздух, тепло и свет проникают через несколько окон: окно науки, окно философии, окно искусства, окно религии. Хотят заколотить это последнее окно. Я же говорю — оставьте; чем больше света, тепла и вольного воздуха будет врываться в нашу храмину — тем легче будет дышать, тем радостнее жить».

Но мне возражают: да разве не слышите вы, что из четвертого окна не веет ароматами сада или моря, что тлетворный дух проникает сквозь него. Это верно, говорю я, но посмотрите: вот у окна лежит падаль и разлагается, уберите ее долой и в окно вновь польется здоровый воздух. Эта падаль — рабья церковность, торжество полицейской религиозности, царство мертвящей буквы, унижение церкви перед насильниками, вся накопившаяся веками нечисть официальной скверны. Уберите ее, но не заколачивайте окна».

Далее, отвечая оппоненту, Луначарский говорил: «...И я сторонник всех четырех окон, и я хочу помочь убрать труп, загромоздивший своей мертвой массой четвертое окно». Именно в этой связи Луначарский заявил тогда, что «носителем новой религии», камнем «новой церкви» суждено стать пролетариату.

Критикуя богостроителей, Г. В. Плеханов в одной из своих статей заметил, что «придуманная г. Луначарским религия имеет только одну, правда очень большую, «ценность»: она может привести серьезного читателя в очень веселое настроение духа» [2].

Иного взгляда придерживался В. И. Ленин. «...Я вовсе не нахожу ничего смешного в заигрывании с религией, но нахожу много мерзкого»,— писал он А. И. Ульяновой-Елизаровой, работавшей над корректурой книги «Материализм и эмпириокритицизм», и просил ее «никоим образом не смягчать мест против Богданова и Луначарского...» [3].

В. И. Ленин решительно выступил против того, чтобы под видом развития марксизма пропагандировались идеи, с ним несовместимые. «Богоискательство,— утверждал он,— отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т. п. ничуть не больше, чем желтый черт отличается от черта синего». Подкрашивая, подсахаривая идею бога, и те и другие помогали господствующим классам удерживать массы в плену религии. «Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз **физических,**— разъяснял Ленин,— гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем **тонкая,** духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки» [4].

Кое-кому казалось тогда, что ленинская принципиальность, его непримиримость к богостроителям, особенно из числа примыкавших к большевикам,— излишня. Но Ленин оставался непоколебимым. М. Ф. Андреева рассказывает, как Горький в ее присутствии «заговорил с Владимиром Ильичем о той горячей привязанности, которую питает к нему, Ленину, Богданов, о том, что Луначарский и Базаров — изумительно талантливые, умные люди... Владимир Ильич посмотрел на Алексея Максимовича сбоку, прищурился и очень твердо отрезал: «Не старайтесь, Алексей Максимович. Ничего из этого не выйдет» [5].

Все попытки Горького примирить Ленина с богостроителями ни к чему не привели и не могли привести. Владимир Ильич рассматривал богостроительство как идеологию «отчаявшихся и уставших» мелкобуржуазных попутчиков революции и оценивал ее не по субъективным качествам той или иной личности, причастной к формированию и распространению богостроительства, а по объективной роли, которую эта идеология выполняла в конкретных исторических условиях. А роль эта была реакционной.

Ленин убедительно показал, что теоретической основой богостроительства была реакционная субъективно-идеалистическая философия махизма, или эмпириокритицизма, распространявшаяся в России махистом Богдановым и его единомышленниками. «Неверно,— писал В. И. Ленин Горькому,— что бог есть комплекс идей, будящих и организующих социальные чувства. Это — богдановский **идеализм,** затушевывающий материальное происхождение идей. Бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом,— идей, **закрепляющих** эту придавленность, **усыпляющих** классовую борьбу» [6].

Книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» учила революционных социал-демократов умению подходить к оценке общественных явлений с классовых позиций, отличать всякого рода подделки под марксизм от действительно революционного марксистского учения. Когда вопрос «О богоискательских тенденциях в социал-демократии» обсуждался на расширенном совещании редакции газеты «Пролетарий», богоискательство в свете ленинской критики было признано порывающим с основами марксизма, приносящим по самому своему существу вред революционной социал-демократической работе.

Луначарский, осознав под влиянием Ленина свои ошибки, впоследствии много сделал для пропаганды научного мировоззрения. Однако на Западе и до сих пор кое-кто цепляется за его богостроительские высказывания. Сам Луначарский писал позже в своих воспоминаниях: «Когда-то в пору моих ошибок... великий мой учитель Владимир Ильич Ленин сердито и насмешливо говорил мне: «Вы отмахиваетесь от попов, а они будут к вам липнуть, как мухи. Раз вы намазались медом всего этого кокетничания с позорной религиозной ерундой, вышли навстречу рою поповских мух,— так нечего руками махать: они рады будут союзничку» [7]. Луначарский признался, что лишь наполо-

---

[2] Г. В. Плеханов. Об атеизме и религии в истории общества и культуры. М., 1977, стр. 248. Речь идет о книге А. В. Луначарского «Религия и социализм» и о его статье «Атеизм».
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 282.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 226, 227.
[5] «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2. М., 1969, стр. 226.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 231—232.
[7] А. В. Луначарский. Воспоминания и впечатления. М., 1968, стр. 324.

вину соглашался тогда с Лениным, но жизнь показала, что он оказался «бездонно прав».

В борьбе с богоискателями и богостроителями Ленин с предельной ясностью высказал свой взгляд на религию, вскрыл ее реакционную сущность, обосновал необходимость для партии пролетариата быть идейным вождем трудящихся, защищать марксизм от каких бы то ни было попыток соединения его с религией. И этот ленинский урок актуален в наши дни. Ведь сегодня, в условиях углубляющегося и обостряющегося общего кризиса капитализма, буржуазия активно использует против марксизма-ленинизма, против реального социализма и такое оружие, как клерикальный антикоммунизм, который стремится опереться на современный ревизионизм, во многом повторяющий доводы богоискателей и богостроителей о возможности сочетания марксизма с религией.

Каждый или почти каждый современный ревизионист, идет ли речь о Р. Гароди, Э. Фишере, М. Маховце, Э. Блохе или еще о ком-то из них, непременно в той или иной мере обращается к религии, пытается пересмотреть принципиальные положения марксистско-ленинского учения об отношении к этому сложному явлению в жизни общества. Создается даже нечто вроде альянса клерикалов и ревизионистов. И те и другие, похваливая и подталкивая друг друга в желаемом для них направлении, объединенными усилиями ведут борьбу против научного коммунизма. Они ратуют за синтез марксизма-ленинизма с религией, «очищенной» от чуждых ее природе примесей, привнесенных, как они говорят, различными социальными системами, за примирение науки с религией. Причем на поверку оказывается, что ни единого нового довода в обоснование союза марксизма с религией, по сравнению с доводами богостроителей и богоискателей начала века, современные ревизионисты не приводят.

По их утверждениям, религия — вообще не опиум народа. Опиум — это лишь та религия, которую ставили себе на службу эксплуататорские классы. Если, мол, очистить ее от всего наносного, то она вновь окажется ферментом созидания мира человеком, откроет перед человечеством бескрайние горизонты. Но ведь это почти дословное повторение того, что провозглашали богостроители.

Иисус Христос — не миф, а герой, герой прогрессивный и даже революционный, его заветы созвучны марксистским идеям, и ими следует воспользоваться, твердят ревизионисты. Вспомним, что подобные попытки усмотреть в личности Христа своеобразного вождя пролетарских масс уже предпринимались теми же богостроителями.

Особенно настойчиво ратуют современные ревизионисты за дополнение марксизма христианской этикой, ее «непреходящими» моральными ценностями. Атеизм, утверждают они, не только выступает против бога, он принижает человека, не считается с ним, не замечает его. И эти доводы не новы. Такие мысли высказывали богоискатели Мережковский, Бердяев и многие богостроители. Только христианство в его первозданном, очищенном виде, утверждали одни из них, лишь новая религия, говорили другие, бережно относятся к человеку, поднимают его на уровень божественного творения или даже божества. И сегодня мы видим нечто очень похожее. Изначальное христианство, пишет, например, Гароди, не чуждо марксизму. Марксизм и религия призваны решать одни и те же вопросы человеческого бытия, вторит ему Блох, и если Библию прочитать глазами «Коммунистического манифеста», то можно получить ответ на многие из них.

Современная церковь, утверждают ревизионисты, меняет свое лицо. Она эволюционирует в лучшую сторону — не хочет быть связанной с определенной социальной системой, прислуживать господствующим классам. Она становится надклассовой организацией. Говоря это, ревизионисты призывают марксистов-ленинцев изменить свое отношение к религии. Атеизм, пытаются внушать они, не вытекает из марксизма, исторически и органически не связан с ним. Поэтому марксизм только усилится, если откажется от атеизма, воспользуется христианскими моральными ценностями, придаст социализму «человеческое лицо». Таков лейтмотив всех без исключения теологизирующих ревизионистов.

Показательно, что попытки смазать принципиальные различия научного и религиозного мировоззрения активно подчеркиваются некоторыми христианскими теологами. Поскольку, говорят они, гуманистические устремления лежат в основе как христианского учения, так и марксизма, то вполне возможно идеологическое сближение между ними, а в дальнейшем и слияние их. Буржуазная и клерикальная печать охотно предоставляет теологизирующим ревизионистам страницы своих газет и журналов. Их статьи печатаются в официальных религиозных изданиях. Они используют все находящиеся в распоряжении религиозных организаций средства массовой информации.

Ленин постоянно напоминал, что различия в мировоззрении не должны служить помехой для классового сотрудничества трудящихся, не должны мешать единству их действий при разрешении жизненно важных проблем, волнующих как верующих, так и неверующих. Но при этом он подчеркивал, что научное мировоззрение несовместимо с религиозным. Ленин со всей определенностью утверждал: «Единство... действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе» [8],— но вместе с тем малейшие отступления от принципов марксизма в сторону мировоззренческого сближения с религией считал недопустимыми.

Выступления ревизионистов против реального социализма, против мирового революционного процесса и разрядки международной напряженности показывают, какую вспомогательную роль выполняют их заигрывания с религией и выпады против коренных положений марксистско-ленинского учения о религии.

Как будто сегодня написаны и современным ревизионистам адресованы ленинские слова: «...Целует и зацеловывает буржуазная пресса богостроителей из среды — шутка сказать! — из среды марксистов...» [9].

---

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 146.
[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 91.

Творцы живого опыта революции

Вперед, заре навстречу. Фото Н. Белоцерковского и К. Лишко

Москва встречает героев-челюскинцев. Фото И. Шагина

Стратостат готовится к полету. Фото Я. Холина

«Штурм начался». Фото М. Минеева

Первый космонавт Ю. А. Гагарин после полета. Фотохроника ТАСС

ВРЕМЯ ОСТАЕТСЯ В ПАМЯТИ ЛЮДЕЙ СОБЫТИЯМИ, НАИБОЛЕЕ ВЫДАЮЩИМИСЯ. ПРИЧЕМ ТАКИЕ СОБЫТИЯ ПРЕДСТАЮТ ПЕРЕД НАМИ КАК ТВОРЕНИЯ ЛЮДЕЙ. ДЛЯ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА СЛОВА «ЛЕНИНЕЦ», «УЧАСТНИК ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ», «ДВАДЦАТИПЯТИТЫСЯЧНИК», «СТАХАНОВЕЦ», «ПАПАНИНЕЦ», «ВЕТЕРАН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ», «ЦЕЛИННИК», «КОСМОНАВТ» ИСПОЛНЕНЫ ОСОБОГО СМЫСЛА. ЗА НИМИ — ПАМЯТНЫЕ ВЕХИ В ИСТОРИИ СТРАНЫ И ЕЕ ГЕРОИ — ЛЮДИ ОСОБОГО СКЛАДА, НЕ МУЧЕНИКИ И СТРАСТОТЕРПЦЫ, ВЕКАМИ ВОСХВАЛЯВШИЕСЯ РЕЛИГИЕЙ, А НАТУРЫ АКТИВНЫЕ, ДЕЯТЕЛЬНЫЕ, СОВЕРШАЮЩИЕ СВОЙ ПОДВИГ ВО ИМЯ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ.

В КНИГЕ ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА «ЦЕЛИНА» ГОВОРИТСЯ: «В СТАРЫХ СЛОВАРЯХ ВЫ НАЙДЕТЕ СЛОВО «ЦЕЛИНА», НО НЕ НАЙДЕТЕ СЛОВА «ЦЕЛИННИК». ОНО РОДИЛОСЬ В 50-Е ГОДЫ, ТОЧНО ТАК ЖЕ КАК В ГОДЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ ПОЯВИЛОСЬ СЛОВО «КОЛХОЗНИК». САМО ПОНЯТИЕ «ЦЕЛИНА» УТРАТИЛО ТОГДА СВОЕ ЧИСТО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ, ОНО СТАЛО ТЕРМИНОМ ОБЩЕСТВЕННЫМ, ИБО ЗА НИМ СТОЯЛИ ВЫСОКАЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ И ГЛУБОКИЙ СОВЕТСКИЙ ПАТРИОТИЗМ. ЦЕЛИННИК— ФИГУРА ИСТОРИЧЕСКАЯ, ОПРЕДЕЛИВШАЯ СОБОЙ ГЕРОИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ. ЭТИМ СЛОВОМ ОБОЗНАЧЕН ОСОБЫЙ ХАРАКТЕР, ОБУСЛОВЛЕННЫЙ ПОТРЕБНОСТЬЮ ВРЕМЕНИ».

И ЕЩЕ: «НА ЦЕЛИНЕ МИЛЛИОНЫ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ПРОДОЛЖАЛИ ДЕЛАТЬ ОПЫТ РЕВОЛЮЦИИ, УМНОЖАЛИ В НОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ЕЕ ЗАВОЕВАНИЯ, ТВОРИЛИ ЖИВОЙ ОПЫТ ПОБЕДОНОСНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА».

НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ БЛАГОПРИЯТСТВОВАЛ ТОМУ, ЧТОБЫ НЕ СТАЛКИВАЛИСЬ В ДРАМАТИЧЕСКОМ ПРОТИВОРЕЧИИ, А СЧАСТЛИВО ДОПОЛНЯЛИ ДРУГ ДРУГА ЖИЗНЕННЫЕ, НРАВСТВЕННЫЕ, НАУЧНЫЕ ИСКАНИЯ ЧЕЛОВЕКА, ЧТОБЫ ПОВСЕДНЕВНОЕ БЫТИЕ ОБРЕТАЛО ВЫСОКИЙ ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ В СЛУЖЕНИИ ЛЮДЯМ, ИХ БЛАГУ. ЭТО ОСОЗНАНИЕ СВОЕГО НАЗНАЧЕНИЯ НА ЗЕМЛЕ ВМЕСТЕ С ОПЫТОМ ЕЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПЕРЕХОДИЛО ОТ ПОКОЛЕНИЯ К ПОКОЛЕНИЮ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ. В НЕГО ОРГАНИЧНО ВОШЛИ И ПОКОРЕНИЕ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА, И ПОКОРЕНИЕ КОСМОСА, ЭТИ ВЕРШИНЫ НА ТРУДНОЙ ДОРОГЕ ПОЗНАНИЯ МИРА. ИЗВЕЧНОЕ СТРЕМЛЕНИЕ ВЫЯСНИТЬ НЕВЕДОМОЕ, ПОЗНАТЬ НЕИЗВЕСТНОЕ ПОБУЖДАЛО ЧЕЛОВЕКА, РИСКУЯ ЖИЗНЬЮ, СПУСКАТЬСЯ НА ДНО ОКЕАНОВ, ИССЛЕДОВАТЬ ВУЛКАНЫ, ДОСТИГАТЬ ПОЛЮСОВ ЗЕМЛИ, НАКОНЕЦ, УСТРЕМЛЯТЬСЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ РОДНОЙ ПЛАНЕТЫ — В КОСМОС.

ШТУРМ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА НАЧАЛСЯ ЕЩЕ В КОНЦЕ ПРОШЛОГО ВЕКА, ОДНАКО СТРЕМЛЕНИЕ К НЕМУ ТОГДА ЧАЩЕ ВСЕГО ВЫГЛЯДЕЛО ЕЩЕ КАК СПОРТИВНОЕ СОРЕВНОВАНИЕ, А НЕ НАУЧНЫЙ ПОДВИГ — СЮДА ШЛИ ОДИНОЧКИ, ОДЕРЖИМЫЕ ДЕРЗКОЙ МЕЧТОЙ: ТОЛЬКО БЫ ДОСТИГНУТЬ ЗАВЕТНОЙ ЦЕЛИ! НАСТОЯЩЕЕ — КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АРКТИКИ НАЧАЛОСЬ ТОГДА, КОГДА, ПО СЛОВАМ ИЗВЕСТНОГО ДАТСКОГО ПИСАТЕЛЯ МАРТИНА АНДЕРСЕНА-НЕКСЕ, «ЭТУ РАБОТУ ВЗЯЛ НА СЕБЯ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ».

ИМЯ ОДНОГО ИЗ «РЫЦАРЕЙ» СЕВЕРА, ИВАНА ДМИТРИЕВИЧА ПАПАНИНА, СТАЛО ДЛЯ СЛЕДУЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ ОЛИЦЕТВОРЕНИЕМ НАШЕЙ АРКТИЧЕСКОЙ ЭПОПЕИ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ. А СЕГОДНЯ ВСЕ ШКОЛЬНИКИ ХОРОШО ЗНАЮТ КАПИТАНА АТОМНОГО ЛЕДОКОЛА «АРКТИКА» ЮРИЯ СЕРГЕЕВИЧА КУЧИЕВА, ПРИВЕДШЕГО СВОЙ КОРАБЛЬ НА ПОЛЮС. СЕРДЦА И УМЫ ЛЮДЕЙ ШЕСТИДЕСЯТЫХ — СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ ПОТРЯСЛИ И ПОТРЯСАЮТ ПОНЫНЕ ПОДВИГИ ЮРИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ГАГАРИНА, ПЕРВОГО КОСМОНАВТА, ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ И СПОДВИЖНИКОВ ПО КОСМИЧЕСКОМУ ТРУДУ — ОНИ СТАЛИ СИМВОЛОМ ДЛЯ ТЕХ, К КОМУ ПЕРЕЙДЕТ ГЕРОИЧЕСКАЯ ЭСТАФЕТА ПЕРВОПРОХОДЦЕВ.

КАКОВ ДУХОВНЫЙ МИР ЭТИХ ЛЮДЕЙ, ЧТО ИМИ ДВИГАЛО, КОГДА ОНИ ШЛИ НА ПОДВИГ, ЧТО ВДОХНОВЛЯЛО? В ЭТОМ НОМЕРЕ МЫ ПУБЛИКУЕМ ИНТЕРВЬЮ С ГЕРОЯМИ СЕВЕРА — И. Д. ПАПАНИНЫМ и Ю. С. КУЧИЕВЫМ.

«Презрев угрюмый рок...»

...Герой — это человек, который в решающий момент делает то, что нужно в интересах человечества.

Ю. ФУЧИК

Знамя советской науки поднято на станции «Северный полюс-1» (СП-1): И. Папанин, Э. Кренкель, П. Ширшов, Е. Федоров.

Фото В. Темина

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, КАВАЛЕР ВОСЬМИ ОРДЕНОВ ЛЕНИНА, ДОКТОР ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК, КОНТР-АДМИРАЛ ИВАН ДМИТРИЕВИЧ **ПАПАНИН** ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ НАШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА ЛАРИСЫ ШАРМАНОВОЙ.

— Иван Дмитриевич, ваше имя на всех широтах планеты неизменно ассоциируется с покорением Арктики. Для советских людей слово «папанинец» — это символ героического труда во славу Родины. Какую роль сыграл знаменитый дрейф в вашей жизни?

— Знаете ли, сам до сих пор горжусь тем, что я — папанинец. Не Папанин, а именно «папанинец». И когда вспоминаю ту знаменитую эпопею, — а вспоминаю часто, — то считаю ее как бы кульминационным пунктом своей жизни. Я — счастливый человек. И повезло мне с самого начала. Повезло родиться в Севастополе, на Корабельной стороне. Повезло иметь отца-моряка и деда-моряка. Повезло мальчишкой пойти работать учеником токаря в Севастопольские военные мастерские. Повезло, наконец, начать военную службу не где-нибудь, а на Черноморском флоте и там же встретить революцию.

«Не распускать нюни, что бы ни случилось», «один за всех и все за одного», «не подкачай, браток», «не трепаться, а делать» — вот девизы моего детства и юности. Чувства коллективизма, товарищества, братства завязывались во мне и моих сверстниках уже тогда крепкими морскими узлами.

Вспоминаю гражданскую войну. Оккупированный войсками Врангеля Крым. Наша Повстанческая армия действует по тылам. Плохо с оружием, боеприпасами. Мне поручено добраться до штаба Южного фронта — к Фрунзе — и доложить обстановку. А как пробраться через Перекоп? Но для красного матроса-черноморца не должно быть невозможного. Договорился я за тысячу николаевок с турками-контрабандистами, засунули они меня в мучной куль и пронесли мимо таможни на фелюгу. Плывем в Турцию. Стою — палец на курке: чую неладное — хотят в море меня вышвырнуть. «Нет, — думаю, — так легко вы меня не возьмете». Вдруг на мое счастье мотор зачихал — и фелюга ни туда, ни сюда. Ну, помог я им, починил мотор. Десять раз сказал спасибо учителю своему, рабочему-мотористу, за науку. А контрабандисты меня все-таки обманули: высадили не в Трапезунде, как договаривались, а в Синопе. Вот эти двенадцать дней, что я добирался под видом глухонемого дервиша до Трапезунда, где был наш советский консул, мне дались трудней всего. Не из-за голода и опасности, а потому что боялся подвести своих, не успеть с помощью. Успел! Михаил Васильевич Фрунзе дал тогда оружие, боеприпасы, катер для десанта, и мы высадились вовремя в тылу белых... За эту операцию в 1920 году я получил свою первую награду — боевой орден Красного Знамени.

— А как и когда вы — южанин — оказались связанным с Севером?

— На Север впервые попал в 1925 году. Направили меня в Якутию, на Алдан, строить метеостанцию. Глухое место, да еще с остатками белогвардейских банд. Но черноморская закалка — великое дело. Метеостанцию мы построили за год вместо двух, и с бандитами покончили. Вот тогда-то я и «заболел» Севером. Вообще-то «заболел» закономерно. В это время уже полным ходом развернулось исследование Северного морского пути. Партия поставила перед страной наряду с другими и задачу освоить советскую Арктику. Огромная и богатейшая территория — в несколько миллионов квадратных километров — представляла собой, по сути, ледяные пустыни. Требовалось строить порты и наладить снабжение населения всем необходимым. Надо было изучать тут движение льдов и атмосферы — этой «кухни» погоды нашей страны, исследовать природные богатства, учить людей, спасать вымирающие народности. Одним словом, дел — непочатый край.

На своей первой зимовке — на

метеостанции я впервые узнал, как нужны данные о погоде от таких вот «микролабораторий». Казалось бы, капля в океане, но без нее невозможно составление долгосрочных, надежных прогнозов ледовой обстановки и погоды в окраинных арктических морях, а без этого нельзя не только осваивать Северный морской путь, но и предсказывать погоду на Большой земле.

Нужные и сложные народнохозяйственные задачи решали тогда наши полярники. И первая дрейфующая станция была частью огромной научно-исследовательской программы. На лед высадили нас четверых: геофизика Евгения Константиновича Федорова, гидролога и гидробиолога Петра Петровича Ширшова, радиста Эрнста Теодоровича Кренкеля и меня — начальника экспедиции.

В своей книге «Жизнь на льдине» я подробно рассказал о том, как мы готовились к экспедиции, и день за днем описал наше пребывание на Северном полюсе. Поэтому не буду повторяться. А вспомнить в связи с этим мне хочется вот что. Я храню как реликвию экземпляр характеристики, которую дал мне начальник Главсевморпути академик Отто Юльевич Шмидт, рекомендуя в качестве руководителя экспедиции «Северный полюс». Там были такие слова: «Папанин — человек, который в особой, обостренной степени обладает чувством цели».

Я очень горжусь этой характеристикой, но вдвойне горжусь тем, что такой оценки были достойны многие и многие советские люди. Ведь какое было тогда время — тридцатые годы! Время невероятного, яростного всенародного энтузиазма! Вспомните хотя бы Магнитогорск, Днепрогэс, строительство Комсомольска, полеты стратонавтов, наших летчиков! А мои товарищи по дрейфу? Они показали себя людьми социалистической формации, советского воспитания, с обостренным чувством долга перед Родиной, влюбленными в свое дело, занятыми будничной, очень трудной и кропотливой, изнуряющей работой, но тем не менее увлеченными ею и понимавшими важность сведений о неведомом людям мире.

О нашей жизни и работе на льдине говорили, что это был подвиг. Но мы об этом и не думали тогда вовсе. Просто старались выполнить возложенную на нас задачу и для достижения этой цели стремились мобилизовать всю волю, энергию, знания, подчинить этой цели свои чувства.

Мы пробыли на льдине 281 день. Да, это действительно было трудно: постоянная смертельная опасность, холод и сырость, недосып и отсутствие элементарных бытовых условий, изнуряющая физическая работа. Но мы знали, что нам, первооткрывателям, доверено дело огромной важности, что за нами следит весь мир, были уверены, что Родина и партия в любой момент готовы поспешить на выручку.

Были в моей жизни и позже критические ситуации, смертельная опасность и огромная ответственность, но тот дрейф стал для меня как бы аккумулятором энергии и залогом уверенности в том, что человек, убежденный в своей правоте, вооруженный знаниями и сильной волей, способен совершить буквально чудо, выполнить любое дело. И сегодняшние дела советских людей это убедительно подтверждают. Вот ведь совсем недавно два героя-космонавта провели в Космосе 140 дней—половину того срока, что мы прожили на льдине. Подумайте — в Космосе, в условиях невесомости, в сложнейшей обстановке! Поистине, возможности человека неисчерпаемы.

— В наши дни условия работы на Севере не сравнить с теми, что были в тридцатые годы. Но ведь природа Арктики по-прежнему грозна, коварна, полна опасностей, и по-прежнему условия там, как теперь принято говорить, экстремальные. Если тут вспомнить о религии, то можно заметить: очень часто обращение людей к богу случается именно в таких условиях, в наиболее трудные периоды жизни. Могут ли условия Арктики быть подходящей почвой для религиозной веры, и как вы вообще относитесь к вере людей в сверхъестественные силы!

— Хочу сразу сказать: я — безбожник с юных лет, хотя мать у меня была верующей. Как-то на пасху дала она мне корзину с десятком яиц и послала святить их в церкви. «А за это, — говорит, — я тебе отдам свое яйцо, твое и ничье десятое» (семья у нас из девяти человек состояла). Пришел в церковь, дождался, пока и в моей корзине яйца посвятили, и только собрался домой, как подходит дьячок и забирает половину яиц. Уж так я за это рассердился и на него, и на бога — можно сказать, на всю жизнь. Больше в церковь ни ногой. Когда в царском флоте служил — все знали, что я неверующий, и на уроки закона божьего да на службы церковные меня даже не звали.

Арктика и религия? На мой взгляд, эти понятия несовместимы. Мне трудно даже представить, что в полярной экспедиции кто-то может быть верующим. Когда разыгрывается жестокий шторм, трещат, торосятся льды, рушится палатка, — нужно действовать быстро, решительно, четко и дружно. Остановись на лишнюю секунду попросить бога о помощи, о спасении — тут тебе и крышка. Со стихиями надо бороться не молитвами и покорностью, а активно, действенно.

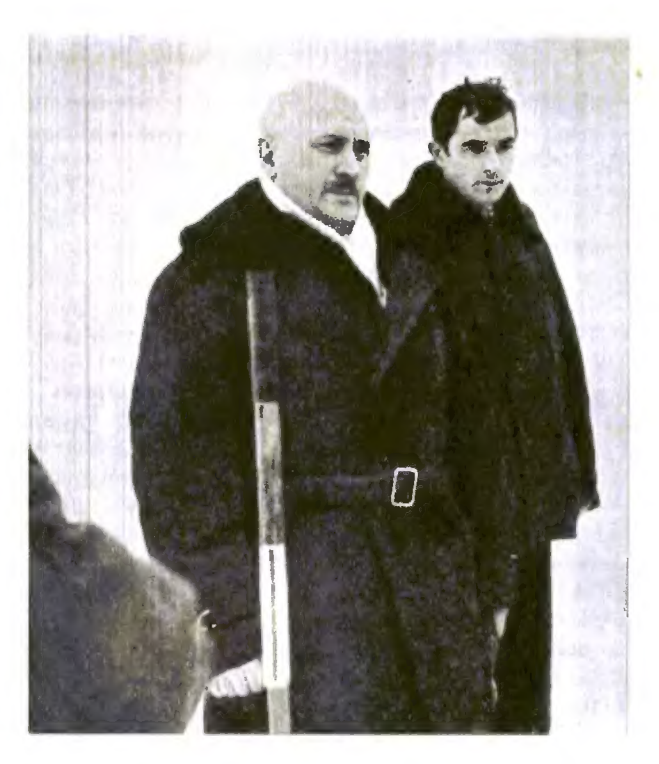
Да, человек может в какой-то момент показаться себе самому в Арктике ничтожной песчинкой, затерянной в «белом безмолвии». Но такое осознание своей ничтожности да еще при уповании на помощь бога может привести только к гибели. Север требует от человека веры в свои силы, четких знаний, разнообразных практических навыков, выдержки, коммуникабельности. А взаимоподдержка, коллективизм, жизнерадостность? Как без них преодолеть долгие полярные ночи? Когда в людях присутствуют такие качества, — религия им ни к чему.

Нет, я считаю, что экстремальные природные условия именно для религии являются экстремальными. Так что полярник — это самая атеистическая профессия. И как тут не вспомнить знаменитого северянина Михаила Васильевича Ломоносова. Он ведь с детства наблюдал грозные явления природы — северные сияния, буйные штормы, видел бескрайние ледяные поля, слышал молитвы и сетования поморов и их семей, объяснявших гибель близких в море провидением, неумолимым роком. Но уже тогда он прозорливо сказал:

Колумбы россиские, презрев угрюмый рок,
меж льдами путь проложат на Восток...

Эстафета

БЕСЕДУ С ГЕРОЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА КАПИТАНОМ АТОМНОГО ЛЕДОКОЛА «АРКТИКА» ЮРИЕМ СЕРГЕЕВИЧЕМ **КУЧИЕВЫМ** ВЕДЕТ НАШ СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ВАЛЕРИЙ ЗЫБКОВЕЦ.

В мире много сил великих,
Но сильнее человека
Нет в природе ничего...
СОФОКЛ

Ю. С. Кучиев на торжественном митинге на Северном полюсе.
Фото Н. Константинова

— Скажите, пожалуйста, сталкивались ли вы с религией, и оказывала ли она на вас какое-либо влияние!

— Должен сказать сразу: я — атеист. Больше того, совершенно не представляю себя носителем другого, не материалистического мировоззрения. Иначе, мне кажется, и быть не могло. Я родился в том году (1919), когда отец мой, бедняк осетин, стал членом партии большевиков. И прошел всю школу коммунистического воспитания, типичную для советских людей: пионер, комсомолец, коммунист. Как мог я вырасти человеком другого мировоззрения, другой жизненной позиции?

Но это вовсе не означает, что я шел по какому-то накатанному, совершенно гладкому пути. После средней школы я поступил в Институт инженеров железнодорожного транспорта. Хотя у меня была другая мечта — стать военным летчиком. Однако жизнь нередко вносит коррективы в судьбы людей. Сегодня, глядя на свой путь с высоты прожитых лет, я могу совершенно искренне сказать: жил интересно, с полной отдачей физических и духовных сил, не искал легких дорог.

Об этом говорит и решительный поворот, который я совершил весной 1941 года. Тогда я по совету ставшего мне и учителем и другом в то время заместителя начальника Главного управления Северного морского пути Героя Советского Союза М. И. Шевелева поступил матросом второго класса в Архангельское арктическое пароходство. С этого времени я — полярник. Плавал на различных ледоколах — первых русских и первых советских — на «Ермаке», «Малышкине», «Красине», «Сибирякове». Затем был дублером капитана и капитаном атомного первенца «Ленин», а позже — нового гиганта «Арктика».

— Что же привлекло вас именно к этой профессии!

— Помните у В. Маяковского: «Все работы хороши, выбирай на вкус!» Конечно, нельзя делить профессии на «хорошие» и «плохие», но все же для каждого трудящегося человека есть среди них самая любимая. Я недаром хотел стать летчиком. Меня с юности очень привлекали профессии, как говорят, героические, при которых требуется работа с полной отдачей сил — на грани обыденного труда и подвига. Кто называет это экзотикой, кто — романтикой, а по мне, только такую работу должен делать мужчина.

Но работа работой, риск риском, а нас, полярных моряков, Север постоянно манил своей неизведанностью. Особенно притягивал к себе полюс. Такова уж, по-моему, особенность человека. И вот наконец-то наш поход на «Арктике». 17 августа 1977 года на Большую землю пошла телеграмма: «Борт атомного ледокола «Арктика». Прибыли в 4.00 московского времени Северный полюс. Лед 10 баллов, многолетний. Поля, торосы, маловетрие. Воздух минус 5. Слабый снег».

Не погоня за рекордами, не жажда сенсации вели советских людей сюда, в эти пустынные и гибельные места, а уверенность в том, что результаты их труда принесут огромную народнохозяйственную и научную пользу.

Само название рейса «Арктики»—научно-практический экспериментальный — говорит о цели и задачах, поставленных перед экипажем и исследователями Родиной.

До августа 1977 года ни один надводный корабль не достигал Северного полюса. Тяжелейшая ледовая обстановка требовала огромного напряжения, мастерства людей, четкой, бесперебойной и надежной работы техники, слаженного, спаянного единой целью экипажа. Ведь то, что мы сделали, — не рекордный бег. Поход к полюсу — не конец большого дела, не финиш. Наоборот — начало огромной работы по освоению высокоширотных маршрутов. Вот уже и атомный ледокол «Сибирь» завершил такой, причем не только научно-экспериментальный, но и коммерческий рейс. Думаю, пройдет немного времени и полярные моряки как следует «обживут» высокие арктические широты.

В нашем походе мы видели еще одну цель. Вы понимаете: мы сомкнули день вчерашний с сегодняшним — донесли эстафету, полученную из рук первопроходцев Севера. Трудно выразить словами мои чувства, но я с трудом сдерживал слезы, когда мне доверили нести к флагштоку с флагом нашей Родины обломок древка флага экспедиции Георгия Седова. Да, это была эстафета...

— Известно, что с нелегкой, полной опасностей профессией моряков издавна связано немало суеверных традиций. Что вы думаете по этому поводу!

— Я уже говорил, что стал моряком в советское время, когда у нас практически не осталось профессиональных суеверий, бытовавших в старом флоте. Кроме того, я ведь почти сразу стал ра-

ботать на ледоколах, то есть кораблях совершенно нового класса, с задачами, которые практически до этого не ставились никогда никаким другим кораблям. Какие суеверия могут существовать на современном ледокольном флоте? Самую передовую энергетическую и навигационную технику должны обслуживать и обслуживают специалисты высочайшего класса, имеющие среднее специальное, а часто и высшее образование. Конечно же, не среди таких людей надо искать суеверных.

Не меньшее значение в данном случае имеет и то, что мы, ледокольщики, порой должны выходить в море в любой день, в любой час, сознавая, что именно от нас зависит жизнь людей, участь кораблей, затираемых в этот момент льдами.

Однако есть у советских моряков некоторые традиции, уходящие корнями в суеверия, в давние религиозные верования первых мореплавателей. Возьмем, к примеру, обычай отмечать при переходе через экватор праздник Нептуна. Правда, самому мне ни разу не довелось его переходить — я полярник, но уверен, однако, что принципиально этот праздник мало чем отличается от тех вечеров отдыха и концертов самодеятельности, которые устраивают у нас на ледоколах. Он служит прекрасной психологической разрядкой для людей, на многие месяцы оторванных от материка, Родины, семьи.

А возьмем «крещение» корабля, спускаемого на воду. Читал как-то, что у народов Древнего Востока и у средневековых норманнов при спуске судна на воду приносили в жертву невольниц, кровью обрызгивали новый корабль. Сегодня мы разбиваем о форштевень судна бутылку шампанского, нашу атомную «Арктику» «крестили» так же. Суеверие? Нет, не более чем дань старинной традиции, в которой не осталось ни грана религиозности.

Появились у наших моряков теперь и совершенно новые традиции. Как известно, у советских людей сейчас принято перед совершением какого-то большого и важного для страны дела идти к Ленину, к Мавзолею. Перед тем как идти в этот рейс, я съездил в Смольный и перед памятником Владимиру Ильичу мысленно поклялся работать так, чтобы освоить новый ледокол.

Вполне вероятно, что весь состав нашей высокоширотной экспедиции был участником и свидетелем рождения еще одной новой традиции. Когда мы пробились к полюсу и с помощью новейшей техники определили свое место, то установили на полюсе стальную мачту, закрепили ее как следует и подняли флаг нашей Родины. У основания мачты заложили капсулу с текстом проекта новой Конституции СССР (в те дни шло его всенародное обсуждение), Гимна Советского Союза, с номерами газет «Правда», «Известия» и «Комсомольская правда» и со списком всех участников экспедиции. Вокруг флагштока обозначили земную параллель радиусом в одну дуговую секунду (около 30 метров) и совершили по этому маршруту самое быстрое и короткое в истории «кругосветное путешествие»-демонстрацию. Кто знает, может быть, те, кто придет сюда после нас,— это обязательно будет — сделают так же.

Чтобы закончить разговор о суевериях, скажу вам вот еще что. Издавна считается «несчастливым» число 13. 13 августа 1977 года для нас, всего экипажа «Арктики», было обычным рабочим днем, может быть, даже более удачным, чем предыдущие,— мы еще ближе подошли к полюсу. А весь наш рейс длился ровно 13 дней.

— Что определило успех «Арктики»!

— Причин успеха много. К рейсу на Северный полюс наш экипаж готовился, можно сказать, с тех самых пор, как он скомплектовался в период строительства «Арктики» в 1972 году. Костяк составили специалисты, прошедшие хорошую школу на первом атомоходе «Ленин». Любопытная деталь — до появления атомного ледокола среди моряков бытовало мнение: работать на таком корабле опасно. Но уже первое плавание «Ленина» показало: люди привыкли к атомной установке, научились не бояться ее и грамотно эксплуатировать.

Ледовые испытания «Арктики», а затем сама работа, особенно в 1976 году, показали, что мы получили великолепный, совершенный и необычайно мощный ледокол, способный преодолеть практически любые льды. Именно о таких кораблях мечтали старые полярники, когда на прежних ледокольных пароходах встречали даже не очень тяжелые ледяные поля.

Но и они еще не самое трудное и опасное из того, что подстерегает ледокол в работе. В 1956 году современный дизельный ледокол «Ленинград» (его мощность 26 тысяч лошадиных сил) был на метр выдавлен льдами из воды во время сжатия. Ему заклинило винты, и он целый месяц не мог тронуться с места. «Арктика» при своей мощности в 75 тысяч лошадиных сил способна противостоять тяжелейшим сжатиям льда.

Мощная техника, самое современное оборудование, методика ледовой разведки, высококлассные специалисты — все это помогло нам достичь цели. Но есть еще и самая главная причина успеха, без нее даже наисовершеннейшая техника бесполезна. Я имею в виду людей, коллектив экспедиции, спаянный единой целью. Подчеркиваю: единой!

Я плохо разбираюсь в религиозных учениях. Но мне кажется, что даже самая крепкая религиозная община или группа единоверцев никогда не составляли и не составят сплоченного единой целью коллектива. На первый взгляд, верующих объединяет общая цель — так прожить жизнь, чтобы после смерти обрести для себя вечное блаженство. Но ведь каждый стремится обрести его для себя — лично. И получается, что для верующего человека главное — собственное благо, а у нас цель иная — благо для всех.

Итак, каждый член нашего коллектива добивался единой, общей цели для всех, значит, в том числе и для себя. Здесь личное становилось частью общего, общественного. И в то же время коллектив не подавлял личного, индивидуального в каждом своем члене. Мне представляется, что коллективы, подобные нашему, — прообраз гармонически, всесторонне развитой личности. В таком коллективе каждый несет своего рода эстафету того доброго, честного, талантливого, что передано нам нашими предшественниками. Мы же в свою очередь должны передать это тем, кто придет нам на смену.

СЛОВО ЗОВУЩЕЕ

На вопросы нашего корреспондента О. Брушлинской отвечает первый заместитель председателя Правления республиканского общества «Знание» Туркменской ССР Реджеп Караевич КАРАЕВ

—Какое место в лекционной пропаганде, проводимой обществом «Знание» республики, занимает атеистическая тема, что нового появилось в организации и содержании атеистической пропаганды после выхода постановления ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды»!

— Всего в Туркмении 24 тысячи членов общества «Знание», специально атеистической пропагандой занимаются около четырех тысяч человек. При республиканском правлении, областных и районных организациях созданы научно-методические советы, секции и комиссии по пропаганде научно-атеистических знаний. Под руководством и при участии партийных и общественных организаций атеистическая пропаганда планомерно ведется среди рабочих и колхозников, сельской и городской молодежи, студентов, пенсионеров и т. д. В 1978 году в республике прочитано свыше 8500 атеистических лекций. Однако правильнее было бы назвать значительно большую цифру. Наши пропагандисты, читающие лекции, скажем, на естественные темы, также стремятся нести в массы атеистические знания и сведения, способствующие расширению кругозора людей, выработке научно-материалистического мировоззрения. То же можно сказать и о лекциях, посвященных проблемам коммунистического труда, дружбе народов, советскому образу жизни...

На примере нашей республики ясно видно, насколько справедливо положение постановления ЦК КПСС о том, что лекционная пропаганда «прочно вошла в духовную жизнь страны, превратилась в действенный фактор формирования научного мировоззрения, активной жизненной позиции, высоких идейно-политических и нравственных качеств советских людей...»

Постановление потребовало от всех лекторов Общества улучшения их деятельности. У нас состоялся пленум правления республиканского общества «Знание», который определил конкретные пути осуществления поставленных задач. Мы проводим опросы, чтобы понять, какие чувства и мысли вызвала лекция, что дала людям, потом обсуждаем результаты на заседаниях научно-методических советов. Стараемся также полнее учитывать особенности каждой аудитории, привлекаем для чтения лекций наиболее опытных специалистов, обладающих богатым запасом знаний и умеющих популярно донести их до людей. Все это, несомненно, также способствует повышению эффективности атеистического воспитания.

Главное место в деятельности нашего Общества занимает пропаганда марксистско-ленинской теории, глубокое разъяснение внутренней и внешней политики партии, документов XXV съезда КПСС, новой Конституции СССР, актуальных проблем научного коммунизма, разработанных в трудах Л. И. Брежнева и других партийных и государственных деятелей.

«Марксизм, — писал Ленин, — есть материализм. В качестве такового, он... враждебен религии». Марксистско-ленинская философия, как известно, не просто имеет атеистический характер, но и органически включает в себя атеизм. Единство материалистической философии и научного атеизма — один из центральных марксистско-ленинских методологических принципов, который лежит в основе ленинских атеистических работ.

Вот почему наши лекторы, разъясняя внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии, нередко рассказывают о том, какую отрицательную роль в жизни людей играет религиозное миропонимание, как используется религия в борьбе идей на международной арене. Мы показываем, что религиозная мораль несовместима с моралью коммунистической, что соблюдение религиозных обрядов, следование требованиям религии невольно приводит человека в противоречие с коммунистической нравственностью, дает ему неверные ориентиры в общественной и личной жизни.

В решении упомянутого мною пленума правления Общества записано, что лекционная пропаганда должна способствовать формированию общественного мнения. Это касается различных сторон жизни производственных коллективов, колхозов, учебных заведений, но здесь совершенно необходимо создание и атеистического общественного мнения. Ведь в некоторых случаях религиозная идеология у нас в республике еще оказывает влияние на судьбы отдельных людей. Вот почему наши лекторы разъясняют, что если человек не выражает непримиримого отношения к этому, не занимает в этом вопросе твердой позиции, — он фактически способствует сохранению религиозных пережитков.

Мы добиваемся, чтобы лекции по атеизму не были абстрактны, а, касаясь общих положений, объясняли и то, какое отношение они имеют к данной местности, к данному коллективу. Сегодня разъяснять, как толкует Коран, например, сотворение мира, пожалуй, не столь актуально. Если мы хотим противостоять мусульманской проповеди, то надо знать, как она говорит о проблемах нравственности, о национальном вопросе и т. д. Требование конкретного подхода, содержащееся в постановлении ЦК КПСС, мы целиком относим и к атеистической пропаганде.

— Конкретный подход невозможен без учета специфики религиозности населения. В чем она состоит в Туркмении!

— Соблюдение мусульманских обрядов, паломничество к «святым» местам, вера во всевозможные амулеты, следование шариатским требованиям в отношении к женщине — вот в каких формах в основном проявляются сегодня в Туркмении религиозные пережитки. Все это учитывают пропагандисты атеизма.

Особое внимание уделяем мы «святым» местам. В Туркмении их пока еще немало, и это обязывает нас усиливать атеистическую пропаганду именно в этом направлении. Один из активных наших пропагандистов кандидат исторических наук археолог Еген Атакаррыев изучает историю «святых» мест и регулярно выступает на радио с рассказом об их истинной сути. На семинарах пропагандистов и организаторов атеистической работы он сообщает участникам сведения из истории, которые необходимы для разъяснительных бесед с паломниками. Он также написал интересную брошюру о «святых» местах, мы ее издали. Вообще такие брошюры мы выпускаем регулярно.

В Кизыл-Арватском районе, например, есть в горах знаменитое «святое» место — мавзолей Пароу-биби. Еще 20 лет назад его посещало множество женщин. Они верили, что некая мусульманка, дочь хана, погибшая от несчастной любви, поможет им в женских горестях, пошлет детей. И сейчас еще можно увидеть немало лоскутков на кустах и деревьях, окружающих мавзолей, — так отмечают паломницы свой приход к святой. Когда мы проводили семинар работников общества «Знание» в этом районе, мы привезли всех его участников к этому месту. Рассказали, какая легенда с ним связана, какова его истинная история, порекомендовали, как лучше объяснить людям наивность их веры.

Писали мы и о мазаре Исмамыт-Ата в Тахтинском районе, о святом Арчмане, Салтан-Санджаре и других «святых» могилах. Стараемся организовать индивидуальную работу с людьми, особенно активно посещающими «святые» места или даже пропагандирующими их. Однако здесь еще нам немало предстоит сделать.

— Реджеп Караевич, расскажите об атеистической и вообще воспитательной работе среди женщин, вы отмечали ее актуальность для ваших условий.

— Это для нас действительно актуально. С одной стороны, в отношении к женщине пока сохраняются кое-где феодально-байские пережитки, освященные в свое время исламом, тесно связанные с религией. Живет еще калым, нередко женщину изолируют от общественной жизни, мешают ей получать образование. От всего этого не избавиться без активного участия самих женщин, без изменения их психологии, приобщения к производству, культурной жизни и т. д. С другой стороны, бывает, что именно женщина выступает главной хранительницей мусульманских традиций в доме, передает свое отношение к религии детям, особенно девочкам, иначе говоря, способствует воспроизводству религии в нашем обществе. С учетом этого у нас в республике организована в больших масштабах работа среди женщин.

В 1972 году в Туркмении были созданы первые в Средней Азии научно-методические советы по работе среди женщин при организациях общества «Знание». Наше Общество принимало участие в создании клубов девушек: жизнь показала, что это очень эффективная форма. Всего в республике их сейчас около 700, причем главную роль в них играют комсомольские организации, а общество «Знание» помогает в проведении мероприятий, направляет сюда высококвалифицированных лекторов — ученых, общественных деятелей, других интересных людей.

Многое делают наши знатные женщины. Мы привлекаем их к участию в республиканских мероприятиях, в радио- и телевизионных передачах. Так, активно участвует в пропагандистской работе среди женщин депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Коммунизм» Туркмен-Калинского района Кызылгуль Аннамухамедова. У нас вышла ее брошюра «Современные свадьбы», где она резко осуждает калым, дает советы женам и матерям. Ее очень уважают в республике, и ее слово имеет огромное воспитательное значение.

Особо надо отметить работу республиканского устного журнала для женщин «Гульшат» *. Его ведут женсовет при ЦК КП Туркмении и общество «Знание». Он делает очень много для формирования сознания женщин, воспитания активности, изживания пережитков прошлого, привлечения к общественному труду.

— Какие формы лекционной пропаганды используются сегодня в республике?

— В постановлении ЦК КПСС отмечается, что пропаганда должна быть яркой по форме. Стремясь максимально приблизить ее к делам и заботам тружеников промышленности и сельского хозяйства, сделать эффективной, мы проводим встречи с участием Героев Социалистического Труда, Героев Советского Союза, ветеранов партии, войны, труда, деятелей литературы, искусства, устраиваем вечера вопросов и ответов, организуем циклы лекций и кинолектории на предприятиях, в учреждениях.

Качество пропаганды во многом зависит от подготовки лекторских кадров. Мы это учитываем — у нас есть постоянно действующие семинары, проводим и проблемные. Недавно, например, состоялся семинар, посвященный путям повышения эффективности атеистического воспитания трудящихся в свете решений XXV съезда КПСС и XXI съезда Компартии Туркмении.

Основной принцип организации лекционной пропаганды у нас — комплексный подход к воспитанию трудящихся. Жизнь показала, что этот путь совершенствования идеологической работы, указанный XXV съездом КПСС, высокоэффективен. Творческое содружество пропагандистов естественнонаучных, правовых знаний, лекторов-международников, знатоков проблем интернационального воспитания и тех, кто ведет атеистическую пропаганду, приносит хорошие результаты. Организованная по этому принципу лекционная пропаганда эффективно служит воспитанию у советских людей высокой идейности, культуры, гражданской ответственности, коммунистического отношения к труду, нравственной чистоты, советского патриотизма и интернационализма, выработке атеистических убеждений. Именно эти требования предъявляет к нам постановление ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды».

---

* О работе устных женских журналов в Туркмении читайте в этом номере корреспонденцию И. Евснковой «Цветок радости».

ЦВЕТОК РАДОСТИ

Народная артистка СССР Сона Мурадова беседует со школьницами.

Внизу: О. Тагандурдыева читает слушательницам «Гульшат» поэму «Аннаджемал — дочь Хыдыра».

Гульшат — популярное туркменское имя. И, конечно, не случайно так назван устный журнал общества «Знание» Туркменской ССР и Республиканского женсовета при ЦК КП Туркмении, адресованный женщинам. Журналу — пять лет, за это время он сделался популярным и желанным гостем во многих селах и городах республики. В редакционном совете журнала — ученые, врачи,учителя, журналисты, артисты, художники — умные, талантливые люди, которые хорошо знают дела и заботы туркменских женщин.

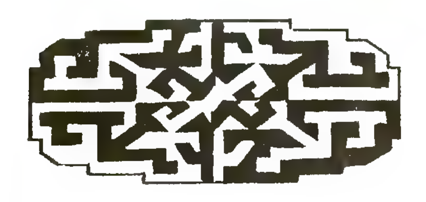
— Как раз сегодня вечером заседание совета, приходите, — пригласила меня Майя Клычева — ответственный редактор, организатор и постоянный ведущий всех выпусков «Гульшат».

Совет собрался, чтобы обсудить программу 20-го выпуска устного журнала. Здесь были Сона Мурадова, народная артистка СССР, которую называют «матерью «Гульшат»,— она не пропустила ни одного выпуска журнала, и в каждом — большая доля ее труда, ее души; директор школы Герой Социалистического Труда Раджеп Ухулова, редактор телевизионной передачи для женщин «Айна» Бибисара Хапизова, писательница Огулсолтан Тагандурдыева, заслуженный врач республики Босан Сарыева, заведующая юридическим отделом Совета Министров ТССР Марал Таганова. Они хорошо знают, что волнует тех, к кому обращен их журнал. Их главная цель — помочь женщине избавиться от того, что порой не дает ей ощущать

Заслуженный врач ТССР Босан Сарыева.

И. ЕВСИКОВА,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

себя полноценной личностью в обществе, нормально трудиться, создать счастливую семью.

Где-то девушке не дали закончить десятилетку, в другой семье — не разрешают поступать в институт, в третьей — разлучили с любимым или превратили молодую женщину в затворницу, не пускают работать. Даже в Ашхабаде, большом современном городе, на промышленных предприятиях работают только около 15 процентов женщин коренной национальности. Из полутора тысяч работниц хлопчатобумажного комбината — лишь 190 туркменок. А в сельской местности эта проблема стоит еще острее. Именно из этих районов чаще всего приходят письма, в которых звучат обида, боль, просьба о помощи.

«Не сбывается моя мечта поступить в университет, — пишет выпускница одной из школ Чарджоуской области Солтан Сабирова. — Все дело в том, что родители запретили мне учиться. Если я куда-нибудь выхожу из дома, отец начинает браниться и строго меня наказывает. Нас шестеро сестер, все закончили школу, но никто не учится и не работает. У родителей одна забота, как можно скорее и выгоднее выдать нас замуж, да только за того, кого они сами выберут. Помогите!»

Против этих обычаев выступает не только молодежь. Осуждают их и люди старшего поколения. Вот что написал Саркули Назаров из колхоза «Москва» Векиль-Базарского района:

«Мой сын полюбил девушку из нашего аула, и они решили пожениться. Я не возражал: пусть обзаводится семьей, если пришла настоящая любовь. Мы отправились к родителям девушки просить ее руки. Они как будто не возражали. Но на другой день невеста исчезла, родители отправили ее в отдаленный аул, а моего сына обвинили в том, что он не любит их дочь, раз не заговорил о калыме. Видимо, у них на примете был другой, более «сговорчивый» жених. А я тогда подумал, что нет у нас таких денег, чтобы выплатить калым, говорят, нужно тысяч десять!»

Конституция СССР гарантирует равноправие мужчин и женщин. И от самих женщин, от их воли, упорства, от их желания освободиться от пережитков прошлого зависит положение в семье и обществе. «Гульшат» хочет пробудить в них это стремление, показывает, как это можно сделать. Свобода и счастье не приходят сами по себе, их надо завоевать. И в выпусках журнала, как правило, выступают известные в республике ветераны партии, войны и труда, ученые, деятели литературы и искусства. У большинства из них за плечами трудная и яркая жизнь — пример борьбы за свое счастье.

Неизвестно, как сложилась бы судьба народной артистки СССР Соны Мурадовой, если бы не проявила она решительность и смелость в трудную минуту жизни. Было это в далеком 1923 году. После смерти отца мать вторично продали замуж. И Сону с сестрой ждала такая же участь. Сестер Мурадовых приняли в интернат в Ашхабаде. Потом Сона закончила педагогический техникум, работала учительницей, но все время мечтала стать актрисой. Она добилась своего, закончила театральную студию... И вот уже более 40 лет ее имя не сходит с афиш драматического театра имени Молланепеса, во всех уголках Туркмении радостно встречают ее приезд. Сона преподает в театральной студии, воспитывает молодежь. Она знает, что многие девушки, прежде чем прийти в студию, должны были преодолеть серьезное сопротивление родителей. Сона Мурадова многим помогла обрести уверенность в себе, не бросить выбранный путь. И в каждом ее выступлении в журнале «Гульшат» звучат и тревога за тех женщин, что не обрели счастья, и призыв самим устраивать свою судьбу.

Не считаясь ни с личными делами, ни с усталостью, едут участницы «Гульшат» и в города, и в самые далекие аулы, в горы — поездом, самолетом, вертолетом, на машинах, а то и на верблюдах. Радость от встречи со слушательницами, которые их ждут, сознание пользы, приносимой журналом, вознаграждают за все трудности, хлопоты и заботы.

По первому звонку Майи Клычевой собирается в дорогу Раджеп Ухулова. На встречах со слушательницами она рассказывает о том, какой ценой доставались знания туркменкам, родившимся в начале нынешнего века. В первые же годы Советской власти началась работа по ликвидации неграмотности, несмотря на трудные условия гражданской войны. Активно развернулась она в годы строительства социализма. Одной из первых пришла Раджеп в школу, созданную в их ауле для детей бедноты. Учителя Джума Клычев и Шамурад Язмухаммедов объясняли ребятам, что дают людям грамота, знания. Девочка стала не только одной из лучших учениц, но и хорошей помощницей учителей в организации ликбеза для женщин. Она ходила из аула в аул, звала их учиться. На пути туркменок к знанию была труднопреодолимая преграда — огромная сила традиции, освященной исламом. Она запрещала женщине появляться в общественных местах, открывать лицо, отводила ей место лишь у домашнего очага. Но все же туркменки шли против запретов, тянулись к учению. Мусульманское духовенство, баи грозили таким карой Аллаха, призывали мужей и родителей не пускать их учиться, но поворот к новому был уже сделан... В судьбе самой Раджеп отразились изменения, происшед-

шие в экономической, общественной и духовной жизни ее народа. Она стала учительницей и более 40 лет преподает родной язык и литературу. Все педагоги школы — ее бывшие ученики. Другие ее воспитанники стали врачами, экономистами, агрономами.

Да, совсем устарела восточная пословица: «Когда женщина сядет в седло, наступит конец света». Теперь туркменка, образно выражаясь, всюду «на коне». Женщины управляют тракторами и комбайнами, руководят промышленными предприятиями, колхозами и совхозами, защищают кандидатские и докторские диссертации, учат детей, выступают адвокатами в суде, лечат людей.

Но есть еще женщины, до сих пор не осмеливающиеся «сесть на коня», не освободившиеся из плена религиозных пережитков. Вот к таким на помощь идет «Гульшат». Они особенно нуждаются в поддержке, в добром слове и хорошем жизненном примере. Для них — страничка журнала, где писательница Огулсолтан Тагандурдыева читает свою поэму «Аннаджемал — дочь Хыдыра». О мужестве, стойкости, нравственном подвиге и душевной красоте туркменской женщины Аннаджемал из аула Янгала рассказывает поэма. Жила Аннаджемал в маленькой кибитке с больным мужем и тремя детьми. В сильный дождь вода заливала кибитку и негде было просушить одежду, не во что переодеться. Аннаджемал день и ночь работала — ткала и шила, но за кусок хлеба все отдавала баю, себе ничего не оставалось. Когда Аннаджемал узнала, что пришла Советская власть и защищает бедняков, она стала всеми силами помогать новой власти, призывала женщин участвовать в коллективном труде и общественной работе, пошла против всех запретов шариата, против вековых традиций. Ее ненавидели те, кто цеплялся за старую жизнь. В апреле 1925 года они зверски убили Аннаджемал. Память о ней живет сегодня среди людей. Ее именем названа школа № 9 Геок-Тепинского района, возле которой высится памятник Аннаджемал — он сооружен на средства, заработанные школьниками.

«Гульшат» едет туда, где нужна, по мнению редакционного совета, его помощь. Сразу же после обсуждения Бюро ЦК Компартии Туркменистана состояния атеистической пропаганды среди трудящихся Казанджикского района был подготовлен специальный выпуск журнала для женщин этих мест. На одном из заседаний редакционного совета был показан телевизионный фильм о паломничестве к «святым» местам в Бахарденском районе. По четвергам и пятницам туда тянутся верующие. В основном это старики и женщины, но нередко с ними приходят дети. Их всех ласково встречает Бабиэдже — хранительница «святого» места. Желающих задержаться подольше она обеспечивает ночлегом и пищей. Есть у нее напрокат даже детские коляски. А в благодарность берет деньги, баранов и другие приношения... Решили ехать именно в этот район. Фильм включили в программу журнала на встрече с труженицами колхозов и совхозов Бахарденского района, рассказали женщинам о том, что это за «святые» места, кто создал им такую славу.

В селах республики ждут приезда «Гульшат». Журнал всегда приносит радость, дает советы, помогает, как хороший друг. Советует, как выбрать профессию, как строить семейную жизнь, воспитывать детей, как беречь здоровье, какие читать книги. А разве не важно для женщины умение одеваться и создавать уют в доме? «Гульшат» приглашает на свои выпуски модельеров, закройщиков, кондитеров. Массу полезных советов получают женщины на этих встречах. Им помогают найти подходящий фасон платья, подобрать материал и узор вышивки, советуют, как расставить в доме мебель или красиво накрыть дастархан к приходу гостей. И еще одна немаловажная деталь — перед началом устного журнала и по завершении программы педагоги, врачи, юристы и другие специалисты из Ашхабада проводят индивидуальные консультации. Женщины задают много вопросов юристу Марал Тагановой, которая ведет рубрику «Закон и женщина».

Нередко бывает так, что, узнав о приезде заслуженного врача ТССР Босан Сарыевой, непременной участницы «Гульшат», женщины идут к ней со своими недугами.

За последнее время в республике появилось много «родственников» «Гульшат» — местных устных журналов для женщин. В Чарджоуской области — «Гульбахар» (цветок весны), в Марыйской и Красноводской областях — «Элемгошар» (радуга), в Ташаузской — «Шатлык» (радость) и многие другие. С ними «Гульшат» находится в тесной дружбе и иногда проводит совместные выпуски. Так, 15-й выпуск был проведен с устным журналом «Подруги», выходящем в городе нефтяников Небит-Даге. В тот вечер женщины, работающие на нефтепромыслах и стройках, особенно тепло принимали приехавших к ним в гости доктора медицинских наук профессора Г. Аннагельдыеву и народную артистку СССР певицу А. Аннакулиеву. Такие встречи приносят женщинам и пользу и радость. В заключение выпуска с концертом выступили участники художественной самодеятельности городского Дворца культуры.

В каждом выпуске «Гульшат», как правило, принимают участие работники райкомов и горкомов партии, комсомольских организаций, заместители председателей колхозов по культуре, женский актив, клубы девушек. Послушать «Гульшат» идут уже не только женщины, но и их мужья.

Теперь у «Гульшат» стало много сторонников и помощников и из числа мужчин. Среди них всеми уважаемый поэт Керим Курбаннепесов, главный редактор литературного журнала «Совет Эдебияты». Он воспевает красоту, трудолюбие и мужество туркменок, смело критикует мужчин, почитающих предписания шариата в семейных отношениях.

На помощь журналу приходят республиканское телевидение и местное радио, и аудитория слушательниц и слушателей значительно расширяется.

Так работает «Гульшат» — республиканский устный журнал для женщин. Точный перевод слова «Гульшат» — цветок радости. Думается, название это очень подходит журналу, который хочет сделать жизнь женщин республики краше, интереснее, богаче.

М. ТРОЯНОВСКИЙ,
директор Московского
Дома научного атеизма,
кандидат философских наук

Работать с перспективой

Все свои знания, опыт, мастерство отдают лекторы Московского Дома научного атеизма пропаганде знаний, утверждению научного мировоззрения. Деятельность Дома научного атеизма координируется научно-методическим советом, который на своих заседаниях ежемесячно обсуждает вопросы, связанные с направлениями, качеством, повышением эффективности лекционной и методической работы. Под его руководством работают различные секции. Сейчас НМС принял решение о создании новых секций: контрпропаганды, критики религии и современного сионизма, новых советских обрядов, праздников и традиций, секции «Молодежь и религия», социологических исследований.

Надо сказать, что и секция и кабинет контрпропаганды, создаваемые в нашем Доме,— дело новое. Сегодня, в условиях обострения идеологической борьбы на мировой арене, необходимо и дальше совершенствовать контрпропагандистскую атеистическую работу, так как наши идейные противники все шире используют религию в идеологической борьбе против коммунизма.

Московский Дом научного атеизма подготовил рекомендации лекторам, которые помогут им широко освещать в своих лекциях место и роль религии в современной идеологической борьбе, информировать слушателей о том, как клерикалы, стремясь укрепить позиции религии и церкви, вступают в блок с самыми махровыми антикоммунистами. Наши лекторы будут больше рассказывать о положении религии и церкви в социалистических и развивающихся странах.

Руководствуясь постановлением ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды», научно-методический совет и дирекция разработали новое «Положение о Московском Доме научного атеизма», согласно которому нам необходимо усилить помощь районным организациям общества «Знание», всем учреждениям и предприятиям столицы как в учебе пропагандистских кадров, так и во всей атеистической работе.

Важнейшим направлением практической деятельности Дома на ближайшие годы должны стать совершенствование системы подготовки кадров, расширение научно-атеистической работы в первичных организациях, обобщение положительного опыта атеистической пропаганды. С этой целью мы несколько изменили структуру Московского Дома научного атеизма, создав, в частности, отделы организации лекций, методики атеистической пропаганды, кабинеты контрпропаганды, технических средств пропаганды, обрядовый кабинет. Кроме того, у нас есть лекторий, кинолекторий и уникальная библиотека. Чтобы повысить качество лекционной работы, при Московском Доме научного атеизма создана секция рецензентов. В нее входят наиболее квалифицированные атеисты столицы. Свой богатый опыт они передают молодым лекторам, в частности курируя школу молодых атеистов, созданную МГК ВЛКСМ и Домом атеизма.

Кроме того, Дом научного атеизма будет проводить в жизнь рекомендации ЦК КПСС о всемерном развитии народных университетов, которые мы намерены создать во всех районах города. В настоящее время при Доме организован университет с программой, рассчитанной на три года, а также принято решение о регулярном проведении конференций атеистического актива Москвы, где пропагандисты могли бы обмениваться опытом.

Особенно важна научно-методическая работа. Отдел методики как раз и должен способствовать тому, чтобы эта работа велась в столице на высоком уровне. Отдел будет анализировать специфику атеистического воспитания в столице, совершенствовать его формы и средства, создавать систему атеистического воспитания, обращая при этом особое внимание на качество и эффективность работы. С этой целью для чтения лекций отдел привлек наиболее видных ученых города и готовит в помощь лекторам квалифицированные методические материалы. Особое внимание мы намерены уделить изданию литературы в помощь начинающим лекторам.

Своей важной задачей мы считаем и помощь по внедрению новой обрядности, показ того, что праздники и обряды — этот важнейший компонент социалистической культуры — несут и мировоззренческую, социальную и идеологическую функции, являясь таким образом средством коммунистического воспитания трудящихся. В нашем обрядовом кабинете методисты дворцов культуры, клубов, заводских обрядовых комнат смогут получать консультации, пользоваться методическими материалами, записями обрядовых песен и т. п.

Благородный труд 300 видных московских ученых и пропагандистов атеизма, которые сотрудничают с Домом атеизма, направлен на пропаганду научно-атеистических знаний, служит воспитанию у трудящихся нашей столицы активной жизненной позиции — высокой идейности, мировоззренческой зрелости, гражданской ответственности, коммунистического отношения к труду.

Факультет общественных профессий

Л. ВАСИЛЬЕВА,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

Трудно быть студентом. Семинары, зачеты, лекции, практика, экзамены. И еще... ФОП! В лабиринтах Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева аудитории с таким названием не найдешь, а объявление в фойе заманчиво. Если, например, запишешься в атеистическую секцию ФОПа, гласит оно, встретишься с крупными учеными страны, побываешь на интереснейших экскурсиях, сможешь стать лектором сам.

Первокурсникам, как правило, не до ФОПа. Им еще не читают курса «Основы научного атеизма» — он начинается на втором году. Кому-то из них безразличны эти проблемы, а многие пока еще сами не знают, чего хотят и на что способны. Но однажды приходит к ним член ФОПа и... проводит беседу. Он волнуется, заглядывает в конспект, краснеет, но то, о чем он говорит, для студентов, как правило, новость, и слушают они с неослабевающим вниманием.

Оказывается, что... Д. И. Менделеев, кроме всего прочего, возглавлял петербургскую научную комиссию по изучению спиритических явлений и доказал, что они происходят от бессознательных движений или сознательного обмана, а спиритическое учение есть суеверие; что ...равнодушие к религии далеко от атеизма, как небо от земли, и в том, чтобы религия существовала, есть заинтересованные люди, они модернизируют религию, ведут активную миссионерскую деятельность, а главным объектом своего внимания избирают молодежь; что... прекрасный памятник старины — Успенский собор Московского Кремля на протяжении столетий был местом, откуда раздавалась «анафема» Степану Разину, Емельяну Пугачеву, ученым, отрицавшим бытие божие и утверждавшим, «яко мир самобытен»...

Беседы не всегда бывают гладкими и стройными, но первокурсников они, как правило, привлекают. И дело не только в том, что выступает их же товарищ-студент, хотя и со старшего курса. Их захватывает сам этот происходящий у них на глазах процесс, о котором русский юрист Л. И. Петражицкий сказал, что «лекция — это мышление вслух». Правда, студентам пока далеко до квалифицированных лекторов, но они очень стараются. И часто запланированная на полчаса беседа превращается в оживленный разговор, а то и диспут, во время которого уже все забывают о времени.

Такая проба сил приносит взаимную пользу. Старшекурсники — члены ФОПа — учатся реализовывать на практике свои знания, умению подчинить стройной и строгой логике подготовленную тему. А у слушателей пробуждается интерес к проблемам атеизма, возникает чувство сопричастности к атеистическому воспитанию, стремление познакомиться с новым знанием. В результате на следующий год на ФОП приходит пополнение. Немного — 15—20 человек. Но зато это те, кто пожелал заниматься атеизмом по-настоящему — по призванию.

Так что же такое ФОП?

В настоящее время государственную значимость приобретает вопрос — какими должны выходить из стен институтов выпускники? Быть только хорошим специалистом — мало. Понимая это, партком и ректорат МХТИ организовали ФОП — факультет общественных профессий. Оканчивая его, менделеевцы приобретают и какую-либо вторую — общественную профессию. ФОП имеет несколько секций: международную, переводческую, экскурсионную, эстетики, атеистическую и др. Занимаясь на каждой в течение двух лет, студенты приобретают умения и навыки беседовать в различных аудиториях слушателей на международные темы, культуры и искусства, водить экскурсии, переводить с иностранных языков литературу и разговорную речь. Все секции работают в тесном контакте, устраивая взаимопосещаемые лекции.

Я веду речь об атеистической секции ФОПа, которая готовит пропагандистов атеизма.

Уже 14 лет в университетах, медицинских, сельскохозяйственных, педагогических высших и средних специальных учебных заведениях страны стали обязательными основы научного атеизма. В технических вузах этот предмет изучают факультативно. Опыт этих лет показал, что выпускники вузов и техникумов, связанные с воспитанием молодого поколения, с фундаментальными научными исследованиями, с медициной и биологией, стали глубже понимать одну из важнейших сторон марксистско-ленинского материалистического мировоззрения. И это уже немало. Но тот же опыт уже не показывает, а вопиет о том, что одного изучения курса тут мало! Ведь каждый год молодые специалисты начинают свой самостоятельный путь на заводах, фабриках, в школах, учреждениях. И вот парадокс: вчерашние выпускники, даже на «отлично» сдавшие на-

учный атеизм, если им поручают заниматься атеистической работой, приглашают лекторов общества «Знание» или же заново начинают учиться в университетах марксизма-ленинизма. Не они сами читают лекции, а снова читают им. Не они учат, а их!

Проблема эта занимает вузовских преподавателей. Отсюда и поиски ее решения во многих вузах страны, в том числе и во МХТИ. И повсеместно возникающие клубы атеистов, школы молодого лектора, в том числе и атеистическая секция ФОПа, призваны здесь помочь.

Главной задачей ФОПа стала такая подготовка студентов, чтобы они выходили из стен института не только вполне сформировавшимися, убежденными материалистами, но и активными организаторами атеистического воспитания, беседчиками, лекторами, инициаторами внедрения новой обрядности. В прошлом учебном году, например, такой своеобразный курс общественно-политической практики во МХТИ охватил студентов пяти потоков. А в курсе основ научного атеизма была особо выделена тема «Формы и методы атеистического воспитания молодежи».

Название темы звучит сухо для непосвященных. Но когда студенты после очередной лекции поедут в Московский Дом научного атеизма, ознакомятся с практикой этой работы, с тем, как идут дела в других вузах столицы, как работают с молодежью на столичных предприятиях, — это не оставит их равнодушными.

Студентам становится ясно, что за этой темой стоит множество живых людей и конкретных судеб, что от взгляда человека на Мир иной раз прямо зависит климат в семье и счастье детей. Или, например, увлечение некоторых молодых людей суеверными приметами, гаданием, гороскопами, даже «столоверчением». Тут одной лекцией не обойдешься. Надо привлечь людей и с их помощью подготовить устный журнал или тематический вечер. А когда верующие фанатики-родители не пускают детей в школу по субботам, может помочь только длительная индивидуальная разъяснительная работа.

Понимают студенты и то, что все разнообразие форм и методов атеистической пропаганды требует прежде всего знаний, и немалых. Поэтому и выполняют главное и непременное условие для членов секции — углубленные самостоятельные занятия. Они штудируют классиков марксизма-ленинизма, читают периодику, следят за новинками литературы, стараются быть в курсе достижений науки и техники.

И чем глубже изучают научный атеизм студенты, тем чаще возникает необходимость разнообразить формы занятий секции. И здесь очень многое зависит от преподавателя, его знаний, активности. Во МХТИ такой энтузиаст — доцент кафедры марксизма-ленинизма Фаина Георгиевна Никитина. Это ее неослабевающее внимание к атеистическим проблемам, горячая заинтересованность, энергия и изобретательность, личное участие в мероприятиях сверх программы способствуют тому, что атеистическая секция ФОПа становится настоящей кузницей кадров пропагандистов.

«Менделеевец» регулярно рассказывает о работе атеистической секции ФОПа.

НОВЫЙ СОСТАВ КОМИТЕТА ВЛКСМ МХТИ

ТЕХНОЛОГИЯ МИФА

НОВЫЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ

НТР И КРИЗИС РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

БЫТЬ УБЕЖДЕННЫМ АТЕИСТОМ

В ДОМЕ АТЕИЗМА

КНИГА О ПАСХЕ

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ ПРОТИВ СУЕВЕРИЙ

Узнала, например, Фаина Георгиевна о том, что в Музее мозга при Институте мозга Академии медицинских наук СССР есть замечательный человек — его хранитель профессор В. П. Зварыкин. Экскурсии-лекции Вадима Петровича — великолепный пример подачи естественнонаучной темы с мировоззренческими выводами. А в этом есть насущная потребность. Пока, к сожалению, преподаватели-естественники не принимают активного участия в атеистическом воспитании. Экскурсия в Музей мозга в какой-то мере возмещает этот пробел. Профессор Зварыкин показывает студентам уникальную коллекцию мозгов, рассказывает об эволюции центральной нервной системы животных, приведшей к появлению человеческого разума, и постепенно подводит слушателей к закономерному выводу: сознание не возникло сразу, из ничего, оно — результат невероятно долгого и сложного развития материи.

Такие лекции по животрепещущим научным проблемам — неотъемлемое, органическое дополнение к курсу основ научного атеизма еще и потому, что именно на таких проблемах чаще всего спекулируют современные богословы.

Очень многое получают также студенты для расширения собственного кругозора, для будущей самостоятельной атеистической работы при посещении Музея антропологии МГУ и Московского планетария. А с работниками музея-квартиры Ф. М. Достоевского дружба у слушателей ФОПа уже стала традиционной. Его директор Галина Владимировна Коган заранее извещает студентов о мероприятиях музея, и они ходят туда с удовольствием. На открытое научное заседание, посвященное 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского, фоповцы пришли с алыми гвоздиками, чем чрезвычайно растрогали служителей музея.

Один из важных моментов в занятиях секции — выбор темы для самостоятельной лекции или беседы. Он наступает тогда, когда закончен этап накопления не-

обходимых знаний. Фаина Георгиевна, предлагая список тем, уже заранее довольно точно знает, кто какую выберет. Ведь одного интересует история, другого — философия, третьего — искусство, четвертого — духовный мир человека. С каждым в отдельности обговаривается список литературы, план лекций. Затем генеральная репетиция — беседа с первокурсниками. Не было ни одного человека, кто шел бы на эту проверку без опаски. Но волнение постепенно проходило. Свои стены, свои студенты, какими еще прошлый год были сами, возможность заглянуть в конспект — все это способствовало успеху.

Однако, когда наступало время ехать выступать по комсомольским путевкам (а это непременный пункт в плане занятий секции), у ребят возникал настоящий психологический барьер. Не всякому дано его переступить. Нередко даже человек с обширными знаниями, с богатым жизненным опытом как огня боится публичного выступления.

На первые такие лекции Фаина Георгиевна старается ездить вместе с начинающими пропагандистами. Если дорога дальняя,— она видит, как ее воспитанники буквально тают у нее на глазах. Напряженные, осунувшиеся лица, дрожащие руки, то и дело перелистывают конспекты...

— Ну все, ребята, хватит! — начинает уговаривать их Фаина Георгиевна. — Ваше волнение понятно и закономерно. Главное, помните: вы едете рассказывать о том, что знаете гораздо больше ваших слушателей, и им это интересно. А раз интересно — будут слушать и все будет хорошо...

Простые слова, а как часто они поддерживают, вселяют уверенность, помогают справиться с волнением.

В день открытия XVIII съезда ВЛКСМ Фаина Георгиевна вместе с одиннадцатью студентами ездила в город Видное Московской области, на коксохимический комбинат. Выступали по двое в цехе. Какой наградой всем были благодарственные слова мастеров и рабочих! На Первом государственном подшипниковом заводе девушкам в благодарность преподнесли цветы. А работницы шелкоткацкого комбината имени Щербакова даже написали заметку в газету о том, как они довольны выступлениями фоповцев.

Редко, правда, но читают студенты лекции и по путевкам Московского Дома научного атеизма и общества «Знание». Могли бы выступать и чаще, особенно в октябре и ноябре, когда на предприятиях особая нужда и в лекциях, и в хороших лекторах. Но районные отделения общества «Знание» пока не берут «на вооружение» студенческие кадры лекторов, а зря...

Есть во МХТИ своя многотиражка. «Менделеевец» рассказывает об учебе студентов и их досуге, успехах и недостатках, новостях культурной жизни столицы и важных событиях в стране, печатает стихи, рисунки. Регулярно пишут в газету и фоповцы. Каждое такое выступление — яркая страница из летописи ФОПа. Объявление о записи в секцию — сжатое, но интересное сообщение о том, что уже сделано и что намечается сделать. Информация об автобусной атеистической экскурсии по Москве, которую проводит журналист А. А. Шамаро, — эмоциональный рассказ об исторических местах Москвы, связанных с пожарами, чумой, голодом, наводнениями, и роли церкви в этих бедственных событиях. Отрывок из реферата о студенческой обрядности — показ того, что могут сделать сами студенты для совершенствования этого интересного и важного дела.

Как обычно, прошлым летом строительные отряды МХТИ разъехались по разным районам страны. Один из них работал в Иркутской области. Фоповцы отряда и там успешно выступали перед населением. Успешно потому, что заранее были составлены подробные планы лекций и бесед. А Фаина Георгиевна буквально накануне отъезда посвятила еще одно — специальное занятие конкретному разбору местных условий.

ФОП уже выпустил 60 пропагандистов. Каждый участвовал в конкурсе на лучшую работу. Диплом I степени МГК ВЛКСМ, МГК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений за активное участие в VI Всесоюзном конкурсе студенческих работ по общественным наукам получила студентка — выпускница МХТИ, активный член атеистической секции ФОПа Наташа Мухина*. Этим дипломом гордится весь ФОП, ибо он, так же как и благодарности от разных предприятий столицы за прочитанные лекции,— факт признания нужности и действенности его работы.

Выпускники ФОПа — и те, кто еще учится, и кто уже закончил институт, — не теряют связи со своей секцией. Продолжают ходить на лекции, выступают перед новым составом слушателей. Например, аспирант Александр Варнек, еще будучи студентом, разработал и освоил трудную тему «Реакционная сущность иудаизма», с лекцией по этой теме он продолжает выступать в рабочих аудиториях и в институте. Большим успехом пользуется лекция студента Дмитрия Дышеля «Критика мифа о Христе».

Нельзя не сказать и о главных помощницах Фаины Георгиевны. Прежде всего, это — Наталия Алексеевна Захарова, выпускница кафедры атеизма МГУ, во МХТИ она преподает научный коммунизм. Убежденный общительный человек, она была одним из организаторов атеистической секции ФОПа. Ее дипломная работа и аспирантский реферат — «Психология религии» — одна из лучших лекций на ФОПе.

Другая выпускница МГУ, преподаватель философии Раиса Михайловна Алейник — организатор экскурсий в Музей мозга, занимается со студентами увлеченно, делает свой предмет ярким, интересным. Сама же сейчас трудится над оригинальной темой диссертации «Атеистические воззрения Фридриха Фейербаха» (брата Людвига).

Интересуясь опытом атеистического воспитания в других учебных заведениях и перенимая его, партком МХТИ руководит составлением единого плана коммунистического воспитания, привлекая к его разработке все кафедры. Активисты атеистической секции думают над тем, как наиболее целесообразно вписать свой опыт работы и новые задачи в этот единый план. Можно не сомневаться — их ждет успех.

---

* Отрывок из реферата Н. Мухиной «Новые студенческие обряды» был опубликован в нашем журнале (1976, № 10).

Остаюсь пропагандистом

Приехала я из Мелитополя в Москву в 1974 году. Поступила в химико-технологический институт. Первый раз на атеистическую секцию ФОПа попала случайно: направлялась на заседание международной секции. Оказалось так интересно, что в дальнейшем вопрос «Куда пойти?» уже не стоял. Теперь я в секции атеизма пятый год.

Год назад я заинтересовалась проблемой суеверий, в частности студенческих. И вот что выяснила...

Сессия!.. Как меняет она облик студента, обычно веселого, находчивого, энергичного. Всем становится не до шуток. Все мысли об одном: как лучше сдать экзамены. Ведь успешно сданная сессия — это не только выполненный комсомольский долг, не только залог уважения друзей, но и право на стипендию, на получение ордера в общежитии и т. д. И вот с отдельными студентами, особенно с теми, кто по каким-то причинам занимался нерегулярно и много пропустил, происходит нечто странное. Одни лихорадочно вспоминают все «счастливые» приметы. Другие коллекционируют «несчастливые». Наступает день сдачи экзамена, и в ход пускается целый арсенал суеверий. Утром встают с правой ноги, кое-кто не умывается и не причесывается. По пути в институт обходят всех кошек. Входящего в аудиторию, где идет экзамен, товарищи провожают дружным «Ни пуха, ни пера!». Ответ однозначен: «К черту!»

Конечно, все вроде бы не всерьез, по большей части «на всякий случай». Но где кончается это «на всякий случай» и начинается суеверие?! Практически дистанция невелика. Уж если в моменты наивысшего умственного и физического напряжения часть студентов оказываются во власти нежелательного «его величества случая», то что с ними может произойти, если случится беда, во время которой человек, как правило, подавлен? Тут уж всего один шаг к вере в сверхъестественное.

Проходит сессия. Кто сдал ее успешно, быстро забывает свои страхи. Теперь приметы ему кажутся пустой забавой. Иначе подчас обстоит дело у неудачников. Кое-кто готов приписать свои провалы тому, что забыл положить пятак под пятку, пошел сдавать в понедельник, вытащил тринадцатый билет. «Хвост» в конце концов пересдается. Но не потому, что на сей раз соблюдаются все правила суеверий. Просто приходится готовиться как следует.

Начинается новая сессия, и все повторяется.

К шквалу суеверий и примет, охватывающих в дни экзаменов некоторых студентов, мы, пропагандисты атеизма, не можем оставаться равнодушными.

Атеистическое воспитание молодежи должно строиться таким образом, чтобы сделать каждого студента невосприимчивым к суевериям любого рода. В данном случае очевидно: лучший иммунитет студентов к суевериям — это прочные знания. Если знаешь предмет хорошо, то чувствуешь перед экзаменом себя уверенно и никаких суеверных примет не замечаешь — ни «хороших», ни «плохих». Ну а если все-таки знания не прочны? Тут на помощь должен прийти здравый смысл, а не мистика. Никогда не следует забывать, что многие из суеверий пришли к нам из далеких времен, когда бытовала вера в нечистую силу и колдунов, ведьм и русалок, водяных и домовых. Каждый должен помнить, что мистика в наши дни — там, где закрыты двери перед наукой, где, вольно или невольно, слабеет вера человека в свои силы, парализуется воля.

Время учебы в институте подходит к концу. Скоро я буду инженером-химиком. Но где бы я ни была, останусь пропагандистом атеизма. Везде мне пригодятся опыт лекторской работы в атеистической секции ФОПа, полученные там знания.

Н. ЯКИМЕНКО,
студентка топливного факультета МХТИ имени Д. И. Менделеева

Вместе с парткомом

Два года назад на нашем заводе была создана атеистическая секция. Уже в самом начале перед парткомом завода встало много проблем. Опытных, знающих организаторов этого дела на предприятии не было, атеисты сами только постигали азбуку атеистического воспитания в университете марксизма-ленинизма. Тогда и родилась мысль о выпуске тематической стенной газеты. Первоначально она включала рубрики о жизни замечательных людей, о «чудесных» явлениях природы, о религиозных праздниках и т. д.

Первый номер был встречен рабочими завода с интересом. И вскоре на заводском смотре стенной печати наша газета заняла призовое место. Почетное третье место заняла наша газета и на городском смотре стенгазет.

Сейчас введены новые рубрики—«У нас в гостях журнал «Наука и религия», «В помощь пропагандисту-атеисту», «У атеистов завода».

Наша газета пока выходит не часто: раз в два-три месяца. Кроме того, мы выступаем с атеистическими материалами в заводской многотиражке, а также в местной радиогазете. Партком завода утвердил группу агитаторов и лекторов-атеистов, члены которой вместе с редакцией газеты ведут внешне незаметную, но очень важную работу по распространению научных знаний среди рабочих, в их семьях.

Т. ДАЛУДА,
организатор атеистического воспитвния на заводе «Автонормаль»

г. Белебей
Башкирской АССР

12 апреля — ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

ПОСЛАНЦЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Ю. ГЛАЗКОВ,
летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза,
кандидат технических наук

СРЕДИ МНОГИХ завоеваний современного человечества выход в Космос — одно из важнейших исторических событий. К. Э. Циолковский в одной из своих работ писал: «Сейчас люди слабы, но и то преобразовывают поверхность Земли. Через миллионы лет это могущество их усилится до того, что они изменят поверхность Земли, ее океаны, атмосферу, растения и самих себя. Будут управлять климатом и будут распоряжаться в пределах Солнечной системы, как на самой Земле. Будут путешествовать и за пределами планетной системы».

Со времени первого исторического полета Юрия Гагарина в Космосе побывало около ста человек. Пока всего около ста из более чем четырехмиллиардного населения нашей планеты! Но за эти годы явственно обнаружилось огромное влияние космонавтики буквально на все сферы деятельности человека — науку и технику, народное хозяйство, искусство и литературу, наконец, на мировоззрение людей...

За два десятилетия, прошедшие с момента первого проникновения человека в Космос, коренным образом изменилась и роль его первопроходцев-космонавтов. Испытуемые — в первых полетах, испытатели новой техники — на следующем этапе развития космонавтики, полноправные участники исследовательского и трудового процесса в Космосе — сегодня космонавты стали представителями новой, уже утвердившейся профессии.

К. Циолковскому принадлежат ставшие широко известными слова о том, что Земля наша — колыбель разума, но нельзя вечно пребывать в колыбели. И подобно тому, как ребенок, выйдя из колыбели, начинает учиться ходить, так и человечество, совершив первые прорывы в Космос, теперь последовательно и настойчиво осваивает новую для себя сферу обитания — космическое пространство. И все мы — свидетели, очевидцы и участники этого удивительного процесса.

Удивительного потому, что долгие века основой всех взглядов был геоцентризм: Земля представлялась людям центром Мира. Все религии единодушно утверждали это, и даже созданные воображением людей боги были, по сути дела, существами, не выходившими в своих стремлениях, действиях и помыслах за границы чисто земного существования. А Солнце, Луна, звезды предназначались лишь для земных нужд.

«Революционным актом, — писал Ф. Энгельс, — которым исследование природы заявило о своей независимости и как бы повторило лютеровское сожжение папской буллы, было издание бессмертного творения, в котором Коперник бросил — хотя и робко и, так сказать, лишь на смертном одре — вызов церковному авторитету в вопросах природы. Отсюда начинает свое летосчисление освобождение естествознания от теологии...»

И вот теперь настала эпоха, когда безграничность окружающего нас Мира и возможность жизни человека в Космосе, в искусственной экологической среде вне родной планеты, осознает уже большинство человечества. Произошел крупный качественный скачок в миропонимании. Особенно наглядно это начинаешь осознавать, когда соприкасаешься с работами тех, кто сегодня осваивает Космос, с мыслями и планами ученых.

Религия называет человека рабом божьим, ждущим божьей милости. Нет, вовсе не так, говорят нам жизненные судьбы советских космонавтов. Кто же эти люди, уже побывавшие в Космосе?

Конечно же, прежде всего нас всех волнует и будет волновать образ первопроходца Вселенной Юрия Гагарина. Ведь тогда, вначале, к полету готовились двадцать человек, но первым стал именно он. Как же был сделан этот выбор? Сошлюсь на мнение руководителя подготовки советских космонавтов В. Шаталова:

«Человек, которому предстояло отправиться в первое в истории космическое путешествие, должен был в определенном смысле быть посланцем человечества, гражданином Земли, во всех отношениях достойным высокого звания Первого Космонавта. Прекрасные человеческие качества Юрия Гагарина были подмечены и Главным конструктором академиком Сергеем Пав-

ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ... ОДИН ИЗ САМЫХ МОЛОДЫХ ПРАЗДНИКОВ НАШЕЙ СТРАНЫ — ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬНИЦЫ ДОРОГИ В КОСМОС. БЕЗГРАНИЧНЫ ЕГО ПРЕДЕЛЫ, ОГРОМЕН КРУГ ПРОБЛЕМ, ВСТАВШИХ ПЕРЕД ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ С НАЧАЛОМ КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ. НО КАК БЫ НИ БЫЛИ ВАЖНЫ, ИНТЕРЕСНЫ И ПЕРСПЕКТИВНЫ МНОГИЕ ИЗ НИХ, ГЛАВНАЯ БЫЛА, ЕСТЬ И БУДЕТ — ЧЕЛОВЕК.

В ЭТОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА МЫ ПУБЛИКУЕМ ДВА ВЫСТУПЛЕНИЯ НАШИХ ПРОСЛАВЛЕННЫХ КОСМОНАВТОВ, КОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЯЮТ О ЗНАЧЕНИИ ИЗУЧЕНИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА, РАССКАЗЫВАЮТ О СВОИХ КОЛЛЕГАХ, О ВАЖНОСТИ ДРУЖБЫ И ДОВЕРИЯ К ТОВАРИЩУ, КОТОРЫЕ, ТАК ЖЕ КАК И ОПЫТ И ЗНАНИЯ, ПОМОГАЮТ НА ТРУДНОМ ПУТИ ЛЮДЕЙ В КОСМОС.

РАССКАЗЫ КОСМОНАВТОВ ЗАПИСАЛ СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ЖУРНАЛА А. ЛЕПИХОВ.

ловичем Королевым, и Николаем Петровичем Каманиным, непосредственно руководившим подготовкой к первому полету. И, разумеется, всеми теми конструкторами, методистами и множеством других специалистов, которые принимали участие в подготовке первого запуска человека в Космос.

Сами будущие космонавты в негласной анкете единодушно указали на Юрия Гагарина как на первого кандидата. Я хочу подчеркнуть, что это был выбор не одного или нескольких человек, а выбор очень многих. Это было всеобщее мнение, сложившееся за время работы этих людей с Ю. Гагариным. И вся последующая жизнь нашего первого космонавта, первого гражданина Вселенной, доказала безусловную правильность этого выбора. Его отношение к работе, к товарищам, его принципиальность и партийность всегда будут служить примером для всех советских космонавтов».

А как решил стать космонавтом сам В. Шаталов, трижды побывавший в Космосе? Он всегда мечтал быть летчиком. И, наверное, эту мечту о полетах ему передал отец, который был техником-мотористом еще в воздухоплавательной школе в Петрограде, хорошо знал авиационную технику, стремился летать, но так и не стал летчиком.

В 10 лет Владимир Шаталов уже твердо знал, что пойдет в авиационную школу, а потом — в училище. Да и время тогда было такое — все мальчишки поголовно мечтали быть только летчиками. Прошли годы. Он стал летчиком, окончил академию.

В 1956 году ему попалось на глаза скромное сообщение, что в рамках исследовательской программы Международного геофизического года в нашей стране и в США будут запущены искусственные спутники Земли. Его поразили эти газетные строчки, так как он был твердо убежден, что подобное может произойти очень не скоро. Но вот запустили первый советский спутник. И это действительно стало сенсацией для всех. В. Шаталов служил тогда на юге страны и вспоминает, что по вечерам в открытых кинотеатрах даже прерывали сеансы, чтобы следить за полетом спутника. «Я как-то вдруг осознал, — говорит он, — что человек обязательно полетит в Космос и не в отдаленном будущем, а довольно скоро, лет так через 15—20. И мне казалось, что родись я тридцатью годами позже, у меня появилась бы возможность участвовать в космических экспедициях». Полет Юрия Гагарина оказался для него неожиданным...

После апреля 1961 года В. Шаталов начал всерьез думать о своем участии в будущих космических полетах. В январе 1962 года, уже после того, как в Космосе побывали Ю. Гагарин и Г. Титов, ему поручили отобрать в летной части, где он тогда служил, кандидатов в космонавты. Когда он познакомился с требованиями, которые предъявлялись к будущим первопроходцам Космоса, то воскликнул: «Так это же мой портрет!» Правда, он везде «упирался» в верхние пределы — по возрасту, по весу, по росту. Его жена смеялась: «Последние десять лет у тебя рост был метр восемьдесят два, а теперь вдруг уменьшился на два сантиметра». Одним словом, В. Шаталов как-то «сжался», втиснулся в рамки требований и вместе с другими кандидатами стал проходить различные проверочные комиссии. Большинство его товарищей «отпало» после медицинских проверок, а он вместе с Анатолием Филипченко был зачислен в отряд космонавтов.

Ему довелось трижды побывать за пределами Земли, летать в различных условиях, с людьми разных характеров. И сегодня дважды Герой Советского Союза руководитель подготовки советских космонавтов генерал-лейтенант В. Шаталов постоянно подчеркивает, что с каждым годом условия работы в Космосе повышают требования к творческому началу, к умению нешаблонно решать возникающие задачи, сохранять самообладание и способность ясно мыслить в любых, самых невероятных ситуациях.

А возьмите судьбу начальника Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина Георгия Берегового. В годы Великой Отечественной войны он, летчик-штурмовик, стал Героем Советского Союза. Сделанного им тогда, казалось бы, вполне достаточно, чтобы считать, что жизнь прожита недаром. Но он взял новую для себя высоту — стал летчиком-испытателем и в течение полутора десятилетий давал путевку в жизнь новейшей авиационной технике. А затем еще один рубеж: подготовка в отряде космонавтов и космический полет на корабле «Союз», вторая звезда Героя. Георгий Тимофеевич так говорит о цели своей жизни: «Я хотел отдавать себя, растрачивать отпущенные природой силы, чтобы ничего не унести с собой, когда на то придет мое время, а оставить все здесь, на Земле. Ради этого я старался не оказаться как-нибудь невзначай в обозе, а стремился жить всегда на предельных для себя оборотах, на самых жестких критических режимах — иначе жить я попросту не умел. Да иначе, я думаю, и не стоит жить».

И можно смело сказать, что именно такой стиль жизни — работа на передовых рубежах с полным напряжением сил — свойствен и другим советским космонавтам. Так что не ожидание «милостей божьих», не поиски счастливого случая, а только активная жизненная позиция, настойчивость и воля, преодолевающие все преграды, ведут к тому, что человек становится творцом собственной судьбы, раскрывают его потенциальные творческие возможности, делают его жизнь примером для миллионов людей. И, конечно же, страстное стремление к осуществлению мечты.

«Если бы человек был совер-

шенно лишен возможности мечтать и если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни». Эти слова Д. Писарева как нельзя лучше характеризуют одно из главных качеств тех, кто проложил человечеству дорогу в Космос.

Людям не положено вторгаться в небесные владения, утверждали церковники. Но сегодня космонавты по несколько месяцев успешно работают на орбитальных исследовательских станциях. Что происходит с человеческим организмом в условиях невесомости? Как создать человеку оптимальные условия для жизни и труда в Космосе? Как гармонично сочетать возможности человека и автоматических устройств? Вот лишь некоторые из вопросов, которые решаются многотысячными коллективами исследователей для того, чтобы человечество могло по-настоящему обжить Космос.

Современная космонавтика помогает человеку изучать родную планету, глубже исследовать законы природы, продвигаться вперед по безграничному пути познания. И религия соответственно вынуждена подправлять свои положения, хотя по духу самому и смыслу они должны оставаться вечными и неизменными.

Процесс освобождения сознания человека от религиозных представлений о Мире, о закономерностях его развития сегодня, в эпоху научно-технической революции, идет со все увеличивающейся скоростью. Мысленный взгляд на развитие науки за последние десятилетия убеждает нас: рост могущества человека идет значительно быстрее, чем об этом мечтал великий космический провидец К. Э. Циолковский. И такому человеку, смело проникающему в бездны Вселенной и в тайны микромира, познающему сложнейшие законы развития общества и собственного мышления, вовсе не нужно иллюзорное «счастье», даваемое религией.

Я — ВЕРЯЩИЙ

О. МАКАРОВ,
летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза

Вероятно, это мое утверждение звучит несколько непривычно. Слово «вера» часто ассоциируется с понятием «религиозная вера». Но я глубоко убежден, что без веры жить нельзя, вот только вопрос — во что же надо верить? Я, как и миллионы других советских людей, верю в науку — всепроникающую, познающую, верю в высокую нравственную силу разума человеческого. Без такой веры, на мой взгляд, жить невозможно.

Большинство из нас, а точнее, почти любой человек, не являясь специалистом в определенной области науки или техники, практически всегда должен принимать ее выводы на веру. Ведь в силу существующего общественного разделения труда, все большей дифференциации научного знания, чрезвычайной сложности теоретического аппарата науки и изощренности экспериментальной техники, а также огромного объема научной информации никто из нас просто не может, не в состоянии воспроизвести для себя тот путь, который приводит специалиста к тому или иному выводу. Более того, каждый из нас в своей научной или практической деятельности, просто в быту пользуется выводами и результатами, не добытыми лично. И в этом смысле мы их также принимаем на веру.

Но означает ли это, что тем самым мы ставим знак равенства между верой в религиозный догмат и верой в науку, в ее истины? Конечно же, нет. Данные науки всегда можно проверить практикой. Для этого нужно только овладеть объемом знаний и навыками, методикой специалиста в данной области. В итоге «сомневающийся» придет к тем же выводам, которые уже получены другими исследователями. Другое дело, насколько осуществимо это практически и сколь труден такой путь. Но, как известно, «царской дороги» в науку нет. Главное ведь не в этом, а в том, что возможность проверки научных истин открыта в принципе для каждого. В то же время религия, по сути, запрещает проверку основных положений своего вероучения, требует воспринимать их как откровение свыше, как истину в последней инстанции. Да и проверить их, как известно, невозможно — это показывает тысячелетний опыт. Вот в чем, по-моему, заключается различие между научным методом и «методом», если можно так выразиться, религиозным.

Но и вера в науку — создание человеческого разума и человеческих рук — не может быть бездумной, слепой. Ведь такая вера по самой своей сути — это вера в могущество самого человека, в его способность познавать окружающую действительность и использовать ее законы в своих интересах. Мне вспоминаются прекрасные строчки из романа американского писателя Т. Вулфа «Домой возврата нет».

Человеку «понадобились песни, чтобы воспеть сражения,— и появился Гомер! Ему понадобились слова, чтобы проклясть врагов,— и появился Данте, появился Вольтер, появился Свифт! Ему понадобилась одежда, чтобы прикрыть от непогоды свою безволосую тщедушную плоть,— и он выткал мантии для мудрых судей и парчу для юных рыцарей. Рожденный ползать по земле, он соорудил огромные колеса, послал огромные паровозы греметь по рельсам, запустил в небо огромные крылья, пустил по гневному морю огромные корабли!.. Косматый громоподобный бизон вымер на равнинах,

легендарные мамонты незапамятных времен обратились в пласты сухой, безжизненной глины; пантеры научились осторожности и опасливо крадутся в высокой траве к водопою; а человек живет и живет...»

Эти слова — гимн Человеку, труженику и творцу, который шаг за шагом, сначала медленно и мучительно, а потом со все возрастающей скоростью увеличивал свою власть над силами природы, освобождаясь от химер, рожденных собственной слабостью. И каждая победа здесь была одновременно и победой над религией.

Когда в XVIII веке французский ученый Бюффон пытался утвердить исходные истины геологической науки, теологический факультет обязал его опубликовать отречение, которое кончалось следующими словами: «Я отказываюсь от всего, что написано в моей книге относительно образования Земли, и вообще от всего, что может противоречить тексту моисеевых книг». А давайте вспомним, какую бурю у церковников вызвало появление книги Дарвина «Происхождение видов». Оксфордский епископ Уилберфорс обвинил великого ученого в «стремлении ограничить славу бога в творении», в том, что «принцип естественного отбора абсолютно несовместим со словом божьим» и «бесчестит природу». Французские прелаты утверждали, что всякая теория, кроме теории постоянства видов, противоречит священному писанию, а «бесчестные учения находят себе единственную поддержку в наиболее отвратительных страстях...» Немецкие теологи заявляли, что теория Дарвина «представляет собой карикатуру на творение», что она «выставляет творца за дверь».

Известный американский историк Э. Уайт, которому принадлежит фундаментальное описание истории борьбы между религией и наукой, пишет, что ученые «подрывали старое теологическое мировоззрение силой установленных фактов...». Когда Ньютон вычислил приблизительно скорость звука, то он покончил этим с теологическим утверждением, что мы видим блеск молнии раньше, чем слышим удар грома...— «зрение благороднее слуха». Когда Франклин доказал, что молния происходит от электричества, а Ом и Фарадей доказали, что электричество подчинено определенным законам,— они этим покончили с теологической идеей о боге, сидящем над облаками и посылающем на землю гром и молнию.

Все это происходило относительно давно. А вот свидетельство нашего современника, известного американского богослова-протестанта К. Котена, который утверждает, что между формированием научной картины мира и христианским миропониманием существует прямая связь. Можно выделить три предпосылки современной науки, уверяет он, которые можно проследить вплоть до образа мыслей, коренящегося в библейском представлении об отношении бога к его творению. Это, по мнению К. Котена, во-первых, вера в существование заложенного в природе и постигаемого человеком порядка, во-вторых, убеждение в необусловленности богом порядка, познать который можно не априорным умозрением, а эмпирическим исследованием. В-третьих, представление о том, что объектом научного познания должен быть материальный, а не формальный аспект вещей. И эти фундаментальные для современной науки положения являются — как вы думаете, чем?— «попыткой возврата к подлинно библейскому представлению о всемогущем боге».

Вот какой парадокс: теперь уже развитие науки, торжество ее материалистической методологии познания становится в устах защитников религии не чем иным, как доказательством мудрости и всемогущества «творца Вселенной»! Но тут можно им вполне резонно возразить. Существует ли более убедительное свидетельство победы человеческого разума, коль скоро теологи вынуждены привлекать для своей защиты ту самую науку, против достижений которой еще недавно столь рьяно выступали?

Думаю, одним из самых ярких примеров торжества человеческого разума является стремительный прогресс космонавтики. Ведь со времени полета первого искусственного спутника Земли прошло всего лишь два десятилетия, но сегодня развитие мно-

Космонавты живут на Земле. Проходят годы учебы и тренировок, прежде чем космический корабль перенесет их на орбиту.
Перед нами на фотографиях всего четыре мгновения из жизни экипажа космического корабля «Союз-29» — В. В. Коваленка и А. С. Иванченкова, проработавших в Космосе на орбитальной станции «Салют-6» 140 дней. После работы они отдыхают в байконурской гостинице «Космонавт», проводят предполетные занятия у макета и в макете орбитальной научной станции «Салют», и, наконец, они на борту «Салюта-6» в Космосе. Всего четыре мгновения, но сколько за ними труда, напряженной учебы и тренировок...

гих областей знания уже просто невозможно представить без космонавтики. Здесь составление прогнозов погоды и космическая связь, внеатмосферная астрономия и изучение природных ресурсов планеты, контроль за состоянием окружающей среды и первые шаги космического материаловедения. А рождение и бурное развитие таких областей науки, как космическая биология и медицина?!

Особенно много тут дали два последних длительных полета, которые совершили на орбитальной станции «Салют-6» Ю. Романенко и Г. Гречко, В. Коваленок и А. Иванченков. Ученые стали значительно лучше понимать процессы адаптации человека к условиям невесомости. Вообще медико-биологические исследования всегда занимают почетное место в программе любого пилотируемого полета. Ведь если не говорить о прогрессе космической техники, то успех человека в освоении новой для себя сферы жизни — космической — зависит и от того, в какой степени мы сможем создать людям условия для длительного эффективного труда в Космосе — научимся защищать их от влияния неблагоприятных факторов длительного космического полета.

Освоение Космоса имеет и другой важный аспект — мировоззренческий. Само существование космонавтики, одного из элементов овеществленного знания, каждодневно подтверждает верность материалистических представлений о Мире и его законах. Каждый новый космический старт не только увеличивает общий объем нового знания, раскрывающего неисчерпаемое богатство природы, но и подтверждает поистине безграничные возможности человека в познании Вселенной. «Ничто не может быть выше той радости,— говорил Гёте,— которую доставляет нам изучение природы. Тайны ее непостижимо глубоки; однако нам, людям, дано все дальше и дальше проникать в них своим взором. Именно то, что они в конце концов непостижимы, представляет для нас вечное очарование и заставляет нас снова и снова подступать к ним, приобретая новые познания и делая новые открытия».

И ничто не может остановить человека на этом пути.

Предыдущие статьи этого цикла см. в № 8, 10, 12 1978 г. и в № 2 1979 г.

В докладе на совместном Торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, Л. И. Брежнев сказал: «Ни одно общество, когда-либо существовавшее на земле, не сделало и не могло сделать для народных масс, для трудящихся столько, сколько сделал социализм! Каждый советский человек обладает всей полнотой прав и свобод, позволяющих ему принимать активное участие в политической жизни». Все это находит свое отражение, прежде всего, в новой Конституции. Построение развитого социализма позволило наполнить более основательным материальным содержанием положения о правах советских граждан, значительно полнее их сформулировать, прочнее гарантировать.

ГОСУДАРСТВО И ЛИЧНОСТЬ. РАВНОПРАВИЕ ГРАЖДАН

Права и свободы граждан в любом обществе базируются на более общих принципах взаимоотношения личности и общества, которые в свою очередь обусловливаются сущностью, структурой и характером основных сфер общественной жизни. В обществе, экономическую структуру которого составляет частная собственность на средства производства, политическую — всевластие имущих, а социальную — наличие антагонистических классов и эксплуатация человека человеком, не может быть гармоничных отношений между личностью и обществом, между государством и гражданином; народ не может иметь действительных и равных прав и свобод.

«Пока не уничтожены классы, — говорил в 1920 году В. И. Ленин, — при всяком рассуждении о свободе и равенстве должен быть поставлен вопрос: свобода для какого класса? и для какого именно употребления? равенство какого класса с каким? и в каком именно отношении?.. Лозунг свободы и равенства, при умолчании об этих вопросах, о частной собственности на средства производства, есть ложь и лицемерие буржуазного общества, которое формальным признанием свободы и равенства прикрывает фактические, экономические несвободу и неравенство для рабочих, для всех трудящихся и эксплуатируемых капиталом, т. е. для громадного большинства населения во всех капиталистических странах»[1].

Если капитализм не может предоставить гражданам социально-экономические, политические и личные права и свободы в действительном или хотя бы неурезанном виде, то для социализма характерно прямо противоположное. Общественная социалистическая собственность, народовластие, отсутствие антагонистических классов, упрочение социальной основы и усиление социальной однородности социалистического общества обусловливают обеспечение подлинной свободы личности. При социализме в основе отношений общества и личности, государства и гражданина лежат принципы: утверждение человека как высшей социальной ценности, все более полное удовлетворение его постоянно растущих материальных и духовных потребностей, развитие и совершенствование социалистической демократии, уважение прав и свобод человека, соблюдение социалистической законности, сочетание общественных и личных интересов, социалистический гуманизм, патриотизм, интернационализм и т. д. Все основные закономерности и принципы социализма нашли отражение в новой Конституции.

Возьмем один из важнейших конституционных принципов, определяющих взаимоотношения государства и личности, — принцип равноправия, который является величайшим завоеванием социализма. Он провозглашает и гарантирует гражданам СССР равенство перед Законом и равноправие во всех областях экономической, политической и культурной жизни независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств.

Согласно этому принципу ни один гражданин нашей страны по перечисленным или другим социально значимым признакам не может быть прямо или косвенно ограничен в своем равенстве перед Законом, не может иметь какие-либо преимущества по сравнению с другими. Согласно ему не может быть также нарушено равноправие граждан ни в одной из областей экономической, политической, социальной и культурной жизни. Все граждане имеют равные права и равные обязанности.

Конституционные положения о равенстве перед Законом и равноправии граждан в различных областях жизни социалистического общества всецело относятся и к верующим советским людям, ибо равенство реализуется, обеспечивается независимо от отношения к религии. Это убедительно опровергает вымыслы буржуазных пропагандистов и антисоветски настроенных теологов и священнослужителей о дискриминации верующих в СССР. Согласно Основному Закону нашей страны верующий человек — равноправный гражданин наряду со всеми другими гражданами независимо от того, религиозны они или нет. Если уж говорить о дискриминации и не только верующих, а вообще всех народных масс в целом, различных классов и социальных групп, то следует сказать, что она существует в буржуазных странах и органически присуща самой капиталистической системе, обусловлена ее природой.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 425—426.

Новая Конституция о правах, свободах и обязанностях граждан

А. ИВАНОВ,
кандидат философских наук

В буржуазных государствах конституции призваны обеспечивать диктатуру капитала, закреплять экономическое, политическое и социальное неравенство людей, господство одних и угнетение других. Права и свободы граждан сводятся к вынужденному минимуму, достигаемому только под натиском революционной борьбы трудящихся, а при первой возможности урезаются и упраздняются. Если же в буржуазных конституциях формально признается то или иное право, то оно остается пустой декларацией, фактически сводится на нет, ибо не получает на деле ни политической, ни экономической или какой-либо другой гарантии. В странах капитала правовое положение граждан зависит и от происхождения, и от имущественного положения, и от возраста, пола, и многих других факторов и обстоятельств. В капиталистических странах нет равенства граждан ни в труде и его оплате, ни в получении образования и профессиональной подготовке, не говоря уже о политической жизни; процветает расовая дискриминация.

Возьмем для примера США. Политики и идеологи этой страны превозносят американский образ жизни как образец для всех стран и народов, где якобы царят демократия, свобода, равенство и справедливость. При новой администрации президента Картера так называемая борьба в «защиту прав человека» в других странах, прежде всего в странах социализма, возведена в ранг официальной политики. Можно сказать, что прямо кощунственно звучат слова из журнала «Ньюсуик» об этой позиции президента: «Мы должны сожалеть об их нарушении (имеются в виду права человека. — А. И.) за рубежом так же, как стремимся гарантировать их у себя дома». Рассмотрим на некоторых примерах из жизни США, как же там гарантируются права человека, какое моральное право имеют американские политики и идеологи на «защиту прав человека» в других странах.

В конституции США не было и нет права на труд. В 1945 году сенат США провалил законопроект о «праве на полезную, удовлетворительно вознаграждаемую регулярную работу с полной загрузкой», а принятый в 1946 году акт о занятости, возлагающий на федеральные власти ответственность за создание условий, обеспечивающих «разумные возможности... для тех, кто хочет работать и ищет работу», остался на бумаге. Несколько лет в конгрессе лежат два законопроекта — о равной возможности и полной занятости и о полной занятости молодежи, а в стране насчитывается свыше семи миллионов безработных. Да если и будут приняты эти законы, право на труд не получит реального обеспечения, ибо капиталистическое производство не в силах этого сделать.

Женщина-труженица в этой стране лишена не только фактического, но и элементарного правового равенства с мужчиной. Средняя заработная плата женщин за одинаковую работу составляет от 44 до 64 процентов зарплаты мужчин. В марте 1972 года конгресс США одобрил 27-ю поправку к конституции, по которой женщина уравнивается с мужчиной во всех областях жизни, но она так и не вошла в силу, так как не была ратифицирована необходимым количеством штатов. Широко распространены в США бесправие и расовая дискриминация черных американцев, индейцев, мексиканцев, пуэрториканцев, составляющих довольно большой процент населения.

Эти факты взяты из опубликованной в октябре 1977 года Коммунистической партией США книги «Положение в области прав человека в США», которая в переводе с английского была выпущена Издательством политической литературы у нас в начале прошлого года со вступительной статьей кандидата исторических наук Н. В. Мостовца. Эта книга — убедительный ответ на провокационную кампанию, которая ведется администрацией президента Картера «в защиту прав человека» в Советском Союзе и других социалистических странах.

Как видим, в Соединенных Штатах Америки не обеспечиваются самые жизненно важные и необходимые права трудящихся, не уважаются и не соблюдаются и те, которые провозглашены законодательством. Не случайно США до сих пор не ратифицировали международные пакты об экономических, социальных и культурных правах и о гражданских и политических правах, тогда как они давно ратифицированы нашей страной и другими социалистическими странами. Как сообщалось в печати, из 40 международных документов о правах человека США ратифицировали только 10.

Подобное положение, с небольшими различиями, существует и в других буржуазных странах. Поэтому и сегодня сохраняют свою актуальность слова В. И. Ленина: «Буржуазная демократия, будучи великим историческим прогрессом по сравнению со средневековьем, всегда остается — и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных»[2].

ПРАВА И СВОБОДЫ ГРАЖДАН. ИХ ГАРАНТИИ

Основные права и свободы, а также обязанности советских граждан составляют ядро их правового статуса. Под правами и свободами обычно понимаются экономические, политические, социальные и культурные возможности, которые предоставляются государством населению. Какими же основными правами и свободами располагают советские граждане? В Конституции говорится, что граждане СССР обладают всей полнотой гарантируемых социально-экономических, политических и личных прав и свобод. Остановимся коротко на каждой из этих групп.

Социально-экономические права. К ним относятся права на труд, отдых, охрану здоровья, социальное обеспечение, жилище. Основополагающее право среди перечисленных — право на труд, ибо оно означает и право на обеспеченную жизнь. Прошло почти 50 лет, как в нашей стране ликвидирована безработица, в результате чего каждый советский человек получает гарантированную работу с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством и не ниже установленного государством минимального размера. По новой Конституции право на труд включает в себя выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и учетом общественных потребностей.

Совершенно иная картина в капиталистическом мире. Выше уже говорилось о Соединенных Штатах Америки. Не лучше положение трудящихся и в других капиталистических государствах. И хотя в некоторых странах Запада упорной и многолетней борьбой трудящиеся добились принятия законов по обеспечению работой, но на практике никаких материальных гарантий здесь не существует. Например, в статье 4 конституции Италии записано, что «республика признает за всеми гражданами право на труд и поощряет условия, которые делают это право реальным», а статья 12 конституции ФРГ начинается со слов о праве «свободно выбирать профессию, место работы и место обучения». Положение же с трудовой занятостью в этих странах все более ухудшается, число безработных непрерывно растет. И в Италии и в ФРГ, к примеру, их сейчас насчитывается около миллиона.

В связи с правом на труд уместно напомнить о домыслах буржуазных пропагандистов и некоторых западных теологов о том, будто верующие в нашей стране не имеют трудового

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 252.

равенства по сравнению с нерелигиозными людьми. Венский архиепископ Франц Кёниг, к примеру, утверждает, что верующему у нас «запрещены различные профессиональные возможности». Трудно сказать, на чем основывает это утверждение католический кардинал, но опровергается оно всей нашей действительностью.

Конституция не только закрепляет право на труд за всеми гражданами, но и считает его всеобщей обязанностью, делом чести каждого способного к труду гражданина. К этому направлено и все трудовое законодательство нашей страны. Уклонение от общественно полезного труда несовместимо не только с законодательством, но и с принципами социалистического общежития.

Иное дело, что верующие сами уклоняются от некоторых профессий, так как исполнение связанных с ними обязанностей может противоречить их религиозным убеждениям, а религия в нашем обществе, как известно, частное дело каждого гражданина. Но это не означает, что государство запрещает верующим эти «профессиональные возможности». Наоборот, общественные организации и государственные органы для того и ведут большую работу по профессиональной подготовке советских людей, по формированию у них научно-материалистического мировоззрения, чтобы все они могли трудиться в соответствии со своим призванием и способностями.

А вот в капиталистических странах многие профессиональные возможности действительно ограничены. В 1975 году, например, в ФРГ принят закон «О радикальных элементах». Он запрещает демократически настроенным гражданам преподавать в школах, вузах, занимать должности в государственных учреждениях и тем самым юридически закрепляет практику запретов на профессии.

Право советских граждан на труд дополняется их правом на отдых. Для этого установлена рабочая неделя, не превышающая 41 часа, сокращенный рабочий день для ряда профессий и производств, сокращенная продолжительность работы в ночное время. Кроме того, всем рабочим и служащим предоставляются дни еженедельного отдыха и ежегодные оплачиваемые отпуска, создаются благоприятные условия для рационального и активного использования свободного времени. В новой Конституции впервые записано право советских людей на охрану здоровья. Оно обеспечивается различными мерами: техникой безопасности на производстве, бесплатной медицинской помощью, охраной здоровья подрастающего поколения, оздоровлением окружающей среды. У нас сейчас больше врачей, чем в любой другой стране мира, и самые низкие цены на лекарства.

Гражданам СССР предоставляется также право на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности или потери кормильца, для чего предусмотрено социальное страхование, фонды которого образуются из взносов предприятий, колхозов и учреждений.

Реально и надежно гарантируется Основным Законом впервые конституционно закрепленное право граждан на жилище; основой для него послужило широкое развитие жилищного строительства.

К этой группе примыкают и права в области культуры, одно из которых — право на образование. С первого класса начальной школы молодое поколение учится в нашей стране бесплатно. Студенты вузов, учащиеся техникумов и других средних специальных учебных заведений получают государственные стипендии. Для учебы без отрыва от производства создана широкая сеть вечернего и заочного обучения. Большое внимание уделяется различным формам самообразования — лекториям, народным университетам, семинарам, курсам и т. д. Следует заметить, что право на образование не обеспечивается во многих буржуазных странах. В такой высокоразвитой стране, как США, 23 миллиона человек взрослого населения — практически неграмотны. Кроме права на образование, в ныне действующую Конституцию включены право граждан на пользование достижениями культуры и гарантия свободы для занятия научным, техническим и художественным творчеством. Эти новые конституционные положения — свидетельство высокого уровня духовной зрелости общества.

Права и свободы советских граждан в области культуры служат убедительным опровержением еще двух фальсификаций. Первая — это миф о «денационализации культуры», «нивелировке национальных различий», «насильственной русификации нерусских областей и населения», «языковой ассимиляции» в нашей стране и т. п. Вторая — вымыслы об «ограничениях доступа верующих к образованию». Упоминавшийся уже кардинал Кёниг утверждает, к примеру, что в Советском Союзе верующему «нет доступа в университеты или другие учреждения высшей школы».

О какой языковой ассимиляции или русификации в нашей стране может идти речь, если равноправие советских граждан не зависит от расовой и национальной принадлежности, если конституционно закреплено равноправие национальных языков, обучение в школе на родном языке, судопроизводство на языке союзной или автономной республики, автономной области, автономного округа или на языке большинства населения данной местности. Не может быть и речи об отсутствии доступа верующих к образованию, ибо равное право на него предоставлено всем гражданам и при поступлении в общеобразовательные школы, техникумы, вузы не требуется удостоверять ни устно, ни тем более документально свою религиозность или атеистичность. Может быть, кардинал Кёниг имеет в виду светский характер образования в СССР, исключающий влияние религии, но этот факт нельзя истолковывать как отсутствие доступа верующим в высшие учебные заведения. Основная задача высшей школы состоит в том, чтобы вооружить студентов знаниями по различным отраслям науки и техники, обеспечить высокую профессиональную подготовку, сформировать у них научное миропонимание и идейную убежденность. Со всем этим несовместимы религиозные представления. Вполне естественно, что миропонимание верующего молодого человека, пришедшего в вуз, должно будет формироваться в этих условиях и в этом направлении. Зная это, такой молодой человек может не пойти в вуз, но это не отстранение его от обучения, а самоотстранение по религиозным убеждениям. Общество же и государство, наоборот, заинтересованы в том, чтобы все молодые люди, в том числе и особенно те, кого в семье воспитали в религиозном духе, росли грамотными, образованными, с научным миропониманием и гражданской активностью, чему препятствует религия. В этом и проявляется гуманность нашей системы образования и воспитания.

Политические права и свободы. Новая Конституция юридически закрепила за советскими гражданами права — на участие в управлении государственными и общественными делами, на критику, на объединение в общественные организации; свободы — слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций.

Право участвовать в управлении государственными и общественными делами осуществляется в различных формах: все советские граждане могут избирать и быть избранными в Советы народных депутатов и другие выборные государственные органы, участвовать в обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения, во всенародных обсуждениях и голосованиях, в работе народного контроля, государственных и общественных организаций и органов общественной самодеятельности, в собраниях в трудовых коллективах по месту жительства. С этим правом тесно связано право советских граждан вносить в государственные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе. Конституция обязывает должностные лица в установленные сроки рассматривать предложения и заявления граждан, давать на них ответы и принимать необходимые меры.

В соответствии с целями коммунистического строительства граждане СССР имеют право объединяться в общественные организации, которые способствуют развитию политической активности и самодеятельности, удовлетворению многообразных интересов граждан.

В соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя гражданам СССР гарантируется свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций.

В связи с политическими правами и свободами приведем пример еще одной инсинуации: кардинал Кёниг утверждает, что верующий в нашей стране «отлучен от участия в делах государства, от какого-либо участия в общественной жизни». Это заявление находится в явном противоречии с действительностью и Основным Законом нашего государства. В советском обществе никто не отстраняется от общественной жизни; наоборот, делается все для того, чтобы как можно шире и активнее привлекать всех граждан к управлению государственными и общественными делами. Иное дело, когда некоторые верующие сами отлучают себя от активной общественной жизни. Как показывают конкретные социологические исследования, верующие люди имеют более низкие социальные и культурные характеристики: они менее активны в общественном труде, общественной работе, овладении знаниями и т. д. Но в данном случае виновата сама религия, ибо она не только не стимулирует общественную и культурную светскую деятельность, а, наоборот, тормозит ее.

Если имеется в виду данное положение, то и нужно говорить об этом правдиво, объективно интерпретировать и оценивать его.

Личные права и свободы советских граждан. К этим конституционным правам и свободам относятся государственная защита семьи, неприкосновенность жилища, охрана личной жизни, право на судебную защиту и на возмещение причиненного ущерба, свобода совести.

Государственная защита семьи впервые предусмотрена как конституционное право. Оно устанавливает добровольность обеих сторон при вступлении в брак и полное равноправие супругов в семейных отношениях. Государство проявляет также заботу о семье, создавая и развивая широкую сеть детских учреждений, организуя и совершенствуя службу быта и общественного питания, выплачивая пособия и льготы многодетным семьям, осуществляя другие виды помощи семье.

Важной конституционной гарантией является неприкосновенность личности. Она означает, что никто не может быть подвергнут аресту иначе как на законном основании. Охраняются законом личная жизнь граждан, тайна их переписки, телефонных разговоров и телеграфных сообщений. К охране личной жизни относится и неприкосновенность жилища.

Ряд положений Конституции связан с защитой личных прав. Всем государственным органам, общественным организациям и должностным лицам вменяется в обязанность уважение личности, охрана ее прав и свобод. Гарантируется право каждого гражданина на судебную защиту от посягательств на его жизнь и здоровье, честь и достоинство, личную свободу и имущество. Каждый гражданин имеет право обращаться с жалобами на действия должностных лиц, государственных органов и общественных организаций, которые должны рассматриваться в порядке и в сроки, установленные законом. Превышение полномочий должностными лицами, нарушение Закона, ущемление прав граждан обжалуются в установленном Законом порядке в суд. Конституция устанавливает также право на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных, общественных организаций и должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей.

К личным конституционным свободам, как указывалось выше, относится и свобода совести, но этому будет посвящена отдельная статья.

ОТ ПРАВ И СВОБОД НЕОТДЕЛИМЫ ОБЯЗАННОСТИ

Важным конституционным принципом является положение о взаимосвязи прав и обязанностей. Исполнение определенных обязанностей советскими гражданами — столь же необходимый элемент социалистической демократии, как и пользование правами и свободами. Это конституционное положение вытекает из диалектики общественных и личных интересов и отражает их гармоничное сочетание, свойственное социалистическому обществу. Без взаимосвязи права и обязанности просто не могут существовать. Если обязанности — это требования общества, которые оно предъявляет к государству и гражданам, то вполне естественно, что права граждан без определенных обязанностей со стороны государства носили бы характер пустых деклараций, а обязанности граждан без права государства требовать их исполнения оставались бы просто пожеланиями.

Социалистическое общенародное государство не противостоит человеку как чуждая сила, а выражает его общественные и личные интересы и призвано их осуществлять. В свою очередь советские граждане не безразличны к делам государства и общества, понимают свою ответственность перед ними, активно трудятся на их благо и свое собственное.

С конституционным положением о неотделимости прав и свобод от исполнения гражданами своих обязанностей тесно связано другое положение Конституции: использование гражданами их прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан.

Какие же обязанности возлагает Конституция на советских граждан? Перечислим их коротко, как они формулируются в Основном Законе.

Первая и наиболее общая обязанность советских граждан состоит в необходимости соблюдать сам Основной Закон и другие законы, уважать правила социалистического общежития, с достоинством нести высокое звание гражданина СССР. Две следующие обязанности носят социально-экономический характер: добросовестно трудиться в избранной области общественно полезной деятельности и соблюдать трудовую дисциплину, а также беречь и укреплять социалистическую собственность, бороться с хищениями и расточительством государственного и общественного имущества, бережно относиться к народному добру, не использовать социалистическую собственность в целях личной наживы и других корыстных целях. К этому примыкает и запрещение использовать имущество, находящееся в личной собственности или пользовании, для извлечения нетрудовых доходов, в ущерб интересам общества, а также запрещение применять детский труд, не связанный с обучением и трудовым воспитанием. К числу социально-экономических обязанностей необходимо отнести и конституционные требования беречь природу, охранять ее богатства. К обязанностям социально-политического характера относится конституционное требование оберегать интересы Советского государства, способствовать укреплению его могущества и авторитета. Защита социалистического Отечества определяется Конституцией как священный долг каждого советского гражданина. Долгом каждого гражданина СССР является и уважение национального достоинства других граждан, укрепление дружбы наций и народностей нашего государства, а также содействие развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, поддержание и укрепление всеобщего мира. Сюда же относится запрещение пропаганды войны, проповеди расовой или национальной исключительности, вражды или пренебрежения, а также запрещение преследования за критику.

Две обязанности можно считать общегражданскими — уважать права и законные интересы других лиц, быть непримиримыми к антиобщественным поступкам, всемерно содействовать охране общественного порядка, а также заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества. Дети должны заботиться о родителях и оказывать им помощь. К этим обязанностям примыкает запрещение возбуждения вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями, запрещение незаконного ареста и запрещение входить в жилище с нарушением установленных правил, против воли проживающих в нем лиц.

Еще одна обязанность касается необходимости сохранения исторических памятников и других культурных ценностей. Здесь можно назвать и обязанность, которая содержится в праве на образование — всеобщая обязательность среднего образования молодежи.

В заключение нужно сказать, что конституционные положения о единстве прав, свобод и обязанностей и необходимость их использования без нанесения ущерба интересам общества и государства, правам других граждан вызвали наибольшую критику со стороны буржуазных идеологов и пропагандистов антикоммунизма, хотя эти положения полностью соответствуют международным актам по правам человека. Приведем одну, наиболее характерную выдержку из Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности. При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

Именно к таким ограничениям (если их можно назвать ограничениями с точки зрения единства интересов общества и личности в условиях социализма) и относятся обязанности советских граждан. В их установлении и соблюдении равно заинтересованы и общество, и государство, и все наши граждане, ибо это отвечает их общим интересам. Исполнение этих, как и других, неконституционных, обязанностей при социализме не только отвечает нравственным требованиям общества, но и совпадает с нравственными нормами социалистического общежития. И те и другие основываются на принципах социалистического гуманизма, коллективизма, товарищеской взаимопомощи, патриотизма и интернационализма, высокой идейности и принципиальной требовательности. Вот почему все то, что противоречит интересам государства и народа, не находит и не может найти поддержки в нашем обществе.

Коммунистическая партия и Советское государство принимают меры к тому, чтобы все его граждане хорошо знали не только свои права и свободы, но и возложенные на них обязанности, сочетали пользование правами и свободами с добросовестным выполнением гражданских обязанностей.

В заключительном слове на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР, принявшей новую Конституцию, Л. И. Брежнев говорил: «Содействовать этому, помогать выработке высокой политической культуры у каждого гражданина — важная задача партийных, государственных и общественных организаций, ответственных за коммунистическое воспитание трудящихся».

Усадебный дом.

РОДНИКИ

Фото Ф. Гуртовника

Александр ШАМАРО,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

За этим столом работал М. Ю. Лермонтов в те дни, когда навещал родное гнездо.

3

ТАРХАНЫ...

В былые времена так называли и деревеньку, и усадьбу ее владельцев. После Октябрьской революции, по решению здешних крестьян, село Тарханы было переименовано в Лермонтово, а прежнее название оставлено только за усадьбой, ставшей музеем. Государственный лермонтовский музей-заповедник «Тарханы» — так он именуется ныне.

Как известно, Михаил Юрьевич Лермонтов родился в Москве осенью 1814 года. Но уже несколько месяцев спустя родители привезли новорожденного сюда, в имение его бабушки, и он прожил здесь первые 12 лет жизни. Тарханы стали колыбелью его гения.

Природа России, как в малой капле, отразилась в Тарханах. Чудится, как стихотворные строки Лермонтова будто вырастают из тарханской земли, подобно деревьям, травам и цветам. И томик лермонтовских стихов становится своеобразным поэтическим путеводителем по заповедной усадьбе, по ее парку, окрестностям. Тарханская земля стала истоком многих лермонтовских творений: «Песни про купца Калашникова», неоконченного романа «Вадим», стихотворения «Бородино»...

Однако Тарханы были характерной, типичной частицей не только русской природы, но и российской действительности той поры. Барский дом вплотную окружали строения, где ютилась дворня. С малых лет поэт был близко знаком с жизнью тарханских крестьян, слушал песни и предания о Степане Разине и Емельяне Пугачеве, рассказы об Отечественной войне, о дне Бородина. Мужики и бабы учили его народной речи.

В Тарханах увидел Лермонтов рабскую долю русского крестьянина, и возмущение подобным устройством жизни пронизало все его творчество.

Над гладью тарханского пруда возвышается Михайловская церковь, строительство которой завершено было за год до гибели Лермонтова. Рядом с нею — часовня, фамильный склеп Арсеньевых... Четыре могилы... Здесь погребены бабушка и дед поэта со стороны матери и безвременно угасшая мать — Мария Михайловна Лермонтова. Под памятником из черного мрамора с беломраморной урной и бронзовым крестом покоится прах поэта, привезенный сюда в свинцовом гробу весной 1842 года.

Православный крест, отлитый из бронзы... Каждый, кто хорошо знаком с горестными событиями в Пятигорске летом 1841 года — гибелью Лермонтова, не может не вспомнить о некоторых связанных с этим фактах.

Отношение православной церкви к Лермонтову проявилось «во всей красе» буквально на следующий день после его гибели. Когда товарищ убитого Дмитриевский пришел к пятигорскому священнику Эрастову с просьбой похоронить убитого по христианскому обряду, отец Василий и сам наотрез отказался сделать это, и другим пятигорским священникам помешать решил: запер церковь, в которой хранились ризы, забрал ключи и исчез. Несколько часов разыскивали его по всему городу... А вот на просьбу Чиляева (хозяина дома, где Лермонтов снимал квартиру) Эрастов откликнулся сразу же и освятил эти комнаты, словно в них обитала «нечистая сила».

Окончание. Начало см. в № 3 за этот год.

Не добившись ничего от отца Василия, Дмитриевский отыскал заштатного батюшку Петрова. Но и тот отказался. Наконец кое-как упросили священника Павла Александровского.

> «На другой день, когда собрались все к панихиде, — вспоминала одна из свидетельниц этих событий, — долго ждали священника, который с большим трудом согласился хоронить Лермонтова...»

Прошло почти полвека. В 1888 году в Ставрополе историк здешнего края Г. Н. Прозрителев разбирал старинные бумаги, сваленные в кучу в колокольне кафедрального собора. Из-под груды хлама извлек он пухлые папки церковного архива. Надпись на одной из них заставила его встрепенуться: «Дело по репорту Пятигорской Скорбященской церкви священника Василия Эрастова о погребении той церкви протоиереем Павлом Александровским тела наповал убитого пулей на дуэли поручика Лермонтова».

Исходной бумагой этого дела был донос священника Эрастова на своего коллегу, написанный в декабре 1841 года и отосланный «преосвященнейшему Афанасию, архиепископу Новочеркасскому и Георгиевскому и кавалеру»:

> «Усматривая, что протоиерей Александровский, погребши честне в июле месяце сего года тело наповал пулею убитого на дуэли г. поручика Лермонтова, в статью метрических за сей год книг об умерших означенного Лермонтова не вписал доселе, и данные, как слышно и как видно из прилагаемого при сем от чиновника мне уведомления, двести рублей ассигнациями в доходную кружку причта не внес...»

Как видите, достопочтенный иерей, считавший участие в похоронах Лермонтова чуть ли не смертным грехом, от своей доли денег, которые, по его сведениям, выплачены были другому батюшке за отпевание погибшего поэта, ни в коем случае отказываться не хотел.

Донос был подан, и церковно-бюрократическая машина завертелась. Епархиальное начальство рассердило, видимо, не столько то, что деньги миновали «доходную кружку причта», сколько факт «честного погребения» такого грешника. Здесь было усмотрено возмутительное нарушение стародавних церковных законов. Ибо (цитирую одну из бумаг упомянутого дела):

> «В нижеписанных законах изображено:
> ...Тело умышленного самоубийцы надлежит палачу в бесчестное место оттащить и там закопать...
> Как дело, при сем рапорте представленное, заключает в себе не малую важность: ибо поручику Лермонтову последовала смерть не натуральная и не насильственная, а на дуэли, самоохотная, следовательно он больше принадлежит к самоубийцам...»

Первая бумага в этом позорном «деле» помечена 5 декабря 1841 года, последняя — 24 августа 1854 года. 13 лет православная церковь оскверняла кощунственной тяжбой память великого русского поэта! Минуло 40 лет со дня роковой дуэли. Приближался июль 1881 года. Жители Пятигорска решили почтить память поэта панихидой и обратились за разрешением к соборному протоиерею. Им оказался... Василий Эрастов! 9 июля 1881 года он отправил городскому голове отношение, уведомлявшее городские власти о том, что священники пятигорского Спасского собора «не могут совершить 15 июля в соборе панихиды по Лермонтове, как убитом на дуэли...».

Через полвека после гибели поэта литератору Е. Гайзенеру довелось встретиться с Эрастовым в Пятигорске. Возле Лермонтовского грота он увидел глубокого старика. Высокий, прямой, с развевающимися белыми волосами, вспоминал впоследствии Гайзенер, священник производил впечатление своей внушительной наружностью. Е. Гайзенер долго не решался заговорить с Эрастовым о Лермонтове, полагая, что «вызовет тяжелые воспоминания». Наконец решился:

— Вы ведь знали Лермонтова?

— Знал, знал...

— Правда ли, что вы отказались его хоронить?

— Правда,— отвечал Эрастов «не только без малейшего смущения, но даже с какой-то странной живостью».— Разве можно было его хоронить? Умер без покаяния...

— Его убили.

— Мало что убили! А кто виноват? Сам виноват.

«Старческий голос его,— закончил свои заметки Е. Гайзенер,— звучал полной уверенностью в правоте».

Что еще к этому можно добавить?

Село Тарханы Чембарского уезда... Село Лермонтово Белинского района... Истоки — родники творчества Белинского и Лермонтова!

Девять лет жили по соседству два одаренных мальчика — грядущая слава русской литературы. Почти сверстники: Виссарион Белинский был старше Михаила Лермонтова всего на три с половиной года. Возможно, и встречались на пыльных чембарских улицах в те дни, когда Лермонтов бывал в уездном городке, не ведая, разумеется, как много будет значить каждый из них для другого. Лермонтов — в идейном развитии Белинского, Белинский — в осмыслении и защите лермонтовского творческого наследия.

4

Судьба Тарханской усадьбы сложилась поначалу столь же прискорбно, как и судьба этого домика на Базарной площади в Чембаре. После смерти бабушки поэта (она пережила внука на четыре года) Тарханы трижды переходили от одних хозяев к другим. И оказались наконец во владении помещицы Катковой, внучатой племянницы Е. А. Арсеньевой и снохи небезызвестного публициста и издателя М. Н. Каткова — махрового реакционера и шовиниста, цепного пса у российского трона. Новые хозяева в Тарханах не жили, передав имение во власть управляющих.

«С этого момента, — писал Н. Пахомов, один из создателей нынешнего музея-заповедника, — Тарханы испытывают обычную участь многих русских исторических мест. Наследникам ничего не говорит великое имя их родственника, и имение, отданное в хищнические руки управляющих, служит лишь средством для выколачивания денег».

Можно составить летопись утрат и разрушений — печальную и возмутительную летопись. Летом 1908 года пожар почти полностью уничтожил усадебный дом. Несколько лет спустя его построили заново на том же фундаменте. По приказу одного из управляющих вырубили значительную часть липовой аллеи, помнившей поэта. Ветшала и гибла усадьба, падали под топором вековые липы и дубы, мелел и зарастал пруд. Поросла быльем и память о Михаиле Юрьевиче Лермонтове.

Уже знакомый нам Николай Рыбкин (автор воспоминаний, опубликованных «Историческим вестником») пытался разузнать в Чембаре что-нибудь о Лермонтове. Но все, к кому он — всего лишь 20 лет спустя после смерти поэта — обращался с расспросами, «ничего о нем не знали и даже не слыхивали, что поэт воспитывался в здешнем уезде».

Рыбкин отправился в Тарханы. В усадебном доме никто не жил, и по пустым комнатам его водил какой-то крестьянский парень, которому бурмистр приказал исполнять обязанности экскурсовода.

«Меня интересовали в доме антресоли, где была помещена детская комната поэта, — рассказывал Н. Рыбкин (ошибочно называя антресолями мезонин). — Разумеется, как дом был необитаем, то в нем всюду царствовала пыль и паутина... Проводник мой ничего не знал о юном жильце антресолей в двадцатых годах и объяснил мне только, что, «до прежде, давно еще, здесь жили господа, а теперича не живут». Больше ни от него, ни от других охранителей имения я ничего не мог добиться. В часовню, где находится могила Лермонтова, меня уже провожал другой человек... Приведший меня в часовню объяснил, что тут их господа похоронены и что всех их Пугачев перебил еще в старину. Тут же-де положен и молодой барчук, которого на войне убили черкесы...»

Второе свидетельство относится ко времени более позднему — началу нынешнего века. Его оставил нам на страницах «Пензенских губернских ведомостей» сельский учитель, посетивший Тарханы вместе с коллегами летом 1905 года и подписавший письмо в газету инициалами «А. З.».

«На нашу просьбу посмотреть какие-либо вещи, уцелевшие от времени Лермонтова, или показать комнату, где поэт когда-то занимался, конторщик по приказанию жены управляющего сказал: «Дом отремонтирован недавно, и все комнаты переделаны или перекрашены, а вещи все уничтожены или увезены...» Прекрасная липовая аллея, на которой в былое время любил гулять Михаил Юрьевич, теперь примыкала к скотному двору и... представляла самый отталкивающий вид... Мы прошли по дорожке парка, скрывающего какую-то веселую компанию. «Это что же они здесь ходят и смотрят?» — спросил кто-то из компании, кивая на нас. «А пришли смотреть имение Михайлы Лермонтова», — отвечал другой. «Какого это Михаила?..» «Ну, что еще сочинял». Как обидно за поэта! Так у нас чтут память о гениальных людях...»

«Тут следовало открыть даже музей...» — таким предложением заканчивал свое письмо пензенский учитель. Обратите внимание на это многозначительное «даже». То, что нам с вами представляется само собой разумеющимся, автору письма в газету казалось недостижимым пределом мечтаний.

Создание лермонтовского музея, начатое в 1936 году, было делом очень трудным. В безутешном горе своем бабушка раздарила на память родным и близким личные вещи внука. Исчезла и библиотека... Те, кому уже посчастливилось побывать в Государственном лермонтовском музее-заповеднике «Тарханы» — этом поэтичнейшем зеленом уголке России,— собственными глазами смогли увидеть, как трудности эти были преодолены. Я бы сказал, что энтузиасты совершили чудо.

5

Ворона, невеликая река, неторопливо петляет по живописным просторам благодатной лесостепной полосы. В верхнем течении ее, при впадении речки Сюверни, просторно расположилось старинное русское село Чернышево.

Окрестности тарханской усадьбы... Чудится, будто многие поэтические строки Лермонтова выросли на этой земле, подобно деревьям, травам и цветам.

Научные сотрудники лермонтовского музея-заповедника обогатили его недавно новой экспозицией — восстановлен «Дом ключника».

История его характерна... На стыке XVII и XVIII столетий, когда над этими краями больше не висела опасность татарских набегов, началось массовое заселение их русскими крестьянами. «С высоты престола» щедрой рукой раздаривали отмеченным царской милостью боярским и дворянским родам обширные наделы плодородных земель. Не были забыты, разумеется, и Нарышкины. Еще бы! Мать самого Петра I вышла из этого рода!

И вот в 1707 году многочисленное семейство Евстрата Чернышева, крепостного Нарышкиных, проживавшего до сих пор в одном из сел Шацкого уезда, по воле владельцев своих — двоюродных братьев царя Петра — снялось с насиженного места и двинулось на юг, к берегам Вороны. Его избой и началось село.

Нам неизвестно, когда и где от крестьянского ствола ответвился род «мужицких попов», из которого вышел Николай Гаврилович Чернышевский, но уже два века назад в селе Студенки, расположенном в нескольких километрах от Чернышева, служил дьяконом Савва Васильев — прапрадед Н. Г. Чернышевского. Фамилии он не имел, а назывался, как и любой крестьянин, по отцу. Внук его — Иван Васильев служил уже в храме села Чернышево. В 1793 году у Ивана родился сын Гаврила — отец Н. Г. Чернышевского. Первые десять лет жизни он был бесфамильным: Гаврила Иванов — и все тут. При поступлении в Пензенскую духовную семинарию кем-то из семинарских «отцов» и придумана была для него фамилия — Чернышевский, подобно тому как раньше Григорий Никифоров из села Белынь приобрел фамилию Белынский.

Надо заметить, что сочинение фамилий по названию сел или деревень было не худшим способом такого рода сочинительства. В стенах семинарий, равно как и в стенах остальных учебных заведений, постигали богословскую премудрость юноши, которые обречены были всю жизнь нести и по наследству детям своим передать плоды «учености» и «изобретательности» ректора и учителей. Среди семинаристов частенько встречались Венусовы, Гостомысловы, Коперниковы и даже, случалось, Копенгагеновы и Гвадалквивировы...

На сыне Гаврилы Чернышевского род «мужицких попов» из села Чернышево, как известно, и пресекся: Николай Чернышевский избрал иной жизненный путь *.

Стык пятидесятых и шестидесятых годов прошлого века — время высшего взлета в жизни и творчестве Николая Гавриловича Чернышевского. Политическая и идеологическая борьба в России тех лет протекала между двумя полюсами. На одном было поднято знамя революционной демократии — боевой наследницы Радищева и декабристов. На другом — знамя со словами: «Православие, самодержавие, народность». Первое высоко взметнул Н. Г. Чернышевский. Вторым озлобленно, угрожающе размахивали прямые наследники сочинителя этой пресловутой формулы, творца «теории официальной народности» — скончавшегося в 1855 году министра народного просвещения графа Уварова.

Два лагеря, два идеолога, два знамени...

Несколько слов об Уварове. После воцарения Николая I он воистину «пришелся ко двору» и стал одним из столпов реакции. «В нынешнем положении вещей и умов нельзя не умножать, где только можно, число «умственных плотин»,— так формулировал Уваров задачу своей деятельности. Подводя в очередном «всеподданнейшем докладе» итоги десятилетних трудов своих на посту министра народного просвещения (последнее слово в этом контексте звучит, разумеется, злой иронией), Уваров с чувством глубокого удовлетворения сообщал:

> «Объем их (речь идет о «лицах крепостного состояния». — **А. Ш.**) обучения ограничен одними приходскими и уездными училищами... И частные заведения, в которых круг учения соответствует гимназиям, сделаны недоступны для лиц крепостного состояния».

И вот этот идеолог крепостнической реакции, получивший три года спустя за верную службу престолу титул графа, долгие годы был владельцем села Чернышево под Чембаром, заполучив достояние это в качестве приданого при женитьбе на графине Разумовской.

---

* См. статью А. Демченко «Не хочу верить, чтоб был бог» в № 7 нашего журнала за 1978 г.

Таковы факты истории!.. В краю родников народной талантливости владел поместьем махровый мракобес — «строитель умственных плотин», гордившийся тем, что сделал все, дабы наглухо засыпать эти родники, перекрыв выходцам из крепостного крестьянства дорогу к знаниям.

О тех далеких временах напоминает бывший графский усадебный дом на окраине села. Сейчас правление местного колхоза разместило здесь общежитие рабочих, возводящих корпуса экспериментального овцеводческого комплекса.

Это — самая крупная колхозная стройка, которая должна быть завершена к 1981 году. Самая крупная, но не единственная, конечно. Строится новое здание сельской школы — двухэтажное, каменное, почти на 200 учеников. 120 из них будут жить в интернате на полном колхозном обеспечении. Большинство школьников живут в интернате и сейчас: колхоз «Чернышевский» объединяет, помимо села Чернышево — своей центральной усадьбы, еще шесть населенных пунктов в радиусе до 10 километров.

Чернышево — село небольшое: 230 домов, 700 жителей (600 из них, кстати,— читатели сельской библиотеки, обладающей семью с половиной тысячами книг).

Широченные улицы с проселочными дорогами и лентами плотной травы у домов. То здесь, то там стучат топоры и молотки, повизгивают пилы — растут новые дома. Замысловатые деревянные кружева непременно обрамляют окна и тянутся по карнизам.

Рассказывают, что дом, в котором жили дед и отец Н. Г. Чернышевского, стоял на том месте, где теперь белеет здание восьмилетней школы. В стенах ее и горит огонек одного из самых благородных и одухотворенных увлечений — исторической, патриотической любознательности. 12 старшеклассников создали кружок «Чернышевцы». Они назвали себя так и потому, что родились и выросли в этом селе, и потому, что видят в Н. Г. Чернышевском великолепный человеческий образец.

С помощью учителей и воспитателей — директора школы Виктора Васильевича Монахова, преподавателей Юлии Митрофановны Кулебякиной и Клавдии Николаевны Лащилиной — юные «чернышевцы» превратили одну из классных комнат в музей, посвященный истории села и жизненному пути, политической борьбе, литературной и научной работе Н. Г. Чернышевского.

Кружковцы обошли все дома в селе и записали предания о старине, рассказы о дореволюционных годах, воспоминания ветеранов колхозного труда и минувшей войны. Они помогли составить полный список участников Великой Отечественной войны: 185 односельчан ушли на фронт, 89 вернулись с победой, 96 отдали жизнь за свободу и честь социалистической Родины.

На стенах скромного самодеятельного музея, над картинами, рисунками, фотоснимками, прикреплен плакат:

«Любить родной край — значит знать его».

Главная заповедь, жизненный девиз юных летописцев русского села на берегах реки Вороны.

Родники, ключи... Родничный, ключистый край... Впрочем, и не край даже, а маленький прямоугольник на карте Родины. Уголок родников... Его скромные размеры, разумеется, ощущаешь лишь при взгляде на географическую карту. Впечатление это сразу исчезает, когда, путешествуя по его дорогам, любуешься разливами полей, синеющими далями лесов и перелесков...

За этими далями на сотни и тысячи километров простираются другие края, с другими родниками. И чем раньше были обжиты и освоены края эти нашими предками, тем больше там таких родников, которыми в течение долгих веков пробивалась из недр на поверхность жизни изумительная талантливость нашего народа. Недра эти не иссякают. Как и в прошедшие времена, вечно будут пробиваться родники — то здесь, то там — на всем гигантском пространстве нашей Родины. И — кто знает? — быть может, уже заструился еще один и в этом уголке Советской России.

Приметой старого времени стоит в центре села здание бывшего волостного правления.

Кружок юных краеведов-чернышевцев собрался в одном из классов здешней школы.

Фото автора

Читатель сообщает, советует, спрашивает

Чтобы атеистическая пропаганда давала положительные результаты, она должна быть не только убедительной, но и яркой, эмоционально доходчивой. И здесь неоценимую помощь может оказать кино.

В настоящее время в Киргизской республиканской конторе кинопроката и ее отделениях в городах Оше и Джалал-Абаде имеется около 20 художественных и столько же научно-популярных атеистических фильмов. Кроме того, кинопрокатные организации области располагают большим фондом научно-популярных фильмов, пропагандирующих достижения науки и техники, рассказывающих об исследованиях в Космосе.

Хотя эти ленты и не представляются, на первый взгляд, прямо атеистическими, однако недооценивать их значение в формировании у советских людей материалистического мировоззрения было бы большой ошибкой. Ведь они заставляют зрителя размышлять, вырабатывают верный взгляд на мир.

Как же используется это богатство в атеистической пропаганде работниками киносети и кинопроката? Прежде всего мы организуем тематические показы во всех городах и районах области. Интересный опыт подобных мероприятий есть, например, у кинофикаторов Оша, которые ведут эту работу в контакте с местными партийными и советскими органами.

В нашей повседневной практике утвердились и такие формы, как киноклубы, и киноуниверситеты, школьные и пионерские кинотеатры, а также демонстрация кинолент на агитплощадках, по месту жительства трудящихся. Выбор конкретной формы зависит от условий, умения и опыта работников кинопроката. В Оше, например, пропаганда атеистических знаний ведется через ежемесячный кинолекторий «Атеист». Посещают его студенты, школьники, слушатели вечернего университета марксизма-ленинизма. Аналогичный лекторий создан и при кинотеатре «Космос» для студентов строительного техникума, педагогического училища и пединститута.

Успешно проходят недели атеистических фильмов в Ленинском, Наукатском районах, в городах Кара-Су, Кызыл-Кии, Таш-Кумыре, где руководители киносети действуют вместе с местными партийными и комсомольскими организациями. А для джалал-абадских кинофикаторов характерна связь с Домом санитарного просвещения.

Однако, анализируя работу в ряде районов, нельзя не отметить, что такое мощное идеологическое оружие, каким является кино, используется еще далеко не в полной мере. Так, в каждом районе нашей области ежегодно читается от 200 до 300 лекций на атеистические темы, а фильмов показывается ничтожно мало. Например, в Наукатском районе на 326 лекций — всего четыре фильма, а в Араванском и того меньше — три. Не везде еще налажена связь работников кино с органами народного образования. А ведь киноискусство может оказать неоценимую помощь педагогам в деле формирования у школьников научно-материалистического мировоззрения.

Р. КОНУРБАЕВ,
начальник областного управления кинофикации Ошского облисполкома

Киргизская ССР

Не могу смириться

Я работаю на швейной фабрике швеей-ручницей, а точнее — запускальщицей и учусь на заочном отделении исторического факультета Ростовского университета на четвертом курсе. Мое постоянное общение с работницами, дружба с ними приоткрыли мне мир, о котором я как-то не задумывалась. Оказывается, в нашем цехе есть несколько искренне верующих, распространены суеверия, существует мода на крестики. «Крестоносцев» у нас в Таганроге, правда, не так-то много.

Я — противница такой моды, и считаю, что комсомольцам стыдно украшать себя религиозным символом. Или приходится слышать вот такое. Одна девушка собиралась идти на танцы. У нее оторвалась на платье пуговица, а мать не разрешала пуговицу пришить, потому что в тот день был какой-то церковный праздник, а в праздник грех работать — бог накажет...

Но нельзя с таким положением смириться и оставаться в бездействии. Я сама приспособила для атеистической пропаганды доску информаций, вывешивала на ней вырезки из газет и рукописный листок «Против суеверий», который сама и выпускала. Сознаюсь, результат был слабый.

Лекцию-концерт, которая состоялась во второй смене в конце апреля прошлого года в обеденный перерыв, мы подготовили с Анфисой Алексеевной Шалаевой. Она — коммунист, инженер по кадрам — рассказывала, как возникли религиозные праздники, откуда произошел обычай печь куличи, делать творожную пасху, красить яйца. Разговор получился серьезный, вернее слушатели отнеслись серьезнее, чем мы предполагали.

В художественной части я прочла главу из «Нового завета без изъяна евангелиста Демьяна» и рассказ Зощенко «Пасхальный случай». Обе вещи принимали оживленно, смеялись, а когда я закончила, мне аплодировали. В общем, для начала было совсем неплохо. Мы с Анфисой Алексеевной решили, что следует провести еще такой концерт-лекцию, но подготовить больше выступающих и, конечно, не обязательно выбирать только смешное. Есть, например, прекрасные трагические вещи у Леси Украинки, глубоко западающие в душу, а юмор не на каждого человека действует. Но я глубоко уверена, что нет людей, которых не затронуло бы проникновенное художественное слово.

С комсомольским приветом
О. ФЕДОРОВА

г. Таганрог
Ростовской области

Тайна горной долины

Тюя-Муюнская долина, еще недавно безводная и пустынная, — ныне цветущий оазис юго-западной Киргизии. Много тайн хранили окружающие ее горы.

Тысячелетиями ферганские рудокопы, добывавшие здесь сырье для выплавки меди и приготовления красок, не могли понять, почему они часто болеют, почему их тела иногда покрываются долго не заживающими язвами, похожими на ожоги.

«В середине XIX в., — говорится в книге М. Бубновой «Добыча полезных ископаемых в Средней Азии в XVI—XIX вв.» (М., 1975), — кокандцы рассказывали приезжим (русским), что есть в их крае одна горная долина, где очень много медной руды, но воздух там плохой из-за ядовитых испарений, и поэтому человек долго там работать не может. Однако какое месторождение имелось в виду, — неясно до сих пор». Есть основания полагать, что речь шла о Тюя-Муюнской долине.

Первые путешественники, побывавшие здесь в начале века, были поражены необычным видом карстовых пещер и яркой раскраской минералов... Трагическая и загадочная картина открылась участникам одной из экспедиций уже советского времени. В глубокой шахте они обнаружили трупы красноармейцев, замученных басмачами. Несмотря на долгое пребывание в подземелье, тела погибших совершенно не подверглись тлению.

Загадки долины стали благодатной почвой для всевозможных суеверий. Рудокопы и добытчики красок населили долину демонами и злыми духами, сложили мрачные и зловещие легенды, которые и теперь можно услышать в отдаленных районах республики. Усиленно способствовали распространению суеверных слухов мусульманские священнослужители. Дервиши разносили их по аулам, дополняя собственными выдумками, стремясь открыть в долине и близлежащих местах побольше «святых» мест.

Понравилась верующим сладковатая вода ручья в долине—и его немедленно освящают и называют Абшир-ата. Стоило кому-то из мулл повнимательней присмотреться к скале, отдаленно напоминающей силуэт коня, как тут же его называют именем мифического скакуна Дуль-Дуля, принадлежавшего имаму Али. Один из утесов недалеко от дороги между городами Ош в Киргизии и Ленинск в Узбекистане и сегодня называют Дуль-Дуль-ата и почитают как святое место.

Любопытно, что почти каждое из них имело, так сказать, медицинскую специализацию — «излечивало» определенный недуг. Возле «святых» мест постоянно жили их хозяева и хранители — шейхи, передававшие по наследству от отца к сыну свою «должность» и вместе с ней — немалые доходы.

Старожилы помнят, как шли к этим «святыням» больные, убогие, убитые горем люди в надежде избавиться от несчастий, найти исцеление. Они вели с собой овец, чтобы принести их в жертву, надеясь удостоиться небесного заступничества, разумеется, за определенную мзду. Паломники лобызали камни, пили воду из источников, прикасались ладонями к деревьям.

Неисчислимое множество подобных святынь можно было встретить на земле Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, и одним из самых известных была Тюя-Муюнская долина.

— Это небесные силы присутствуют здесь, на земле, — твердили паломникам муллы и их помощники. — Недремлющее око Аллаха все видит и не прощает прегрешений. Джинны, живущие в долине, служат всевышнему и выполняют его волю, свершая суд божий...

В последние годы прошлого века через Ферганскую долину прошла железная дорога. В край устремились предприимчивые дельцы. Они прослышали о подземных богатствах Тюя-Муюнской долины. И вот тут открылось одно чрезвычайно интересное обстоятельство: в образцах минералов, отправленных на лабораторные исследования в Петербург, был найден радий. История разработки Тюя-Муюнского радиевого месторождения подробно рассказана в книге С. А. Погодина и Э. П. Либмана «Как добыли советский радий» (М., 1977). В 1930 году запасы рудника были исчерпаны.

Действие радия на организм человека сегодня хорошо изучено. Общеизвестно, что неосторожное обращение с радиевыми препаратами грозит ожогами и даже гибелью. Вот почему болели и умирали когда-то ферганские рудокопы. Сами того не ведая, они, доставая красители и медную руду, облучались. Что же касается долгой сохранности останков красноармейцев в шахте, то ее можно объяснить высокой радиоактивностью рудничного воздуха.

Так ушла в прошлое веками жившая легенда о тайнах долины, над которой якобы тяготело проклятие небесных сил.

В. ПОЛОСУХИН

г. Ленинабад

Камень Чокана

До середины 40-х годов никто не знал, где находится могила Чокана Валиханова — великого просветителя казахского народа, ученого, художника, путешественника. Строились разные предположения. Многие исследователи биографии и почитатели Валиханова считали, что она находится в Кокчетавской области, где родился Чокан и куда его прах якобы перевезли из Верненского уезда, где он умер. Впрочем, полной уверенности не было, а слухи — они и есть слухи... Но могила была найдена, и вот как.

...Долгое время в ауле Шанханай (теперь здесь колхоз имени Чокана Талды-Курганской области) и его окрестностях рассказывали о том, как когда-то местный житель нашел на бугре за горной речушкой вросший в землю странный белый камень — большую, округлой формы плиту. Таких здесь прежде никто не видывал. Он решил извлечь пользу из своей находки — сделать два жернова. Вырыл камень и начал его рубить надвое. Но от него отлетел осколок и попал ему в глаз. Вскоре глаз сильно заболел. Суеверные неграмотные родственники и знакомые решили, что камень «заколдован» и следует оставить его в покое — положить на место. Вскоре после того, как его водворили в яму, откуда он был извлечен, глаз «святотатца» выздоровел. С тех пор плита эта привлекла к себе внимание жителей аула, ее стали называть святым камнем, к ней потянулись верующие. В святости камня их убеждала и надпись, обнаруженная на плите, хотя прочесть ее долго никто не мог. Но в конце концов случилось так, что в 1945 году в числе паломников оказался грамотный человек. Он-то и прочел надпись на русском языке: «Здесь покоится прах штабс-ротмистра Чокана Чингисовича Валиханова. Скончался в 1865 году». Чуть ниже шла еще одна надпись: «По желанию Туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта фон Кауфмана и во внимание ученых заслуг Валиханова положен сей памятник генерал-лейтенантом Колпаковским в 1881 году». То же повторено по-арабски.

Вскоре в Шанханай приехали ученые из Алма-Аты. Они исследовали плиту, сделали раскоп и обнаружили под ней склеп из обожженного кирпича, а в нем — останки человека в истлевшем офицерском мундире. Так окончательно определилось: Чокан Валиханов похоронен именно здесь — у подножия горы Матай, в трех километрах от аула Шанханай Талды-Курганской области.

Вот какому камню, оказывается, поклонялись мусульмане! Под ним покоился прах человека, который всю жизнь страстно боролся за освобождение людей от духовного гнета религии и писал в одном из своих писем о мусульманском пророке: «Я с Мухаммедом состою в личной вражде!»

На могиле по решению правительства Казахской ССР установили обелиск из красного гранита. Поднявшись по гранитным ступеням, можно вблизи рассмотреть бронзовый барельеф — профиль Чокана Валиханова. А плиту бережно сохранили, расположили рядом. В столетнюю годовщину кончины Валиханова, в 1965 году, здесь состоялось всенародное чествование его памяти. Прибыли гости из Алма-Аты, областных городов республики и, конечно, из родных мест Чокана — из Кустанайской области.

Паломничество к могиле Валиханова не прекратилось. Но теперь сюда приходит куда больше народу, чем раньше. И с другими целями, с другими настроениями. Приходят группами и в одиночку — постоять у обелиска, послушать время и шум горных ветров, подумать о том, как много хорошего для

людей может сделать человек, ведомый по жизни высокой идеей. Приезжают сюда не только из разных мест Казахстана и Средней Азии, но и из Киева и Свердловска, Одессы и Иркутска, Москвы и Ленинграда...

Вокруг обелиска-памятника шумят на ветру деревья, посаженные жителями колхоза имени Чокана и пионерами Майтюбинской школы-интерната, где учатся дети чабанов Кербулакского района. Школьники взяли на себя заботу о мемориале. А неподалеку от гранитного обелиска можно видеть другой, куда более скромный памятник с красной звездой и надписью: «Чокану Валиханову от коллектива ремонтных мастерских «Казсельхозтехника». Но разве он менее дорог?

Память о Чокане Валиханове живет в казахстанском крае. Об этом говорят и величественное бронзовое изваяние просветителя, высящееся на площади перед зданием Академии наук республики, и бюст Валиханова, установленный недавно на средства колхозников в колхозе, носящем его имя. Кстати, колхоз этот, бывший аул Шанханай, неузнаваемо изменился за последние десятилетия. Здесь — средняя школа с 960 учащимися, Дом культуры, две библиотеки с книжным фондом более семи тысяч томов. Колхозные стипендиаты учатся в вузах и техникумах республики и страны. Обычная жизнь, обычные цифры. Но они сразу становятся не столь обычными, если вспомнить, что речь идет об ауле, где не так уж давно не находилось человека, способного прочитать надпись на каменной плите. А плиту эту теперь люди называют «камень Чокана».

Л. ЧЕЗГАНОВ

пос. Кугалы
Талды-Курганской области
Казахской ССР

Авиньонский мост

Я строитель и много лет собираю материалы об истории и образцах строительной техники прошлого, о предрассудках, суевериях, свойственных некогда моим собратьям по древней профессии. Одну из таких историй, где тесно сплелись реальные исторические события и религиозная их обработка и вылились в благочестивую легенду о святом Бенецете, я предлагаю читателям журнала.

Ф. КАМЕНЕЦКИЙ,
инженер-проектировщик

г. Одесса

Строительство — один из мощнейших рычагов, на которые опирался человек в нелегком процессе освоения мира. Древний мир оставил нам удивительные образцы строительного гения и в то же время — обильные суеверные представления, существовавшие наряду с точным знанием. Уже в глубокой древности строителям было известно, что стойкость сооружения во многом зависит от качества его основания, то есть того слоя грунта, на который опирается нижняя часть постройки. Чтобы боги даровали ей желанную устойчивость, им приносили жертвы, на раннем этапе развития общества — человеческие. Жертвы закапывали в грунт, на него укладывался фундамент. Позднее, с ростом цивилизации их заменили изображениями. По-видимому, современные церемонии закладки первого камня в основание крупных сооружений имеют своим истоком этот обычай.

В эпоху средневековья искусство зодчества проявлялось в умении возводить своды, перекрывающие без промежуточных опор огромные залы храмовых сооружений. Секреты сводчатых перекрытий хранились за семью печатями, передавались только по наследству. Считалось даже, что человек своими силами не может разрешить такую трудную инженерную задачу. В Лотарингии, например, одного священнослужителя отлучили от церкви как еретика за то, что он построил замечательный мост: здесь, мол, не обошлось без нечистой силы... В Испании считали, что дьявол требует жертвы за свою помощь при постройке моста, поэтому первое живое существо, которое по нему пройдет, должно погибнуть. Первой по аркам испанцы обычно прогоняли черную кошку, чтобы таким образом обмануть Сатану.

Суеверные предрассудки, связанные со строительством, существовали у многих народов. В Германии в готовое здание бросали убитую собаку или петуха, иногда даже лошадь, чтобы умилостивить «дух места». Память об этом обычае сохранилась в образе деревянной головы коня на крышах многих старинных домов. Считают, что петух на башне реформатских церквей первоначально символизировал жертву, приносимую для успешного завершения стройки.

Но сохранились предания о предрассудках более жестоких. Говорили, что сводчатые стены Аргезского монастыря не хотели стоять, покуда его строитель Маноле не замешал в строительный раствор кровь собственной жены. Различные варианты этой легенды существуют в фольклорном наследии большинства европейских народов. Трансильванская баллада о каменщиках, строивших замок Девы, рассказывает следующее:

Что клали до полудня — рушилось
к ночи,
Что клали до вечера — рушилось
к утру.
Каменщики снова думают-гадают,
Как установить им стену эту прочно.
Уговор сложился между ними строгий:
Чья жена скорее подойдет с обедом,
Ту мы крепко схватим и в огонь
подбросим,
И в известку пепел нежный замешаем.
Только так не рухнет Девы замок гордый.

Подобные легенды — не только плоды фантазии, и тому имеется достаточно доказательств, например в сваях Блэкфриерского моста в Лондоне при его реконструкции были обнаружены человеческие кости.

С незапамятных времен считалось, что всякое сооружение словно бы бросает вызов природе. Люди старались, чтобы этот ущерб был как можно меньше, чтобы постройка, по возможности, не выделялась из природного окружения. Так, градостроительство в древнем Китае было тесно связано с магией.

Священнослужители предполагали, что изгибы рельефа, извилины рек, долины и холмы — это кровеносная система божеств и драконов, в силу чего неправильно расположенный дом и даже небольшая стена будто бы могли принести жителям несчастье, болезни.

Известно, что во второй половине прошлого века строительство железных дорог вызывало восстания в наиболее отсталых районах Китая. Крестьяне разрушали пути, валили телеграфные столбы, чтобы драконы не рассердились за нанесенную им «обиду».

История не донесла до нас достаточно достоверных сведений о строителях прошлого, о создателях великолепных храмов и сложных мостов, архитектурных шедевров, которые и сегодня восхищают своим величием. Мы знаем немногих их авторов. Один из них назван святым Бенецетом (то есть Бенедиктом), это предполагаемый строитель моста в Авиньоне (XII в.). О нем рассказывается такая благочестивая легенда.

По божьему велению Бенецет оставил стада, которые пас, пришел в Авиньон и объявил его жителям, что сам Христос прислал его в город для строительства моста через Рону. Сказав так, Бенецет сразу же приступил к делу и, по-видимому, пользовался помощью сверхъестественных сил, потому что мог поднимать камни такой величины, которые и 30 человек не могли тронуть с места. Этими чудесами он убедил местного епископа, мэра города и его жителей, и ему удалось набрать деньги, необходимые на расходы по строительству. Дьявол намеревался убить Бенецета, а когда это не удалось, то уничтожил одну из уже готовых опор моста. Но и это не остановило дела. По окончании строительства моста Бенецет получил от папы римского прощение грехов для жертвователей.

Эта легенда, носящая следы традиционной религиозной обработки, тем не менее отражает реальные события. При подъеме тяжестей Бенецет пользовался отнюдь не небесными силами, а техническими приспособлениями, которые суеверным жителям Авиньона показались чудесными. Дьявол, мешавший Бенецету, по-видимому, олицетворяет водную стихию, которая мешала строить мост и не раз угрожала самой жизни строителей. Такого рода преувеличения и трактовка обычных земных событий вообще характерны для легенд.

Святой Бенецет — полулегендарный герой, нет четкой уверенности в том, что именно он и был строителем моста в Авиньоне. Но можно полагать, что это он основал в 1189 году монашеский орден мостовых братьев, которые давали обет защищать путешественников, давать им приют у переправ через реки, безвозмездно строить и содержать мосты. Монахи этого ордена носили белые одеяния с вышитыми на них крестом и мостом. Вскоре орден мостовых братьев появился и в других странах Европы.

Не так уж важно, правдива ли до конца легенда об авиньонском мосте и святом Бенецете. Эта страничка прошлого рассказывает о суеверных представлениях и смелых инженерных решениях в технике тех времен. Религиозные фантазии, как им и положено, отлетели, мосты же, храмы, величественные архитектурные шедевры продолжают жить своей земной жизнью.

И. Рагаускас
Фото С. Шимкуса

ЛЮБИВШИЙ ЖИЗНЬ И ЛЮДЕЙ

Сигизмундас ШИМКУС

На улицах Вильнюса цвели липы, звучали прекрасные мелодии. Было начало августа, и в городе проходил праздник песни. Я шел в больницу к Рагаускасу.

Когда стало известно, что операция уже не в состоянии помочь — болезнь зашла слишком далеко, перед медиками встала проблема: сказать ли ему о его критическом положении. Они колебались. Однако, зная удивительное самообладание И. Рагаускаса, его ответственность перед своим делом, перед близкими, решили диагноз не скрывать. Так начался последний год его жизни, полный для нас тревоги и боли, ожидания чуда и угасающей надежды...

Каждый день своих иссякающих месяцев Рагаускас, если мог, писал. Газета «Тиеса» начала печатать отрывки из только что написанной книги, публиковались новые статьи. Его навещали друзья, знакомые. Он радовался дружбе, но сочувствие отклонял. Всегда доброжелательный, улыбчивый, он был искренне и по-настоящему заинтересован в людях, в текущей вокруг жизни.

Я пришел к нему со свежими впечатлениями от праздника песни. Рагаускас расспрашивал обо всем, что происходило за стенами больницы.

— Хочу жить, но болезнь непобедима... Мне хотелось бы...

Ионас достал из тумбочки исписанный лист и протянул мне:

«В первичную партийную организацию общества «Знание» Литовской ССР от Рагаускаса Ионаса Антано, род. 23.VIII. 1907 г., прож. в Вильнюсе.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Вот уже лет двадцать, как я считаю идеологию Коммунистической партии и осуществляемую ею политику своей. Однако, не желая определенной части нашего общества дать повод обвинить меня в карьеризме, я до сих пор не решался просить принять меня членом партии.

Сейчас, когда моя жизнь близится к концу, мое величайшее желание все оставшиеся силы свои отдать осуществлению Программы Коммунистической партии и в то же время ясно показать общественности, что мое материалистическое мировоззрение и коммунистическая идеология остаются до смерти твердыми и неизменными. Поэтому прошу принять меня в Коммунистическую партию Советского Союза. С Уставом партии знаком, полностью его одобряю и обещаю честно соблюдать его.

И. РАГАУСКАС

Вильнюс, 1 августа 1967 г.

Мы оба очень были взволнованы, долго беседовали о жизни, о призвании и долге.

— Пусть те, кто клеветал на меня и надеялся, что я в трудный час растеряюсь, — медленно произнес Рагаускас, — еще раз узнают, что, порвав с церковью, я шел и иду по верному пути...

Поколение, к которому принадлежал Ионас Рагаускас, пережило сложные десятилетия. Очевидец первой мировой войны, участник второй, несравненно более страшной. Фашистская оккупация, массовые убийства ни в чем не повинных людей явились великим испытанием для всех, и в особенности для мыслящих честных людей, считавших себя в ответе за судьбу Родины, искавших свое настоящее место среди событий и потрясений того сложного периода.

Многие литовские интеллигенты сразу, а иные не без долгих раздумий и колебаний начали со своим народом строить социализм. Решиться на это сразу после войны, когда в республике еще свирепствовали националистические банды, когда шла ожесточенная классовая борьба, было нелегко. Отошедшему от религии ксендзу, осмелившемуся открыто заявить о своем принятии Советской власти, коммунистической идеологии, грозила месть реакционеров. Но Рагаускас не испугался. Его отличала редкая нетерпимость ко всякому злу и несправедливости. Он пришел в ряды строителей новой жизни с открытым сердцем, работал, не жалея сил, и никогда не сомневался в правильности своего выбора. Он не гнался за выгодой, жил скромно, целиком ушел в нескончаемую работу исследователя религии и писателя.

«Тринадцать лет пробыв священнослужителем, — писал Рагаускас в 1948 году, — я испытываю неотложную внутреннюю потребность заявить, что, разочаровавшись в христианской философии, я разочаровался также и в роли церкви в социальной жизни... Духовенство... не в состоянии понять многие важные события времени, а при осуществлении социальных реформ обычно занимает враждебную позицию. Это особенно ощутимо сегодня у нас в Литве, где из-за реакционности духовенства проливается немало крови».

Рагаускаса, сделавшего выбор и ставшего на новый путь, мучила неизвестность. Как оценят и примут его, пережившего душевный перелом, поверят ли в искренность те, к кому он пришел. Кроме того, он понимал, что ему всегда будут сопутствовать ненависть и месть отцов церкви... «Я размышлял, — говорил он, — ограничатся ли они только психологическим террором, не прибегнут ли к кровавому, ибо церковь безжалостна, когда дело касается ее «авторитета», о чем свидетельствуют не только деяния «святой инквизиции».

Защитники интересов католической церкви обычно любят упрекать отрекшихся священников в том, что от сутаны и целибата они отказываются ради женщины. И о Рагаускасе говорили, что он отошел от религии отнюдь не в поисках истины. Это, конечно же, неправда. Однако Рагаускас всегда говорил, что причины его ухода из лона церкви не только мировоззренческие, но и нравственные. Ненавидя лицемерие, он писал в своем обращении к епископу Палтарокасу, что закон о безбрачии католических священнослужителей «не что иное, как негуманное средство церкви превратить священника в бездомного человека — человека без собственной частной жизни, в полную собственность церкви. О том, насколько это сред-

ство важно для церкви, свидетельствует ее непреклонное упорство в отношении упомянутого закона; церковь предпочитает проявлять терпимость к низкому нравственному уровню духовенства и его лицемерию, нежели отменить закон о безбрачии. Так данная установка церкви навязывает большинству священнослужителей недостойную роль тартюфов».

Итак, мосты с прошлым были сожжены, началась новая жизнь. «Немедленно, — рассказывал Рагаускас, — взялся я за литературную работу. В Издательстве художественной литературы сотрудничал в качестве переводчика, начал заниматься в вечернем университете марксизма-ленинизма, нашел постоянную, интересную для себя, хотя и низко оплачиваемую работу в Республиканской библиотеке в Каунасе. Углублял знания, так как собирался включиться в научную деятельность и в откровенный диалог с верующими, хотелось отработать за тринадцать потраченных впустую лет».

Первые встречи Рагаускаса с широкой аудиторией состоялись в 1949 году в Каунасе. Первую его книгу читатели увидели в 1950 году. Все большую славу приобретали его публицистика и ораторский талант. Вскоре пришло заслуженное признание. В 1960 году книга «Ступайте, месса окончена!» была отмечена Республиканской премией, писатель был желанным гостем в любом коллективе.

Не найти в Литве города или городка, где Рагаускас не выступал бы, не читал лекций. Он любил общаться с молодежью, никогда не избегал встреч и дискуссий с людьми чуждых ему убеждений.

Он привлек к себе внимание и интерес широкой общественности, ей импонировал, а у религиозных фанатиков вызывал бешеную ненависть. С неиссякаемым терпением, вниманием он выслушивал обращавшихся к нему верующих — разъяснял им научную и жизненную правду. А от «святой» организации, как он говаривал, и от ее членов хотел лишь одного — чтобы перестали клеветать на него.

Велико было число тех, кто с ним переписывался. Писали друзья и противники, и он, не жалея времени, одним отвечал в своих лекциях, статьях, книгах, другим — письмами. Иногда при встрече он показывал полученные письма или даже читал отрывки из них, утверждая, что каждое такое послание дружеское или полное желчи, поощряет его продолжать работу. «Когда ко мне обращаются, я чувствую, что нужен», — улыбался он, просматривая ежедневную стопку своей почты.

Вот непривычной к письму рукой выведены строчки: «Уважаемый, очень правильно поступили. Вы красивый человек. Создайте красивую семью и живите счастливо». Или записка, полученная после лекции: «Мы хотим поблагодарить и просим простить за некоторые неуместные вопросы, которые были заданы. Ваши слова справедливы, и, возможно, в будущем появится гораздо больше людей, которые по достоинству оценят вашу искренность».

Мать шестерых детей, А. Киселяускене писала Рагаускасу: «Взглянув на подпись, вы, возможно, не вспомните, кто вам пишет, тем более что это письмо должны были бы получить минимум два года назад. Тогда, в час безграничного горя после смерти моей дочурки Гражинуте, я обратилась к вам за утешением и дождалась его. Ваше письмо явилось для меня поистине утоляющим боль лекарством...»

Многие люди, слушавшие Рагаускаса или читавшие его книги, обращались за советом, делились переживаниями и радостями. Писатель отвечал на такие корреспонденции дружески, внимательно, а противникам терпеливо разъяснял свои взгляды, свою жизненную позицию.

И снова с раннего утра допоздна стучала в его комнате пишущая машинка. А за окном цвели и плодоносили посаженные его руками яблони.

При последней нашей встрече он признался, что если бы болезнь отступила, то написал бы самую лучшую свою книгу.

— Просто удивляет и радует, что у меня так много настоящих друзей, с частью которых я даже не знаком. Когда в трудностях неожиданно сталкиваешься с добротой, обращенной на тебя, в благодарность хочется бороться, работать. Столько пережив, нашел бы еще о чем рассказать людям.

И он писал, писал, а когда уже не мог держать перо, диктовал...

Несколько лет назад журнал уже рассказывал о том, как в одной из литовских школ проводили диспут «Что такое счастье?». Ученики готовились, читали книги, репетировали. И ждали, что им напишет Рагаускас. Человек, бесстрашно искавший и нашедший путь к правде, не побоявшийся угроз, «божьей кары» за атеистические убеждения. Писатель нашел время и силы ответить ребятам на их письмо:

«Человеческое счастье в жизни. Умереть никому не хочется. Все мы хотим жить, и жить как можно дольше.

Порой люди не понимают, какое это счастье — жить. Не понимают в силу ряда причин. Прежде всего, пока жизнь не находится под угрозой, человек попросту не ценит ее. Жизнь—это, видите ли, как воздух: пока его достаточно, мы его даже не замечаем, не представляем, как много он для нас значит. То же и с жизнью: стоит очутиться на пороге смерти, как человек обнаруживает, какое великое дело — жизнь.

С другой стороны, когда человеку начинает не хватать самого необходимого: пищи, крова, платья, здоровья, жизнь становится для него мукой, хотя и в этом случае он не утрачивает желания жить и предпочитает все же жить, а не умереть.

На протяжении веков трудовой народ угнетали богачи, правящие классы, и люди, не в силах добиться счастливой доли на земле, стали мечтать о какой-то иной жизни, о фантастическом, потустороннем мире, где им с лихвой воздастся за муки, перенесенные здесь, на земле.

Царство небесное — это утешение, вымышленное страдальцами, пытавшимися найти объяснение тяжелой жизни. Однако даже самые ярые приверженцы религии отнюдь не рвутся покинуть землю и поскорее попасть на небо: смерти страшатся и они, и они тоже хотят жить, предпочитая существовать на грешной земле, нежели блаженствовать в царствии небесном. По большим праздникам верующие, так же как и атеисты, желают своим близким и самим себе долгих лет жизни, доброго здоровья, хотя, чтобы быть последовательными, они должны были бы желать друг другу «кратких лет жизни», то есть скорейшей кончины и обретения «вечного блаженства».

Наконец, даже и сами верующие не сумели придумать для человека иного счастья в потустороннем мире, чем жизнь. Ведь счастье небесное мыслится ими не иначе, как «жизнь вечная».

Разве это не доказывает нам еще раз, что у человека нет большего представления о счастье, чем жизнь?».

Перевела с литовского
Р. МАЛХАНОВА

омандировка в этот тихий зеленый городок затянулась. Жил я в гостинице, обедал чаще всего в рабочей столовой. Здесь во второй половине дня было почти безлюдно.

И на этот раз в столовой кроме меня был только один посетитель. Он сидел в углу и, откинувшись на спинку стула, сосредоточенно рассматривал висевшую на стене копию картины Шишкина «Рожь». Мне был виден его профиль. Темные волосы и дремучая борода — редкость в те годы — подчеркивали бледность лица. Через плечо перекинута лямка солдатской кирзовой сумки. На стул брошены ватник и шапка.

Он показался мне знакомым. Я где-то уже видел это лицо с плотно сжатыми губами, крупным носом, характерным рисунком бровей. Я пересел поближе и тоже стал рассматривать картину.

— Что, нравится? — нерешительно начал я.

Он быстро повернулся и неожиданно молодым голосом охотно ответил:

— Как живая! Списана прямо с наших полей.

И тут мы оба поняли, что знаем друг друга.

— Где же мы с вами встречались? — спросил я.

— Значит, не узнали, — загадочно улыбаясь, ответил он.— Я-то хорошо вас помню,— и он твердо назвал меня по имени. — Мы встречались... Помните Алексея Угрихина?

Да, это был Алексей Угрихин, проповедник истинно православных христиан.

Следователь Михаил Васильевич, мой старый товарищ, рассказывал мне об этом религиозном течении. Его проповедники, ссылаясь на Евангелие, утверждали, что наступил век антихриста, за ним незамедлительно последуют второе пришествие Христа и конец света. Значит, учили они, надо спасать душу, отречься от всего земного — общества, труда, даже семьи. «Юноши» (так назывались и парни и девушки — приверженцы ИПХ) должны были прославлять бога и спасать верующих от «сетей антихриста».

Я не поверил, что молодежь может так глубоко уйти в религию. Мне казалось, что вера — прибежище людей преклонного возраста. Я был уверен, что стоит убедительно поговорить с ними, показать, что они заблуждаются, и все встанет на свои места.

Тут-то Михаил Васильевич и предложил мне попробовать переубедить молодого проповедника Алексея Угрихина, следствие по делу которого было уже закончено. Сказал, что Угрихин руководил несколькими группами «юношей», проповедовал наступление конца света, сам укрывался от службы в армии и призывал к этому других.

В первый раз откровенной беседы не получилось. 20-летний парень держался настороженно. На все мои вопросы относительно его убеждений отвечал заученными евангельскими изречениями. Трудно было понять, что у него на уме. Случайно я обнаружил одно важное обстоятельство — Угрихин совершенно не знал жизни, очень смутно представлял себе, чем живут люди в нашей стране.

И я решил изменить тактику — не трогать религиозных убеждений, а рассказать ему о жизни, о людях. На следующий день я принес иллюстрированные журналы. Угрихин оказался весьма любознательным, особенно внимательно разглядывал он цветные фотографии. Постепенно его отчужденность начала таять. Я было решил, что нашел к нему дорожку.

Но, видно, поспешил с выводом: стоило мне в конце дня вновь заговорить о «юношах», как Угрихин сразу же замкнулся.

К сожалению, наше знакомство тогда быстро оборвалось.

И вот мы снова встретились. Только теперь передо мной сидел совершенно другой человек. В нем не было замкнутости и высокомерия. Видно, понесенное наказание заставило его крепко призадуматься о жизни, о ее путях-дорогах. Угрихин рассказал, что в этот город приехал повидать брата. Ничем пока не занят.

Из столовой вышли вместе. Темнело. Порывисто дул холодный осенний ветер, зло бросаясь каплями дождя и мокрого снега. Мы остановились, подставив ветру спины, закурили. Угрихин неумело затянулся.

— Как видите, я уже не тот, что был прежде. — Левой рукой машинально погладил бороду, потом зажал ее в кулаке и невесело пошутил: — Эх, борода, борода, куда тебя деть, и сам не знаю!

Ветер пронизывал насквозь, стоять было холодно.

— Идемте-ка со мной в гостиницу, — предложил я. Он тотчас согласился.

Когда шли мимо маленькой уютной парикмахерской, я заметил:

— Борода делает вас похожим на старика, а ведь вам и тридцати нет, сбрейте ее.

Угрихин растерянно улыбнулся.

— Да уж, наверное, придется... Свое отслужила. — И он нерешительно открыл дверь в парикмахерскую.

Без бороды он оказался молодым красивым парнем.

Одного вечера для нашей беседы не хватило. Алексей остался жить со мной в номере гостиницы до конца моей командировки.

Поздний вечер. Мой собеседник сидит у стола, низко опустив голову. Настольная лампа освещает листки бумаги и кисть его руки — тонкую с синими прожилками. Когда он рассказывает, я невольно наблюдаю за рукой: пальцы то сжимаются в кулак, то нервно стучат по столу. Говорит негромко, и когда воспоминания бывают тягостными, голос становится глуше.

Многое из того, о чем он рассказывает, мне уже известно, но я слушаю его с большим вниманием, слушаю исповедь заблудившегося в жизни человека и стараюсь как можно полнее записать все, что он говорит.

При работе над книгой некоторых участников описываемых событий мы назвали вымышленными именами. Думаем, не стоит напоминать им о заблуждениях молодости. Сейчас они живут полноценной жизнью, честно трудятся.

ПОТЕРЯННАЯ

ДЕТСТВО

Дом, в котором я вырос, ничем не отличался от других домов Каменки. Разве только тем, что стоял последним. Село наше — небольшое и неприметное. Таких, наверное, тысячи разбросаны по равнинам и косогорам русской земли. Сразу за огородами начинались бескрайние поля. Но принадлежали они колхозу. У нас же был только огород, прилепившийся ко двору. Мне казалось, что наша семья какая-то ненастоящая, не как другие. И, действительно, мы были единственными единоличниками.

Родители в прошлые годы жили обеспеченно, имели даже собственную мельницу. Правда, батраков не держали, управлялись сами. Отец и мать были глубоко верующими. Новую, советскую жизнь приняли настороженно, в колхоз вступать не стали. Отец занялся отхожим промыслом и дома жил мало. Работая на строительстве в Москве, упал с лесов и сильно разбился. Ему назначили пенсию по инвалидности. Когда немного поправился, стал прислуживать в церкви псаломщиком.

Мать воспитывала нас, пятерых детей, в строгом родительском повиновении и с малых лет донимала постами и молитвами.

В школу ходил я с охотой. Учился успешно, любил пение, музыку, играл на балалайке, гармошке. Но особенно увлекался рисованием. Делал рисунки для школьной газеты, однажды меня попросили оформить колхозную газету. В школе гордились мной, звали «наш художник».

В детстве у меня были друзья. До седьмого класса за одной партой со мной сидел Сема Волков. Отец его погиб на границе, когда Семе было три года. Тетя Оля — мать Семы, еще молодая, добрая, приветливая женщина, частенько прихварывала. Он рано стал помогать матери по хозяйству. Летом они вместе работали на колхозном поле. Когда бы я к ним ни пришел, Сема был занят домашними делами: что-то ремонтировал или ухаживал за скотиной.

Он любил машины, охотно крутился среди слесарей-ремонтников. Умел управлять трактором, знал все их марки.

На Лену Судакову я обратил внимание еще в шестом классе. Бойкая, смешливая, две косички с бантиками вразлет, тоненькая и драчливая.

Нас с ней выбрали в редколлегию школьной стенгазеты. Ее редактором — она хорошо писала сочинения, я рисовал. И мы стали друзьями.

Помню, как мы, семиклассники, мечтали о будущем, спорили: кто кем будет. Ребята чуть не все собирались стать летчиками или танкистами. Сема, по своей скромности, говорил, что пойдет в трактористы. Лена хотела стать учительницей. Обо мне речь не шла, все знали мою склонность к рисованию, но я все же спросил у Лены:

— Кем бы ты хотела, чтобы я стал?

— Тоже учителем! — неожиданно выпалила она и покраснела.

Смутился в свою очередь и я. Ребята дружно засмеялись, они знали о нашей дружбе.

Подошло время, когда ребята из нашего класса стали вступать в комсомол. Предложили и мне, но я ответил, что немного подожду. А Семе признался по-честному: запрещают родители, отец в церкви служит, мать верующая. В подтверждение показал Семе зашитый в ворот рубахи нательный крестик. Я стеснялся носить его на шее, и когда шел в школу, прятал в карман. Мать заметила это и зашила крест в рубаху.

В наш дом часто захаживал священник отец Афиноген. Отец и мать чтили этого путавшегося в длинной рясе божьего стража. Сидя за столом, он жадно и быстро ел, отчего борода его все время бойко двигалась. Насытившись, он сразу успокаивался, переставал трясти бородой и непременно приступал к назиданию. Отвалившись от стола к стенке, начинал рассматривать избу. Взгляд его останавливался на наших школьных тетрадках и книжках, сложенных стопками на окне. Рассматривал ребят, почему-то неодобрительно задерживал свой взгляд на мне. Вдруг поворачивался к отцу и в упор строго спрашивал:

— Для чего родителю даны богом два глаза?

Мы уж знали, сейчас Афиноген скажет: «Левым оком родитель должен непрестанно зрить, чему учат в школе дите — не безбожию ли и богохулию?» Потом сделает паузу и еще торжественнее произнесет: «Правым оком родитель должен зорко бдить, как дите воспитуется духовно!»

— Ду-у-хо-ов-но! — подчеркивал он.

Отец почему-то виновато моргал. Мать тяжко вздыхала. Мы, дети, стайкой жались к печке, чувствуя, что упрек этот относится и к нам. А в чем мы виноваты — понять не могли.

Афиногеновы внушения не остались без последствия. Старшую сестру Анну после пяти классов в школу не пустили.

— Хватит, — рассудила мать, — чтобы читать Псалтырь, большей грамоты не нужно.

Время было трудное, о многом не хочется и вспоминать. Однако я продолжал учиться. И только когда кончил седьмой класс, родители запретили мне ходить в школу.

— Будешь со мной плотничать, — сурово сказал отец.

Учительница Анна Васильевна пришла к нам домой, пыталась выяснить, почему родители не пускают меня на занятия. Я от стыда убежал в огород.

Отец на все ее вопросы не ответил ни слова, головы не повернул. Мои друзья — Лена Судакова и Сема Волков пытались вернуть меня в школу, и тоже безуспешно.

Единственное, что скрашивало мою жизнь — это работа. Я начал с отцом плотничать и сразу увлекся ремеслом. Школу обходил — боялся встретить учителей и знакомых ребят. Иногда хотелось увидеть Лену или Сему Волкова, но мне казалось, что они не захотят говорить со мной.

ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА

Все свободное время я сидел дома и отводил душу — играл на балалайке. Но веселые переборы почему-то беспокоили мать. Она выхватывала мою отраду из рук, заставляла молиться богу с какими-то набожными старушками, которые заходили со святого колодца, что в четырех километрах от села. Дом наш стоял на пути к колодцу, и, видно, поэтому у нас постоянно толклась богомольная братия. У большинства заходивших в руках были бидончики со святой водой, — считалось, что она исцеляет от «дурного глаза», от всех болезней.

Одна из богомолок по фамилии Дубова стала особенно частой гостьей. Ей было за сорок. Эта женщина с длинным, хитрым лицом приходила не одна, с собой приводила трех-четырех бездомных теток, которыми властно распоряжалась. Скоро в нашем доме Дубова стала вести себя полноправной хозяйкой: по своему усмотрению оставляла богомолок на ночлег, угощала их ужином, устраивала моления, которые зачастую продолжались до глубокой ночи. Время от времени Дубова выходила на улицу и проверяла, не наблюдает ли кто за домом, плотней закрывала ставни, о чем-то шепталась с матерью. В переднем углу заметно прибавилось икон, и теперь уже не одна лампадка, а три неугасимых горели днем и ночью.

Однажды после моления, когда дома были все члены нашей семьи, Дубова объявила, что будет проводить с нами душеспасительную беседу. Мы покорно приготовились слушать.

Эта довольно резкая и грубая в обращении женщина завела мокрые от слез глаза и неожиданно жалобным голосом закричала:

— Возлюбленные во Христе братья и сестры! Все мы ожидаем пришествия на землю господа Иисуса Христа, но все ли мы готовы встретить его?

Она стала перечислять наказания, которые грозили грешникам, забывшим о грядущей кончине мира. По ее словам получалось, что буквально на днях наступит конец света и все, кто не исповедует истинного православия, попадут в ад:

— Вступайте в истинное православие! Божьего суда никто не минует! — закричала она.

Большая черная тень Дубовой тревожно металась по избе. На сердце было тоскливо и жутко. Мать вдруг заголосила, сестры заплакали...

МОЛОДОСТЬ

И. ВИТКОВСКИЙ, М. ВИТКОВСКАЯ

В следующий раз Дубова поведала нам, что вера истинно православных христиан тайная, моления они совершают по домам, в церковь православную не ходят. Руководят ими старцы-апостолы, живущие «скрытно от властей — в подземельях».

Старцы, мол, знают день и час страшного суда, ибо истина эта «была возвещена во время сна через глас архангела, спустившегося с неба». Дорога к этим старцам в подземелье открыта только одной ей, Дубовой, и никому другому доступа туда нет. Тут же она вкрадчиво добавила:

— Хотя старцы — суть апостолы божьи, но живут они во плоти и питаются не едиными молитвами, а и хлебушком насущным с маслицем. Да и одежонка им нужна — прикрыть бренные тела. И деньжата на разную потребу, само собой, не помешают...

Спустя неделю она снова пришла и сообщила, что уведомила некоего старца Василия о нашей богомольной семье и привезла от него благословение. В подтверждение своих слов передала записку: «Подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо сказываю вам, многие поищут войти и не возмогут».

Эта записка укрепила нашу веру в существование тайных старцев. Не прошло и месяца, как Дубова принесла новое письмо и, таинственно передавая его отцу (но так, чтобы мы видели), сказала:

— Брат Егорий, прими с благоговением вещее послание старца, оно написано для укрепления вашей семьи в истинно православной вере.

Дрожащими руками развернул отец вчетверо сложенные листочки и углубился в чтение. Прочитав их, тяжело поднялся со скамьи и позвал всю семью на молитву. Лицо его выражало тревогу и озабоченность. В предчувствии чего-то необычайного мы молились долго и проникновенно.

Письмо, написанное по старинной орфографии, с ятями, начиналось с обращения:

«Добрый день, здравого спасения, возлюбленные братья и сестры во Христе! Низко я вам кланяюсь и приветствую святым лобзанием любви и желаю вам доброго здра-

вия и душам вашим спасения, а на продолжающиеся дни скорби великое терпение и в деле вашего спасения вразумление...»

Затем шел текст под заголовком «Беседа в разных вопросах к сомневающимся на пути спасения». Старец писал, что он наставляет верующих на путь истинный не по своей личной воле: «И не мыслите, что якобы мы сами от себя организовали общины верующих христиан. Нет, это все было предусмотрено свыше. Господь посетил нас гласом архангельским, в чем мы были убеждены, вразумлены и укреплены и воздвигнуты из среды братьев, како пастыри...»

Пять неграмотно написанных от руки листков из школьной тетради произвели на нас ошеломляющее впечатление. Это был документ, в котором приводились выдержки из Евангелия, — разве можно было в чем-то сомневаться? Подписи не было, но мы понимали, что так нужно для сохранения тайны.

Старец пугал скорым концом света и предупреждал, чтобы мы спасались от «сетей лукавого», то есть не работали в колхозе и на производстве, не голосовали на выборах, не служили в армии. Грех, писал он, жениться и выходить замуж. «Но горе и погибель, — читали дальше в письме, — ждет тех, кто не внемлет его гласу. Господь обречет место наказания нечестивых, выберет с того места своих и гнев свой изольет на род нечестивый».

Письмо свое старец заканчивал так: «...И услышал я голос с неба, говорящий — напиши...»

Мы полностью приняли все эти наставления и стали ревностно их выполнять. С этого времени в нашем доме начались перемены.

Встав на путь истинный, отец отказался от пенсии по инвалидности, мы перестали работать на колхозной мельнице. Брат Виктор и младшие сестры Катя и Варя бросили школу. Всем нам родители строго-настрого запретили ходить «на улицу», то есть в клуб, кино, всюду, где собиралась молодежь. На каждом шагу мы слышали: грех, грех, грех. Были забыты детские игры, смех и шалости. Все заполняли молитвы и посты. Молились всей семьей в день по несколько раз, причем настойчиво, с тяжкими вздохами раскаяния, как будто мы были самыми страшными грешниками. Размашисто осеняли себя крестом, опускались на колени, лбом доставали пол. Поклоны били, именно били, и старались делать это упорно, до изнеможения.

Не прошло и двух лет, как у нас не стало коровы, овец, пришлось продать новый сруб для дома — все это ушло «сирым и нагим, страждущим на ниве божьей» и на потребу самому старцу, который оказался весьма прожорливым.

ДОБРОВОЛЬНОЕ ЗАТОЧЕНИЕ

Наступило мое совершеннолетие. Надо было вставать на воинский учет и проходить допризывную подготовку. Я терзался сомнениями: с одной стороны, не смел нарушить наставления старца, с другой — страшился уголовной ответственности.

Но все мои сомнения разрешились просто: святой старец прислал мне письмо. Потребовал, чтобы я отказался от службы в армии и скрылся в тайник. Сидя в затворничестве, изучил бы твердо законы божьи и подготовил себя «на подвиг подать руку потерявшим бога».

Получив такое письмо, я ходил окрыленный. Счел себя избранником божьим, все повторял понравившуюся мне фразу: «Иду на подвиг! На подвиг за святую веру!» Хотя не имел ясного представления о том, какой подвиг должен буду совершить.

Вместе с отцом и братом в чулане нашего дома мы оборудовали яму-тайник, в стене пропилили лаз, выходивший в сени и закрытый обоями.

Около двух лет я прятался в земляной яме. Отрастил длинные волосы, совсем одичал, читал религиозные книги — «Сказание о чудотворной иконе Иверской божьей матери», жития святых. О том, что происходит на воле, ничего не знал.

От многих тысяч поклонов на моих ладонях образовались большие сухие мозоли, назывались они странно — курсипки. Я ими гордился: они были признаком усердия в молитвах и наглядно подтверждали мою принадлежность к истинно православным христианам. Такие мозоли, как я позднее убедился, были у многих моих единоверцев.

С особым усердием я постился. Постов было много: четыре основных длительных, каждую неделю среда и пятница — всего более двухсот пятидесяти дней в году.

Вспоминается наш старенький дом. На потемневшей от времени двери нарисован мелом крест, на окнах кресты помельче — знак того, что здесь живут истинно православные христиане. Ни цветов на окнах, ни занавесок. Всюду, и во дворе и в доме, — бедность, запустение. Отец, мать, сестры, повесив на дверь замок, вот уже скоро сутки, как ушли молиться на святой колодец.

Чтобы скоротать время, брожу, как тень, по пустому

дому, будто что-то потерял, ищу и не найду. Схватил на подоконнике осколок зеркала, поднес к лицу и увидел испуганные, с большими зрачками, воспаленные глаза. Лицо высохшее, как у старичка, с желтым, заострившимся носом. Взлохмаченная копна волос на голове. Похож на лесовика — чудище, которым пугали в детстве.

Хотелось громко закричать или горько заплакать. Эх, бросить бы все, выбежать на улицу, к людям, к моим сверстникам, радоваться солнцу, голубому небу, в отчаянии думал я, стоя у окна. К горлу подступила горечь. Схватился за грудь, почувствовал в ладони нательный крестик. Это вернуло к действительности, сразу же обожгла мысль: «Что я делаю? Грешу в помыслах? Ведь в руках у меня крест!».

— Да, я несу крест! У меня свой путь. Людей надо бояться, защитник мой — один господь бог! — шепчу в исступлении.

Привычно наблюдаю в окно за улицей и вижу, что по направлению к нашему дому идет незнакомый человек. За мной! Сердце сразу замерло, внутри все похолодело.

Дрожащими руками поднимаю край обоев, лезу через отверстие, затем прыгаю в подпол и ползком, на коленях, ищу вход в тайник.

Над головой, как крышка гроба, захлопнулся люк, все погрузилось в липкую, беспросветную темноту. Сердце готово разорваться. Дыхание спирает. В голове бьется одна мысль: «Конец, всему конец!» От страха стучу зубами и, закрещивая мелкими крестиками грудь, повторяю без конца: «Господи Иисусе Христе, спаси мя грешного, господи, господи...»

Сжавшись в комок, сижу в земляной яме, подперев голову обеими руками, острые локти больно давят на колени. Долго прислушиваюсь, что происходит там, наверху. Шепчу, как заклинание, молитву «Живые помощи» в надежде, что она спасет меня от всех бед, и снова, до звона в ушах, слушаю мертвую тишину.

Мимо нашего дома проходили по селу мои сверстники и весело, под гармошку пели частушки.

Мне казалось, я узнавал голоса запевал, и от этого еще горше становилось на душе. Как крот, прятался я в свою черную яму. И только ночью, когда все затихало, выходил во двор подышать чистым воздухом. В хорошую погоду небо было иссиня-темное, высокое. Я, как завороженный, подолгу смотрел на далекие звезды — ангельские лампадки — и думал: «Скоро ли свершатся евангельские предначертания, затрубят в трубы архангелы и достойных возьмут живыми на небо?» Мысленно я ставил себя в ряд достойных и готов был немедля переселиться на небеса. Без такой надежды было бы невозможно все вынести.

Летом, договорившись с родными, мы, молодые, все чаще стали делать вылазки из дома на святой колодец. Здесь можно было встретить молодых парней и девушек из других сел.

В воскресные дни у колодца собиралось человек до пятидесяти, и я, предварительно убедившись в том, что кругом все свои, встаю поближе к кресту и начинаю петь вместе с другими верующими. Рядом со мной пристраивались брат Виктор и сестры, мы звонкими молодыми голосами слаженно пели псалмы и молитвы. Верующие плотным кольцом обступали нас...

— И откуда взялись такие молоденькие? А поют-то, поют чисто ангельскими голосами, — не стесняясь нас, льстиво говорили богомолки и совали нам в руки какую-нибудь снедь.

— Дайте хоть одним глазком посмотрю на братиков-юношей, — протискиваясь ближе к нам, шамкала древняя старушка.

Главным «чудом» был я: всех удивляли мои длинные расчесанные на прямой пробор волосы, бледное лицо и непомерная худоба. Поражались богомольцы и моим познаниям в церковной службе.

Весть о нас, «братиках и сестрах», разнеслась далеко по селам. Однажды у колодца ко мне подошли две хорошо одетые девушки и спросили, откуда я знаю столько молитв. Я ответил, что познал бога по учению старших.

— А нам сказали, что на святом колодце служат обедню двенадцать родных братьев-юношей. Чтобы посмотреть на это диво, мы отмахали пятьдесят верст пешью.

— А вас всего двое, — разочарованно протянула другая.

Я стал частым посетителем святого колодца. Теперь уже не так больно жгли руки куски хлеба, которые совали мне богомолки. Прикормившись к «святому» месту, я

окреп и с каждым днем чувствовал себя смелее. Во время молений все чаще становился впереди верующих, ближе к кресту, вел уверенно церковную службу.

Постепенно нас, молодых парней и девушек, подобралась большая группа. Старшие относились к нам уважительно. Появились знакомые, даже друзья, приходившие к колодцу из других сел.

Однажды случилось непредвиденное. Как-то утром с небольшим узелком, в котором были переписанные от руки акафисты, и с тоненьким посошком в руке спешил я к колодцу. Утро было свежее, дали прозрачные, все предвещало хорошую погоду. Дышалось легко, меня будто несло на крыльях. Тропинку, ведущую к колодцу, пересекала другая, по которой я бегал когда-то напрямки в школу. Я был занят своими мыслями и не сразу заметил, как впереди меня показалась девушка в розовом платьице, с коротко остриженными белокурыми волосами. Во всей ее фигуре, торопливой и легкой походке было что-то очень знакомое.

Я не любил встречаться с односельчанами, поэтому невольно умерил шаг. Сейчас следовало бы свернуть с тропки и бежать целиной, тем более что в этой девушке я узнал Лену, подругу школьных лет. Где-то далеко в сердце был уголок, бережно хранивший память о ней. И не было на земле человека, перед которым мне было бы так стыдно, как перед этой девушкой.

Обычно при встречах со знакомыми (когда не мог сбежать), чтобы скрыть смущение, я отчаянно крестился и, опустив голову, бормотал молитвы. Ну, а что делать сейчас? Растерявшись, остановился, как вкопанный.

И она остановилась, посмотрела в мою сторону. Потом быстро подбежала и, запыхавшись, испуганно спросила:

— Леша, это ты?

Я не мог поднять глаза, глупо сжимал в руках совсем ненужный посох. Некоторое время она, не говоря ни слова, со страхом рассматривала меня, а потом заговорила горячо, быстро, почти закричала.

— Ой, какой ужас! На кого ты стал похож? Леша, дорогой, да что же они с тобой сделали? Ведь от тебя ничего не осталось... Неужели ты так просто все зачеркнул — школу, товарищей, наши мечты, — голос дрогнул, осекся. — Забыл меня... Эх, ты! — выдохнула она с горьким упреком. — Все ждала, надеялась, что одумаешься, появишься. Так загубить свою молодость...

Ее голос больно тревожил сердце: так участливо никто со мной не разговаривал. Но что ей ответить? Передо мной едва приметными серыми ленточками бежали в разные стороны две тропки: одна к школе, другая к святому колодцу. «Две дороги, две разные жизни», — мучительно думал я.

Молчание становилось тягостным. Лена заговорила вновь. Заговорила более спокойно, уже не требовала, просила:

— Не ходи туда... Загубят тебя кресты и молитвы! Беги от них. Я помогу тебе, все помогут. Всюду нужны рабочие руки... Снова будешь учиться. Ведь в школе ты был другим... Леша, прошу, опомнись!..

Лена тихо заплакала, как плачут возле тяжелобольного, спасти которого нельзя.

Глотаю, как рыба, воздух, от стыда нет сил поднять глаза. А она, не замечая своих слез, все говорит и говорит, проникновенно, задушевно. И тут каким-то туманом заволокло мое сознание: а вдруг она «заговорит» меня, совратит с пути истинного, заставит отречься от бога? Испугавшись, как одержимый, бормочу про себя молитву за молитвой. И вдруг перестаю ее слышать и понимать...

— Леша, Леша, что с тобой? Да ты же меня не слышишь, — вскрикнула Лена.

Этот крик вывел меня из оцепенения. Я круто повернулся и бросился бежать обратно, к деревне. Бежал и, как вор, все оглядывался, не гонится ли она за мной.

Опомнился лишь дома. Меня трясло, как в лихорадке. Забрался в темный угол чулана и пролежал там до вечера: не хотелось говорить, не хотелось никого видеть.

Все мои чувства и понятия о жизни смешались. Слова Лены стучали в мозгу. Что делать? Как поступить? Какой ответ дать самому себе? Что ждет меня? А если она права?

Вечером отец позвал в избу и приказал идти в соседнюю деревню читать заупокойную. Отказаться было нельзя: от этого зависел наш скудный семейный бюджет.

Отпевал всю ночь. Садиться не полагалось. Я устал, затекли ноги. Но почему-то все время думалось — не по старухе читаю заупокойную, а по самому себе, хороню свою незадачливую молодость.

Снова потянулись дни за днями, похожие один на другой. Еще долго, куда бы я ни шел, всюду со мной в мыслях, воспоминаниях была Лена. Но проходили недели, месяцы, новые люди, встречи — все это надолго стерло из памяти дорогих моему сердцу школьных друзей.

У СТАРЦА ВАСИЛИЯ

На святом колодце в канун праздника, какого — сейчас не помню, ко мне подошла Дубова и, отозвав в сторону, таинственно сообщила:

— За твое усердие в молитвах, Алексей, тебе открыт путь в подземелье к великому старцу Василию.

Известие обрадовало меня и напугало. Признаться, я начинал уже сомневаться в существовании этих новоявленных апостолов на земле и давно хотел убедиться, есть ли они в действительности. Мое замешательство Дубова заметила и восприняла с явным удовольствием: видимо, она рассчитывала на такую реакцию. Но тут же строго предупредила:

— Смотри, Лешка, держи язык за зубами. Эту тайну никому, ни отцу, ни матери, не открывай, а ежели сболтнешь — век тебе на том свете лизать каленые сковородки.

В тот же день она подробно рассказала о возможных трудностях и опасностях, которые могут встретиться нам в предстоящей поездке. Научила, что отвечать, если спросят, кто мы и куда едем. Затем осмотрела меня со всех сторон, недовольно покачала головой и предложила подстричь длинные волосы. Я сначала было отказался.

— Убрать волосы приказал сам старец, — сердито заметила Дубова,— чтобы ты в дороге не навлек на себя подозрений и не подвел его.

В город, где жил старец, приехали утром, пойти на место сразу не решились, до вечера бродили около вокзала. С наступлением сумерек Дубова повела меня по каким-то улицам и закоулкам. Шли долго, все оглядывались и проверяли, не следит ли кто за нами.

— Пришли, — наконец сказала Дубова и осторожно постучала три раза в окно небольшого дома. Оно было занавешено, и кто-то, чуть приоткрыв шторку, долго нас разглядывал. Потом осторожно открылись двери, и мы вошли. Ждать пришлось недолго, но в эти минуты ожидания неприятно щемило сердце: кругом было темно, глухо и незнакомо. Неожиданно в приоткрывшуюся дверь зло прошипел старушечий голос:

— Входите, да поскорее!

Освещая тоненькой свечкой угол сеней, старуха показала открытый лаз. Спустившись по крутой и неудобной лестнице в темное подполье, мы пошли ощупью и уперлись в деревянную стенку. Дубова трижды постучала. Открылась узкая дверь, и мы протиснулись в небольшую комнату. От стола поднялся и шагнул к нам цыганского склада подпоясанный веревкой чернобородый мужик.

Увидев его, Дубова, как подкошенная, повалилась в ноги и, широко крестясь, тоненьким голоском пропела:

— Мир дому сему.

Я испугался и повторял за Дубовой все, что она делала. Старец неторопливо поднял нас с колен и сказал:

— С миром принимаю.

Мы троекратно, как положено, облобызались с ним, затем точно так же расцеловались с молодой женщиной, открывшей нам дверь кельи.

Дубова, видимо, не оправившись еще от испуга, представила меня старцу:

— Вот он, тот самый юноша Алексей, о котором я прежде тебе, милостивый, сказывала. Он в страхе ищет господа и желает, чтобы ты укрепил его в вере и наставил на путь истинный.

Старец стоял перед нами, широко расставив ноги, и важно поглаживал бороду.

— Пути господни неисповедимы, но час его пришествия близок, — произнес он наставительно, твердым баском и пригласил сесть.

Я несмело присел на край скамьи и осмотрелся. В небольшой комнате едва помещались столик, табуретка, скамья и кровать. Стены обиты досками и оклеены обоями. Окон нет. В переднем углу иконостас с множеством икон и зажженных лампадок. Комнату освещала яркая электрическая лампочка. «Электричество! Вот тебе и подземелье!» — подумал я и невольно вспомнил яму, в которой пришлось сидеть мне.

Старец был среднего роста, с большой во всю голову лысиной, лицо бледное, помятое, в движениях размерен и годами еще не стар — не больше пятидесяти.

Совсем еще молодая женщина — небольшого роста, полная и такая же, как и старец, бледноликая, села на кровать и стала забавлять пухленького грудного ребенка.

Начал с подробных расспросов о родителях, о том, чему я научен в жизни. Проверил, какие я знаю молитвы, что читал из божественных книг. Я быстро понял, что он хорошо осведомлен и о моих родителях, и обо мне. Беседа была просто проверкой. Мои ответы все больше и больше ему нравились. Когда же рассказал наизусть его послание «Беседа в разных вопросах», тайно переданное через Дубову моим родителям, рассказал вдохновенно, как молитву, — то окончательно растрогал старца. Довольный, он сразу обмяк и больше ничего не спрашивал. Я смиренно сидел на лавке, не зная, что делать дальше.

Он глубоко задумался и смотрел черными воспаленными глазами куда-то мимо меня. В погребе было удивительно тихо. Не верилось, что там, наверху, густо населенный людьми город. В каждой семье свои заботы, свое счастье и радости. «Но живут они, — думал я озабоченно, — в темноте и безверии, не зная того, что все они обречены на погибель: и дети и старики. Остались, может быть, считанные дни, и лишь ему, старцу, ведом день и час конца света... Но, если это скоро и надо спасать свои души, зачем тогда живет он с молодой женой да еще завел дитя малое? Зачем?» Неожиданно старец заговорил о том, что меня занимало:

— Что касаемо жены, так ты не должен сумлеваться: все совершено по закону. Я разыскал истинного батюшку, он и обвенчал нас. А потом... не тебе меня судить. Читай в Евангелии, — он сразу нашел нужное место. — Здесь сказано, что пастырь может быть мужем одной жены.

Я в страхе подумал: «Ясновидец» — и покраснел до корней волос.

— Сам архангел Михаил, указуя перстом, направил меня на путь истинный, — твердо стал вразумлять старик. — Он подвиг меня быть посредником между вами и богом.

Не поднимаясь с места, протянул руку — выключил свет. Желтые язычки лампадок пятнышками закрошились в позолоте икон. Нет, это уже не иконы, а черные лики оживших святых. Выйдя из киотов, они плотно обступили меня со всех сторон. Борода и бледное лицо старца растворились в темноте. Только глаза странно поблескивали, не мигая, в упор смотрели на меня.

— ...И другое знамение явилось на небе. Вот большой красный дракон с седьмью головами и десятью рогами, и на головах его седьм диадем, — старик говорил не переставая, глухо и монотонно. — И вот конь бледный и на нем всадник, которому имя смерть, и ад следовал за ним.

Я не мог отвести глаз от его взгляда. Непрерывное монотонное гудение старца снова напомнило мне шмеля... Огромный шмель кружит вокруг меня, мохнатые лапы касаются лица. В страхе кричу и не слышу своего голоса...

Возможно, устав с дороги, на какой-то миг я задремал, но чувствовал, и очень явственно, как от страха странно подрагивают ноги. Осторожно положил руки на колени, хотел остановить дрожь, но это не удавалось.

Старец, наверное, понял мое состояние. Положил руку мне на голову и успокаивающе сказал:

—Запомни слова мои, юноша. Сказываю тебе в назидание: без страха верить в бога нельзя. Аминь!

Он зажег свет, и все оказалось на своем месте. Напротив сидел все тот же лысый, бородатый старик и внимательно наблюдал за мной.

В дверях появилась во всем черном старенькая монашка, встречавшая нас у входа. Рассмотреть ее лицо мне не удалось: свою птичью головку она держала все время склоненной. Меня удивило ее появление: как она могла знать время, когда нужно было прийти за мной? В этом доме все было загадочно.

Старушка увела меня наверх, молча показала на стол, где был приготовлен ужин, и на постланную на полу постель. Свет не включила, оставила зажженную свечку и тихо скрылась.

Кусок хлеба, кружка домашнего кваса и две вареные картофелины оказались весьма кстати.

Рисунки Н. Усачева

«Неужели жена?» — подумал я и внимательно посмотрел на нее еще раз.

Старец, видимо, заметил, что я засмотрелся на молодицу, круто повернулся к иконостасу, размашисто закрестился и, начав читать молитву, загудел низко и глухо, как шмель. Когда моление закончилось, он, не глядя ни на кого, махнул коротко рукой:

— Оставьте нас вдвоем.

Спал я, видимо, долго и, как только старушка тронула за плечо, сразу проснулся.

И вот снова сижу в келье у старца. Мерцая, горят лампадки. Полумрак. Душная, с низким потолком, глухая комната. Ползающие по стенам уродливые тени угнетают и пугают. Я невольно вобрал голову в плечи. Старец встретил приветливо, похлопал по плечу, справился о здоровье и бодрости духа.

Опустились на колени. Я молился позади него, подчеркивая этим, что не достоин быть рядом, и наблюдал, как он, мерно покачиваясь прямым грузным телом, клал поклоны, потом, раздуваясь все больше, как басовитый самовар, загудел-запел молитвы. Затем старец, сев на лавку, стал листать Евангелие. Временами он испытывающе взглядывал на меня. Я размашисто клал поклоны. Делал это так, как учила Дубова: крестился широко, потом опускался на колени, опираясь всем телом на согнутые пальцы рук, лбом доставал пол, потом поднимался во весь рост и — снова такой же поклон. Наконец старец остановил меня, предложил сесть рядом на лавку...

После долгого раздумья заговорил. Заговорил злобно и раздражительно. В его жестких словах мало было религиозного. Он злобился на жизнь, текущую там, наверху, в которой ему не было места. Часто хватался за Евангелие, искал подтверждение своим словам у апостолов.

— Мы, истинные христиане, славим Христа, а власть идет против него. «Против» по-гречески — «анти». Сложи-ка «анти» и «Христос» — что получишь? Антихристос! Значит, Советская власть не божья, а антихриста. — Старец торжествующе постучал ногтем по Евангелию: — А в писании сказано, что перед концом света власть захватит антихрист, и будет он огонь низводить с неба на землю, железные птицы будут летать по небесам, проволокой будет опутан весь мир.

— Истинные христиане должны думать о небесном, а не о земном, — упрямо твердил старик. — Скоро наступит конец света, поэтому трудиться не надо, а все, что нажито, следует отдать ближнему, в первую очередь тому, кто денно и нощно печется о спасении душ пасомых овец.

— Грех истинному христианину участвовать в демонстрации. Что такое есть демонстрация? Вдумайся хорошенько в это богохульное слово: «демон» и «страсти». Понял? Тот, кто ходит на демонстрацию — тешит демона, ходит на его страсти, — он хитро подмигнул, довольный удачным толкованием. Подперев голову рукой и закрыв глаза, надолго задумался. Мне казалось, что он хочет сказать еще что-то важное, но не знает, как начать.

— И незадолго перед тем, как сядет одесную отца нашего сын божий,— начал, наконец, вкрадчиво старец,— пошлет ангелов своих с трубою громогласной и соберутся избранные его от четырех ветров, от края небес до края их. И будут среди них те, которые не осквернились с женами, ибо они девственники, то есть — ю н о ш и, — последнее слово он произнес громко, значительно. — В устах их нет лукавства, ибо они непорочны перед престолом божьим.

Он быстро раскрыл в нужном месте Евангелие и стал твердо водить ногтем по строчкам: «...И будет в последние дни, говорит бог, излию от духа моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут».

Он настороженно посмотрел на меня.

— Так кто же перед концом света будет спасать души заблудших от сетей антихриста?! — И тут же сам строго ответил: — Вы — ю н о ш и! Сам бог указал перстом на вас! Над нами, старшими, прошли бури и ураганы, повалили многие столпы наши, иные почили в бозе ранее времени, теперь вся наша надежда на молодых. Молодое древо гибкое, устоит супротив лихого ветра и всякой бури. Мы же, с т а р ш и е, будем вразумлять и руководить вами.

Старец медленно поднялся со скамьи и, благословляя меня, торжественно загудел нараспев:

— Преклони колена, сын мой, и сотвори крестное знамение. Свершилось указанное свыше: отныне дарую тебе право глаголить слово божие, дабы прилеплять к себе единомыслящих. И будешь ты среди паствы своей нареченным братом, старшим проповедником.

Поняв, что свершается то, чего давно в тайне ожидал, я упал к ногам старца и, как одержимый, стал громко читать молитвы.

Старец дал мне поцеловать Евангелие, трижды осенил крестным знамением, потом опустился рядом со мной на колени и, крестясь, стал бить поклоны.

— Да воскреснет бог и расточатся врази его... — горячо и громко запели мы вместе.

После моего посвящения долго сидели на скамье уставшие, притихшие.

Отдохнув, старец поднялся и стал поправлять лампадки. Тучный, в длинной рубахе, в сапогах, он был похож на простого деревенского мужика. Поглаживая черную бороду, в тяжелом раздумье постоял у иконостаса, осторожно потрогал небольшую икону Георгия Победоносца, хотел ее снять, но, видимо, раздумал. Садясь со мной на скамью, как-то нехотя повернул ко мне голову, осмотрел всего испытующе и начал спокойно, не торопясь:

— Ну что же, предреченный юноша, начинай свой подвиг во славу господа. Держи себя как помудрее. В поведенье своем подражай святым угодникам нашим, — он посмотрел на икону Георгия Победоносца. — Изгоняй от себя мирские скверны, будь целомудрен, воздерживайся в еде, не кури и не вкушай зелия. В постах и молитвах будь примером. Тогда народ узрит в тебе праведника.

Говорил он внушительно, по несколько раз повторял одно и то же, часто переспрашивал, понял ли я его.

— Начинай с самого простого, малого, — настойчиво твердил он, — дабы по неразумию своему не впасть в прегрешения, избежать ошибок. А чтобы благостно вышло, подыщи себе перво-наперво надежных помощников, пусть они подбирают людей в нашу христианскую общину. Хорошо бы из тех, кого горе постигло тяжкое,— такие податливее. Помощники подберут людей, проверят, нет ли в них лукавства. Для окончательного же укрепления их в истинной нашей вере будешь говорить с ними словом божьим сам, понял? Сам!

Наконец мудрость старца иссякла. У меня все в голове перепуталось. Надо было что-то важное спросить, выяснить, но ни одна мысль не шла на ум. Да и спрашивать опасался. Вдруг вопрос окажется по неразумию моему неподобающим? Старец как будто прочел мои мысли:

— Кстати, насчет вопросов хочу упредить тебя. Опыту жизни у тебя еще нет, а говорить слово божье придется среди разного люда, где могут быть даже инакомыслящие. Вопросы могут быть разные и отвечать на них не всегда подобает.

— Что же тогда, преподобный отец, делать? Не раскрывать уст, дабы не оскверняться? — догадался я.

— Покрыватися молчанием ни в коем разе нельзя, — отрицательно покачал головой старец, — паства поймет превратно. Скажут — старший брат, а не в курсе дела. Ведь спрашивать могут в разных целях: тебя ли проверить, али с умыслом-подвохом. Потому, если вопрос сомнительный, делай так: воззрись на небо, будто просишь ответа у всевышнего, и только потом с вразумлением скажи: «Сие одному богу ведомо» — или «Все в руках его, уповай на господа и держись пути его, и он вознесет тебя; бог поругаем не бывает, пути господни неисповедимы, бог всемогущ, как будет богу угодно...» Ну и тому подобное. А до бога-то далеко, не скоро у него спросишь! — в довольной ухмылочке, хитро, по-цыгански сверкнул черными глазами.

— Еще поговорим, сын мой, о том, како спасать себя от лукавых, то есть от властей. Хотя господь и охраняет слуг своих, день и нощь служащих ему. Но перво-наперво береги самого себя сам. Ибо сказывают: «Береженого — бог бережет», — он со вздохом перекрестился. — Бог-то он, конечно, бог... да сам не будь плох.

Старец рекомендовал носить короткие волосы, приобрести портфель или сумку военного образца, на лацканы пиджака нацепить побольше разных значков. Так, по его мнению, я буду походить на агента по заготовке.

— Неплохо бы раздобыть тебе поддельную справку на чужую фамилию, — учил старик, — так легче будет избежать задержания. Такой обман нехристей за грех не почитаем.

Связь с ним надлежало поддерживать только через Дубову, которая теперь будет у меня в подчинении. Старец сурово предупредил, что ему будет известен каждый мой шаг. На прощание трижды расцеловались.

— Ну, с богом, — сказал он, благословляя. — Поражайте лукавых словом и действием, тогда о деянии «юношей» заговорит весь православный мир!

Я оглянулся. В келье уже стояла, покорно склонив головку набок, все та же старушка.

Она увела меня в дом. Окна, как и в первый раз, были плотно занавешены. Горел электрический свет. Из закрытой спальни доносился плач ребенка. Старуха молча сунула мне в руки узелок с едой, и мы вышли во двор. Здесь она задержала меня, сама же тихо открыла калитку и долго наблюдала за прохожими на улице.

Чуть накрапывал мелкий дождь. Сгущались сумерки...

П р о д о л ж е н и е с л е д у е т

ГРАЖДАНИН ГОРОДА СОЛНЦА

Повесть о Кампанелле

Сергей ЛЬВОВ

Утром надзиратель принес Кампанелле еду, грубовато-добродушно спросил: «Жив?» Кампанелла не ответил. Сидел, вытянувшись в струну, смотрел сквозь надзирателя неподвижным, немигающим взглядом. Взгляд его был так странен, что надзиратель выставил вперед большой и указательный пальцы, верное средство от дурного глаза. Узник не обратил внимания на этот жест. Надзиратель сунул ему в руки кружку. Кампанелла не потянулся за ней, она упала и разбилась. Надзиратель дернул арестанта за плечо. Тот качнулся вперед, но едва надзирательская рука была снята с его плеча, вернулся в прежнюю застылую позу. «Отвечать не желаешь? Питьем брезгуешь?» — распаляя себя, закричал надзиратель и начал трясти Кампанеллу. Голова узника моталась из стороны в сторону, но застывшее лицо не меняло выражения. Широко раскрытые глаза по-прежнему смотрели сквозь надзирателя. Разыскав ближайшего начальника, надзиратель доложил, что проклятый монах того...

Старший надзиратель, оторванный от увлекательной партии в кости, обругал его. Но Кампанелла был своего рода достопримечательностью, даже гордостью тюрьмы. О нем и в городе постоянно расспрашивали. Позволить ему спятить? Нельзя! Старший надзиратель долго стоял, разглядывая застывшего в полной неподвижности арестанта. «Ешь!» — приказал он и поднес ложку с бобами ко рту узника. Тот ее не заметил. Кампанеллу толкали, он тут же возвращался в прежнюю позу. Дергали за руку — отпущенная, она падала вниз, как отмершая. Глаза оставались неподвижными, широко раскрытыми, немигающими. Старший надзиратель за время службы в тюрьмах нагляделся всякого. Его не удивишь. А Кампанелла удивил. Позвал тюремного лекаря. Лекарь сказал, чтобы принесли зажженный факел, и резко приблизил его к лицу Кампанеллы. Кампанелла не шелохнулся. Лекарь пожал плечами. Чтобы человек не отшатнулся от огня, такого он еще не видывал.

К исходу дня новость узнал комендант. Только этого не хватало! Мало ему неприятностей из-за Кампанеллы. Теперь, когда не сегодня-завтра он освободится наконец от этой заботы, упрямец, изволите видеть, сошел с ума! Пришлось докладывать трибуналу.

Судьи сначала отнеслись к неожиданному известию спокойно. Решил прикинуться безумцем. Такой простой уловки они от него, признаться, не ожидали. Не хотел говорить? Заговорит. Справимся и с этим! И как можно скорее. В Неаполь в ближайшие дни должно прибыть из Рима важное духовное лицо — епископ Термоли, известный богослов, один из столпов святой службы. Он должен окончательно уличить Кампанеллу в ереси. Преступления Кампанеллы против испанской короны доказаны, Кампанелла-еретик разоблачен не до конца.

Опасная игра продолжалась не день, не два — недели и месяцы. Чтобы на самом деле не сойти с ума, Кампанелла сочинял стихи.

Сонет о безумном мудреце и мудром безумце. Я свободен, и я же связан, я воплю и молчу, мертвым глазам этого презренного мира я кажусь безумцем, в глазах божественной мудрости я мудрец; тело мое истерзано, но душа моя спокойна, и если тяжкий груз порой пригибает меня к земле, мои крылья возносят меня над нею. Нет ничего легче, чем груз, который несешь добровольно. Образ любимой запечатлен на моем челе. Я встречу ее там, где меня поймут без слов. Возлюбленная этого сонета — и вожделенная женщина, и вожделенная свобода.

Однажды Кампанелла услышал из соседней камеры знакомый голос, окликавший его. Он вслушался. Новым соседом оказался Пьетро Понцио — верный друг, восторженный поклонник поэзии Кампанеллы. Кампанелла не удержался. Когда Пьетро спросил его о здоровье, ответил: «Благодарение богу!». Пьетро спросил, пишет ли он еще стихи, и Кампанелла пылко ответил, что пишет и будет писать.

В камере Кампанеллы было приспособление, известное в седой древности. Если в стену вделать полую трубку, голос, звучащий в одном помещении, прекрасно слышен в другом, даже отдаленном. Каждое слово его разговора с Пьетро было записано протоколистами. Птицы ловчие перехитрили птицу певчую. Через несколько дней был записан еще один разговор Кампанеллы с другом. Итак, притворщик уличен. Дело за малым — его нужно заставить самого признаться в обмане. Не захочет — заставим!

Перерыв в заседаниях трибунала все еще не кончился. Ждали епископа Термоли. Кампанелла продолжал изображать безумие. Теперь он вдруг начал стремительно бегать по камере, от стенки к стенке, громко выкрикивать невнятные слова. Порывистая беготня и бессмысленные восклицания, которые внезапно переходят в неподвижность и молчание, похожи на поведение безумца. А ему сама возможность пометаться по камере, покричать давала передышку.

В трибунале столкнулись два стремления: судьи, назначенные вице-королем, стремились закончить дело поскорее. Заговор доказан. Чего тянуть? Судьи, представлявшие церковь, спешить не хотели. Главное, чтобы изобличение и наказание еретиков было суровым уроком всем, кто идет по их стопам.

Епископ Термоли, бывший генеральный комиссарий римской инквизиции, прислан в Неаполь с большими полномочиями. «Новая метла чисто метет». Начались бесконечные пов-

Окончание. См. № 1, 2, 3.

торные допросы. Длинные протоколы заполнились новыми противоречивыми показаниями. Епископ Термоли засадил писарей делать извлечения из протоколов, составлять сводки показаний, данных в разное время одним и тем же лицом, приказал особо выписать все, что говорили обвиняемые о Кампанелле и что говорил тот сам.

Долгой была эта проволочка. Кампанелла начал играть роль безумца весной, а на решающий допрос его повели лишь в середине лета. Кампанелла шел разутый. Нагретые июльским солнцем каменные плиты тюремного двора обжигали босые подошвы. Это еще не ожог! — подумал Кампанелла. Он знал, что ждет его на этом допросе.

Допрос начался с потрясения. В епископе Термоли Кампанелла узнал Альберто Трагальоло, бывшего генерального комиссария римской святой службы, самого опасного из тех судей, которые занимались его делом в Риме. Не узнавать! Никоим образом не выдать себя! Увещевание? Пропустим мимо ушей. Но что это? У Кампанеллы упало сердце. Кампанелле прочли запись его разговоров с Пьетро Понцио. Тяжкий удар! Как он мог так себя выдать! Но отступления нет. Кампанелла выслушал все, что сказали судьи с блуждающей улыбкой на лице. Его спросили, понял ли он, что последует за этим. Кампанелла ничего не ответил.

Альберто Трагальоло вдруг показалось, что узник действительно сошел с ума. Он еще не встречал человека, который мог бы выслушать то, что выслушал этот узник, с таким отрешенным лицом. Епископ Термоли не может позволить сомнениям поколебать себя. Он знает свой долг перед богом, перед церковью, перед ее святой службой. Не подействовало увещевание, не вразумила угроза — пытать! Пытка была долгой, но ничего не дала суду. На дыбе Кампанелла стонал и кричал. Но любой безумец, если он не из камня, будет кричать на дыбе. Но среди криков, стонов, обрывков молитв, невнятных стихов, проклятий, не было того, что требовали, что выпытывали судьи. Кампанелла не признался, что безумие его притворно.

— В него вселился дьявол! — с раздражением сказал епископ. Впервые бывший комиссарий инквизиции, епископ, надеявшийся вскоре получить кардинальскую шапку, растерялся.

Кампанеллу опять оставили в покое. Первые дни он пребывал в немыслимом напряжении. Ждал, что за ним придут. Не приходили. Лекарю приказали подлечить Кампанеллу.

Постепенно изувеченные руки заживали, утихала боль в вывихнутых и грубо вправленных палачами суставах. А за ним все не приходили. Если он будет думать только о допросах, он действительно сойдет с ума. Но жить в бездействии он не может. А роль безумца почти не требует от него усилий. Он должен продолжать свои труды.

У него и прежде никогда не было своего дома — только монастырские кельи. Он никогда не был богат. Теперь у него не было ничего. Совсем ничего, кроме грубой и рваной одежды. Изредка его кормили досыта. Чаще держали впроголодь. Он привык к подобным превратностям и не вникал в их причины. Чего ему не хватало — это книг. Мысль о книгах мучила его сильнее голода. Ему представлялись тяжелые фолианты — сколько их осталось в монастырских библиотеках, о скольких он думал — это я еще успею прочитать! Теперь уж не успеет. Он вспоминал, как пахнут книги, воспоминание щемило душу.

Но что горевать! Ведь и прочитал он немало. И то, что прочитал однажды, запомнил навсегда. Этого у него никто не отнимет. Этого он не забудет. А может быть, уже забыл? Столько нужно каждый день помнить, столько взвешивать, столько остерегаться! Не вытеснили ли мысли о том, как отвечать, что сказать, как промолчать, память о книгах? Тогда он погиб. Тогда действительно лишился разума. Тогда он мертв. Кампанелла стал проверять себя. Осторожно, придирчиво. Вначале строками, потом страницами. Нет, не забыл! Помнит! Многое слово в слово. Невидимые тома раскрывались перед ним в полутемной камере, незримые страницы вставали перед его глазами. Он видел написанные или напечатанные строки, заметки на полях, записи, сделанные в тетрадях. Тетрадей ему не возвращают. Книг не дают. Слепцы! Разве можно отнять у него тетради с выписками и прочитанные книги. Они с ним. В его памяти. Всегда. И сейчас. Кто сказал, что писать можно только чернилами на бумаге? Писать можно щепкой, гвоздем, собственной кровью. Писать можно мысленно. Обдумывая слово за словом, складывай из них строку, повторяя, оттискивая в памяти; сделал шаг, иди дальше. Ненужное, лишнее само отпадает. То, что останется, то запомнится. В рукопись, написанную в уме, отпечатанную в собственной памяти, никто не заглянет. И в библиотеку чужих великих книг, которую хранит твой ум, встанут книги, сочиненные тобой. Пиши! Пиши свою невидимую книгу.

Когда человек близок к смерти, пора подумать о завещании. Не о близких — обо всем роде человеческом думал узник. Он мечтает о благой жизни для всех калабрийцев, для всех итальянцев, для всего человечества! Он откроет людям, какой должна быть прекрасной, справедливой жизнь.

...Кампанелла был не первым и не последним философом и революционером, полагавшим, что, если разумно и понятно объяснить людям, в чем истинное благо, они поспешат к этому благу. И некому было сказать Кампанелле, что одними доводами разума мир не переделаешь...

Давно решено: когда он заговорит об этом совершенном мире, он обратит свой взор к Солнцу — славнейшему и величайшему из небесных светил. Оно дарует людям свет и тепло. Оно рассеивает мрак ночи и тьму предрассудков. Оно пробуждает зерно к росту. Оно освещает путь. Его завещание будет называться «Город Солнца». Спокойнее! Спокойнее! Спокойнее! Слишком часто он давал увлечь себя страстям. Он должен быть спокойным и умудренным. Философом, не проповедником. Философствовать — значит учиться умирать, говорили древние. Нет, философствовать — значит учиться жить. И учить жить. Жить в государстве разума и справедливости — в Городе Солнца.

В своем будущем завещании он будет сдержан и спокоен. Он добьется того, чтобы его мысль была прозрачной и ясной. Как изложить ее? Лучше всего в форме диалога. Объяснять что-нибудь проще всего, когда мысленно представляешь себе простодушного собеседника. Ты отвечаешь ему, рассеиваешь его недоумение, говоришь с ним, как учитель с учеником. Итак, это будет диалог. Решено!

Не стоит говорить: вот таким-то будет государство, чтобы граждане его были счастливы. Слишком много проповедей слышали люди о грядущем блаженстве. Надо рассказать о своей мечте, как о чем-то, что уже есть. Где? Земной шар велик. Он поместит свое государство около экватора. А рассказывать о нем будет мореход, только что вернувшийся из плавания.

Было великой отрадой представлять себе страницы будущей книги и возникающий на них сказочный город. Солнечный свет, который озарит Город Солнца, проникал в мрачную камеру Кампанеллы, разгонял тьму, наполнял силой его измученную душу. В самый первый день нового, 1601 года Альберто Трагальоло, мечтавший, что процесс над калабрийскими мятежниками и еретиками возвысит его в римской курии, внезапно скончался. Торжественна была заупокойная месса. Колокольный звон и печальное пение хора возносились к небесам. У Кампанеллы не было причин печалиться о смерти старого знакомца. Но кто сменит Трагальоло и что будет означать эта перемена? Прежде всего — новую проволочку. Это плохо, его измотала неопределенность. Это хорошо, он мог продвинуться дальше в обдумывании будущего трактата о Городе Солнца. Тем более что со смертью епископа Термоли надзор над ним снова ослабел.

«Бумагу, перо, чернила!» — стремительно ответил Кампанелла, когда друзьям удалось найти тюремщика, согласного передать ему самое необходимое. Рука, которой он держал перо, дрожала. С чего начать?

Кампанелла решил записать несколько важнейших мыслей. Фундамент постройки, давно возведенной в уме. Он не знает, будет ли у него время, достанет ли сил возвести ее до конца, но краеугольные камни должны быть положены. Твердо. Прочно. Навеки.

Гражданам государства Города Солнца удивительно, что в иных странах, пишет Кампанелла, мастеров считают неблагородными, а благородными считают тех, кто ничего не умеет делать, живет праздно и держит множество слуг для своей праздности и распутства. Разве справедливо, что одни люди занимаются только ремеслами, а другие — только науками? В Городе Солнца занятия науками и ремеслами являются общими для всех — для мужчин и для женщин. Кампанелла подумал о том, что эти строки особенно поразят читателей: где это видано, чтобы женщина занималась науками? У людей слишком короткая память! Они забыли об ученых женщинах древности, о славной Гипатии например! Кампанелла представил себе женщин на виноградниках и огородах, их старость, наступающую к тридцати годам. «Наиболее тяжелые ремесла и загородные работы исполняются мужчинами так: пахота, сев, сбор плодов, молотьба, да и сбор винограда». Женщинам можно поручить тканье, прядение, шитье, изготовление лекарств.

Рисунки Е. Соколова

Чем прочно и почему богато государство соляриев — Город Солнца? Тем, что его граждане всякую нужную работу считают почетной и не стыдятся ее. Рабов, развращающих нравы, у них нет; они в полной мере обслуживают себя.

В Городе Солнца, писал Кампанелла, и от этих простых слов у него чаще билось сердце, обязанности, художества, труды и работы распределяются между всеми... Как прекрасно поставить рядом эти слова: **обязанности, художества, труды.** Если трудятся все, трудятся на совесть, то каждому приходится работать не больше четырех часов в день! Что же делать людям с тем свободным временем, что останется у них от обязательных дел? Остальное время, писал он, проводится в приятных занятиях науками (что может быть приятнее, чем заниматься науками!), собеседовании, чтении, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей. Все делается радостно. Это важно! Разве не встречал он людей, которые беседуют через силу и книги читают нехотя. Нет, в Городе Солнца все делается радостно. Он и сам трудился сейчас радостно.

Но тут работа обдумывания, записывания, оттачивания мыслей и слова — несказанное наслаждение! — была прервана.

Процесс возобновился и принял новый оборот. На место покойного епископа Термоли в трибунал был назначен епископ Казерты. Его преосвященство изволил заметить:

— Я не дам уморить себя этим процессом. Пора заканчивать! Все упирается в мнимое безумие Кампанеллы? Надо окончательно уличить его!

Уличить должна новая пытка. Пока Кампанелла наслаждался воображаемым путешествием по площадям и улицам Города Солнца, для него подбирали устройство, которое окончательно сломит его волю.

Воображение европейцев, побывавших на Востоке, поразила казнь, которую они повидали, — посажение на кол. Она влекла за собой смерть, долгую и необыкновенно мучительную. Посажение на кол служило на Востоке для умерщвления. Этого инквизиции не требуется. Опытные механики по приказу инквизиции усовершенствовали восточное изобретение. Придумали систему блоков, которые поддерживают пытаемого и позволяют то чуть приподнимать, то чуть спускать тело, насаженное на кол. Опыт позволил рассчитать, сколько времени держать пытаемого на колу, чтобы он не умер преждевременно. Изобретение, заимствованное на Востоке, было соединено с принудительным бодрствованием, от которого у человека мешаются мысли и слабеет воля. Впрочем, на колу не заснешь! От прежней пытки взяли ее мирное название «велья» — «бодрствование».

Когда Кампанеллу привели в застенок, все судьи были в сборе. На председательском месте вместо Трагальоло сидел епископ Казерты, немолодой, тучный, добродушный человек. Он посмотрел на приведенного с любопытством. А Кампанелла уже понял, что его ждет. Хитроумное устройство — заостренный, блестящий, словно отполированный кол, блоки и веревки, главный палач, хлопотавший подле гнусной машины, не оставляли сомнения. Тело узника пронзила ледяная боль предчувствия. Не вырваться, не убежать, не уйти. Даже голову не разбить о стену.

Далее все шло по-заведенному. Его увещевали. Вначале спокойно, потом угрожающе. Он продолжал играть роль безумного, не отвечал вовсе или отвечал невпопад. Судьи приказали палачу начать пытку. Кампанеллу раздели догола. Истерзанное, исхудавшее тело покрылось гусиной кожей озноба.

Скрип блоков, стоны, кровь. Вопрос: «Признаешься?» Приказания: «Признавайся!» Крики пытаемого, они дословно записываются протоколистами, хотя в этих криках нельзя уловить смысла: это обрывки молитв, странные заклинания. Голос епископа: «Продолжать!» Скрип блоков, еще более громкие стоны, тяжелое дыхание палача, кровь...

— Отвратительное зрелище, — сказал один из судей шепотом, наклонившись к другому.

Тот пожал плечами.

— Сам виноват. Вольно ему упорствовать...

Судьи поочередно выходили на воздух передохнуть, подышать. Утомленного палача сменил другой. Кампанелла терял сознание. Его окатывали водой, разжав стиснутые зубы, вливали ему в рот подкрепляющее питье.

— Можно продолжать! — весь день слышал Кампанелла. Смеркалось. В застенке зажгли факелы. Наступила ночь. «Бодрствование» продолжалось...

«Велья» длилась много часов подряд. Кампанелла, исте-

кая кровью, не сказал ни одного слова, которое звучало бы разумно, и не признался в том, что притворяется безумным. Мысленно он твердил себе: «Выжить, выдержать!» Вспоминая эти часы, Кампанелла впоследствии написал: «В течение сорока часов я был вздернут на дыбу с вывернутыми руками, и веревки рассекали мне тело до костей, и острый кол пожирал, и сверлил, и раздирал мне зад, и пил мою кровь, чтобы вынудить меня произнести перед судьями одно только слово, а я не пожелал его сказать, доказав, что воля моя свободна».

Но время, когда Кампанелла напишет об этом, впереди, а пока что он повис на веревках, голова его поникла. Тюремный лекарь, набравшись духу, доложил их преподобиям — продолжение пытки означает неминуемую смерть допрашиваемого.

Кампанеллу снова окатили водой, притащили в камеру и бросили на койку. Он впал в беспамятство. Теперь ему не нужно было придумывать бреда. Сжигающий жар сам подсказывал бессмысленные слова. Лекарь бился, пытаясь остановить кровотечение. Ему приказали сделать так, чтобы Кампанелла выжил. Легко сказать! Он отгонял от себя опасные мысли о тех, кто вначале двое суток убивал его пациента, а теперь требует, чтобы он спас беднягу.

Не вырвав у Кампанеллы признания, что он симулирует безумие, трибунал запросил мнение авторитетнейших врачей. Заключение светил было уклончивым. Вероятно, симуляция. Образованный узник, осведомленный о душевных болезнях, допустил ошибку: в состоянии, которое он изображает, присутствуют признаки известных душевных болезней, которые, однако, вместе не встречаются. Но возможно, что он действительно болен. Заключения их недостаточно, чтобы окончательно изобличить человека, который не выдал себя, пытаемый «вельей». Самой малости не хватает судьям, чтобы отправить узника на костер! Досадно!

Процесс отложили. А Кампанелла угасал. Ему не нужно больше изображать безразличие и неподвижность. У него нет сил ни говорить, ни двигаться. Истерзанное тело с трудом принимало пищу. Он пребывал в забытьи. Лекарь полагал, что забытье это каждый день может перейти в сон, от которого нет пробуждения. Кампанелла был настолько беспомощен и настолько необходим судьям, что они разрешили допустить к нему других узников, чтобы они ухаживали за ним. Первые дни Кампанелла не замечал, что он в камере не один. Потом заметил. Но отвечал новым соседям туманно, сбивчиво. Помнил историю разговора с Пьетро Понцио, записанного подосланными писарями.

Прошло несколько дней, и все узнали: Кампанелла пришел в себя. Просит бумагу, перо, чернила! И опять сквозь решетки и запоры Кампанелла получает единственное, что ему необходимо сейчас. Он не хочет умереть, не закончив своего завещания. Такой радости он врагам не доставит.

...В жизни Кампанеллы много удивительного. Но, быть может, самое удивительное — время после допроса, на котором он едва не погиб. Оно становится временем упорной работы над «Городом Солнца»...

Чтобы соларии равно уважали все ремесла и науки, размышляет Кампанелла, их нужно приучать к этому смолоду. Едва дети начинают ходить и говорить, их передают опытным воспитателям. Те занимаются с ними, играя, учат их азбуке, показывая им картины, чередуют занятия грамотой с прогулками и телесными упражнениями, учат их истории и языкам, естественным наукам, а когда дети подрастают — ремеслам. В Городе Солнца учение в почете. Там сами стены города служат ему. Искусными художниками изображены деревья, растения, птицы, животные, математические фигуры, карты Земли, ремесла и их орудия и показано, как этими орудиями пользуются разные народы.

Исхудавший от страданий, серый от потери крови, Кампанелла мечтает о юных соляриях, развитием которых так озабочены в Городе Солнца, где заниматься — удовольствие. Что позволяет соляриям так уважать все труды, необходимые для общего блага, все ремесла и науки, не завидовать друг другу, мудро воспитывать детей? В Городе Солнца нет частной собственности. Это она порождает неравенство и все беды. «Община, — пишет Кампанелла, объясняя суть устройства Города Солнца, — делает всех одновременно и богатыми и вместе с тем бедными: богатыми — потому что у них есть все, бедными — потому что у них нет никакой собственности; и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им!» Кампанелла всю жизнь стремился приобретать знания и никогда не старался приобрести вещи. Он не представлял себе, как бесконечно трудно убедить людей не хотеть своего, даже если они будут владеть всем необходимым. Как сделать, чтобы себялюбие не возникло в людях? Откуда у людей такая привязанность к собственному? Он рассуждал так: собственность образуется у нас потому, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен и детей. Кампанелла никогда не имел ни дома, ни жены, ни детей. Ему казалось, нет ничего проще, чем посоветовать всем отказаться от собственного жилища, жены, детей. Он простодушно писал: «...у соляриев жены общи и в деле услужения, и в отношении ложа...». Затем он стал рассуждать о том, как государство, сообразуясь с наукой, подбирает мужчин и женщин, заботясь, чтобы будущие дети унаследовали от них наилучшие качества: «Производство потомства имеет в виду интересы государства, а интересы частных лиц — лишь постольку, поскольку они являются частями государства; а так как частные лица по большей части и дурно производят потомство и дурно его воспитывают на гибель государства, то священная обязанность наблюдения за этим, как за первой основой государственного благосостояния, вверяется заботам должностных лиц, и ручаться за надежность этого может только община, а не частные лица».

Что может быть справедливее и разумнее этих мыслей, думал Кампанелла. Философ не подозревал, что века спустя тех, кто начнет строить новое общество, будут попрекать, утверждая, что у них жены общие, как к тому призывал еще Кампанелла.

Проходили дни, недели, месяцы. Процесс, о котором уже говорили как о чем-то вечном, все продолжался.

Неожиданно случилось то, что считалось невозможным. Двое обвиняемых по калабрийскому процессу исчезли из Кастель Нуово — один рядовой заговорщик и Дионисий — правая рука Кампанеллы.

Кастель Нуово после побега преобразилась. Караулы были усилены. Заключенные посмеивались — какой смысл в усиленных караулах теперь! Несколько тюремщиков, прозевавших побег, сами превратились в заключенных. Арестанты припомнили им каждый пинок, каждую зуботычину. В городских трущобах шли обыски. Судам в гавани было запрещено сниматься со стоянки, трюмы обыскивали в поисках беглецов. Когда стало ясно, что Дионисия и его спутника не разыскать, замять побег не удалось. О нем уведомили Рим и Мадрид. Пренеприятнейшая для неаполитанских властей переписка шла несколько месяцев.

Еще одно рождество, еще один новый год встретил Кампанелла в тюрьме. Он постепенно поправлялся. Только по ночам часто вскакивал от одного и того же страшного сна — ему виделся последний допрос и казалось, что он признался. Губы не хотели произносить тех слов, что требовали от него, но слова сами вырывались из его уст.

Задыхаясь, он просыпался на своем жалком ложе. Теперь, когда «Город Солнца» был вчерне завершен, он снова начал сочинять стихи. Его часто мучила мысль: почему, когда начали хватать заговорщиков, народ, ради которого все было задумано, не пришел им на помощь? Если бы они могли рассчитывать не только на фуорушити, но на всех калабрийских крестьян и горожан, все было бы иначе. Народ не стал спасать тех, кто хотел помочь ему. Когда их скованных, избитых, израненных гнали через калабрийские деревни и города, раздавались проклятия. Многие в народе поверили тому, что говорили о заговорщиках. Как это понять?

Невеселые мысли подсказали Кампанелле один из самых горьких его сонетов.

Огромный пестрый зверь — простой народ.
Своих не зная сил, беспрекословно,
Знай, тянет гири, тащит камни, бревна —
Его же мальчик слабенький ведет.

Один удар — и мальчик упадет,
Но робок зверь, он служит полюбовно, —
А сам как страшен тем, кто суесловно
Его морочит, мысли в нем гнетет!

Как не дивиться! Сам себя он мучит
Войной, тюрьмой, за грош себя казнит,
А этот грош король же и получит.

Под небом все ему принадлежит, —
Ему же невдомек. А коль научит
Его иной, так им же и убит.

Народ надо просветить, объяснить ему, какой должна быть истинно счастливая жизнь, каким должно быть истинно праведное государство. О чем бы ни размышлял Кампанелла, он возвращался к «Городу Солнца».

Кончалась первая неделя нового, 1603 года. Его вызвали в трибунал, чтобы огласить приговор. На лицах судей удовлетворение. Они свое дело сделали. Окончательное решение вынесла святая служба в Риме. Оно одобрено папой. Им вы-

пала честь огласить решение высочайшей инстанции. Пытки, которые выдержал Кампанелла, не признав себя притворщиком, приговор оставлял без внимания. Вопрос о его безумии обходился молчанием. Зато все, что можно было обратить против Кампанеллы, было сведено воедино. Уличенный в ереси брат Томмазо, по прозванию Кампанелла, приговаривался к пожизненному заключению «безо всякой надежды на свободу».

«Пожизненно» — отозвалось эхом под сводами зала и тяжелым камнем обрушилось на душу Кампанеллы. Приговор оглашен. Но судьи чего-то ждут. Чего? Что осужденный нарушит свое молчание? Будет благодарить судей, что ему сохранили жизнь? Будет молить о милости? Пожизненно — это не лучше смерти. Кампанелла ничего не сказал. Он молчал, когда его уводили, так же как молчал, когда его привели сюда. Судьи расходились со странным чувством. Им недоставало полного удовлетворения, которое испытываешь, завершив долгий и праведный труд. Один из них заметил, что Кампанелла легко отделался. Был бы жив епископ Термоли, гореть еретику на костре. Другой сказал, что в мягкости приговора— неизреченная мудрость и доброта его святейшества папы. Верным слугам церкви не подобает обсуждать то, что решено в Ватикане.

Томмазо Кампанелла, осужденный государственный преступник и еретик, возвращен в камеру. Через несколько месяцев ему исполняется тридцать лет. В тюрьмах он в общей сложности провел шесть лет. Все оставшиеся годы, — а кто знает, сколько их осталось? — ему предстоит быть узником. Некоторые считают — ему посчастливилось. Мог умереть в застенке. Мог быть приговорен к смерти. Мог сойти с ума. Воздай хвалу милосердному богу, что этого не случилось! Сражение во имя свободы своего края, а потом всей Италии он проиграл. О жертвах страшно думать. Их много. Он не может помочь им. Не может доказать, что все было не напрасно. Мысли об этом мучают его днем, не оставляют ночью. Что дальше? Он не в силах больше притворяться безумным. Да и какой в этом смысл? Однако и сразу отказаться от тягостной роли опасно. Приговор подразумевал, что дело о заговоре завершенным не считается — Кампанеллу могут в любой момент вновь потребовать к ответу и ничто не помешает вице-королю добиться смертного приговора.

Когда читали приговор, Кампанелла едва слышал секретаря. На минуты он словно глохнул. Только теперь, в камере, у него в сознании стали всплывать слова приговора. От него ничего не зависит. Что может сделать человек в запертой карете, если кучер пьян, а лошади понесли? Такую карету напоминал ему мир, в котором он живет. Так что же может этот человек? Ему остается одно — сохранять достоинство. Может быть, лошади не разнесут карету, может быть, кучер протрезвеет. Может быть, карета не рухнет в пропасть.

Нелегко устремляться мыслью к сложнейшим проблемам философии, возноситься воображением в мир небесных светил тому, кто еще помнит, как корчился на колу. Трудно забыть, что его пожизненный удел — тюремная камера. До конца жизни — толстые стены, двери на запоре, глазок в дверях, решетка на окне. Он глядит на бумагу, держит перо, а мысли его снова в застенке и перед мысленным взором — судьи, протоколисты, палачи. Картина пострашнее Дантова ада. Он может судить об этом — он бывал в земном аду! Видения эти мучают его, терзают, душат ночами. Днем он должен их победить, он может их победить, он их побеждает. Философствовать — значит учиться умирать, говорили древние. Но почему же умирать? Чем больше размышляет он над тем, как устроена Вселенная, тем больше верит, что смерти нет. Жизнь каждого человека связана с жизнями других существ, со всей природой. Разве мы помним, что были когда-то хлебом, из которого произошла наша кровь? А прежде того мы были травой, из которой родился хлеб! Окружающие нас вещи, которые составляют физический мир, постоянно изменяются и превращаются друг в друга.

С чем сравнить это? Кампанелле пришло на ум сравнение, точнее не придумаешь! Как типографский шрифт постоянно употребляется для набора новых страниц и постоянно рассыпается снова на буквы, так все существующее в телесной оболочке подвергается превращениям. Не думай о смерти, что она —только конец. Смерть одного служит зарождению многих, и из многих смертей рождаются и новая вещь и новое тело. Бессмертие в том, что жизнь едина. В человеческом теле хлеб умирает и оживает вновь, превратившись в человеческую кровь, а кровь становится плотью и жизненным духом. Так многочисленные страдания, наслаждения жизни и смерти создают жизнь нашего тела. Нам предшествует не одна жизнь одного организма, нас породившего, а поток жизней. И, умирая, мы оживаем в этом потоке. Поток жизни бесконечен! В нем сливаются бессчетные жизни и смерти, все эти превращения составляют жизнь мира. Ничто не умирает. Бог, каким его представлял себе Кампанелла, не позволяет умереть тому, чему он однажды дал бытие! Надо додумать эту мысль до конца — она великое утешение. Кажется, он снова пришел к ереси? Он не может жить, не размышляя, а размышления неизбежно приводят мыслителя к тому, что принято считать ересью.

...И потянулись бесконечные годы. Кампанеллу то держали в общей камере, то в одиночке, свидания с ним то разрешали, то запрещали. Дипломатическая игра между Римом и Мадридом, едва уловимые веяния при дворе вице-короля — все это отражалось на судьбе узника.

Друзья попытались устроить ему побег — сорвалось! Тогда его перевели в худшую из неаполитанских тюрем — Замок святого Эльма. Тут камера немногим лучше, чем «яма для крокодилов». Окна нет. Подстилка из гнилой соломы. Три шага в ширину. Пять шагов в длину. Он провел здесь бесконечно долгий срок.

Жил на свете мальчик Джованни. Любил смотреть на небо, следить за облаками, наблюдать за пчелами, муравьями и звездами. Жил на свете любознательный подросток, сосредоточенно внимавший наставнику. Покинул он отчий дом, разрываемый желанием повидать мир и тоской по тому, что покидает. Жил на свете послушник, потом молодой монах, брат Томмазо, дал обет служения богу, отрекся от мира, сосредоточился на постижении высоких истин, был терзаем жаждой знаний. Не мог забыть мира, из которого ушел. Страницы книг не заслонили покинутой жизни. Размышления о тайнах мироздания соединились в пытливом уме с тревожными мыслями о неустройстве земной жизни. О бедах родного края. Италии. Всего мира.

А теперь пять шагов в длину — мокрая осклизлая стена. Три шага в ширину — мокрая осклизлая стена. Склепы и то просторнее! На ногах цепи. Но горстка мозга продолжает жить, думать, даже мечтать. А живая душа живет. Ученый забывает, что он узник, и размышляет над смыслом вещей. Поэт складывает в уме стихи. В каменном мешке Замка святого Эльма Кампанелла получил перо и бумагу. Чье сердце он тронул? Кого привлек на свою сторону? Кто бы он ни был, этот неведомый человек, он заслужил вечную благодарность потомков...

Горит в темной камере крохотный язычок пламени над светильником. Слабого дуновения достаточно, чтобы задуть его. Но все-таки горит! Но все-таки светит! Великая отрада глядеть на этот живой огонек. Еще большая — писать при нем.

Невозможно перечислить все, что написал Кампанелла в Замке святого Эльма. Прежде всего — письма о собственной судьбе. Он хотел добиться оправдания и освобождения. Потом принялся за большие трактаты «Испанская монархия» и «Монархия Мессии».

...С этими сочинениями связано то, что позднейшие времена назовут загадкой Кампанеллы, его парадоксом. Действительно, они и загадочны и парадоксальны. Кампанелла красноречиво доказывал, что он не враг, а приверженец испанской монархии, и упорно развивал свои взгляды, которые в главном остались неизменными. Они выражали его мечту о политическом перевороте, о социальных преобразованиях не только в Калабрии, Неаполитанском королевстве, Италии, но и во всей Европе, а затем и во всем мире. Опаснейшие мысли высказывает этот человек в своих политических сочинениях! Правители боятся народных восстаний? «Чтобы народ не бунтовал, — пишет он, — лучше вооружить его, чем разоружить. Тогда, если ты будешь хорошо управлять, — обращается он к правителю, — народ употребит оружие в твою пользу, а если будешь править дурно и неблагоразумно, народ, хотя бы он и не был вооружен, восстанет, и найдет себе оружие, и повернет его против тебя».

Нет, это не язык покаявшегося бунтовщика. Это язык человека, убежденного, что дело, за которое он страдает, — дело правое.

Пишет он и о своей верности церкви. Но как! Он настаивает, чтобы церковь вернулась к тем временам, когда христианство провозгласило равенство людей, бедность, нестяжательство как высшие блага. Нужно, утверждает он, «чтобы все духовенство, красное или белое, зеленое или черное, ходило в церковь босиком, и постилось, и пило простое вино, и ело мужицкий хлеб».

Друзья распространяли его сочинения в списках — некоторые из этих копий дошли до нас. А светские и церковные власти их запрещали и уничтожали.

Кампанелла заставлял себя сосредоточиться на своих мыслях, ему хотелось умственным взором объять мироздание. А иногда им овладевало страшное волнение — надо добиться свободы! Так больше нельзя! Единственное его средство — слово, единственная надежда — красноречие. Он писал письма кардиналам, молил папского нунция и апостолического комиссария в Неаполе о свидании по важнейшему делу.

Десятки писем Кампанеллы остаются без ответа. Но в Неаполе живет, не угасая, слух, что Кампанелла владеет некими важными тайнами, обладает даром предсказывать события и, как знать, может быть, умеет влиять на них. Может быть, он собирается раскрыть свой секрет?

Изумленная стража Замка святого Эльма увидела однажды перед воротами торжественную процессию. Важные духовные лица, один в черном, другой в лиловом облачении: апостолический комиссарий и папский нунций. Они восседали на холеных верховых мулах. Их сопровождала нарядная свита. Встревоженный комендант кинулся встречать высоких гостей, отвешивая земные поклоны. Ему предъявили бумагу из канцелярии вице-короля. Святым отцам надлежало безотлагательно устроить встречу с заключенным секретной камеры — Кампанеллой.

Снова узник услышал приказ:

— Выходи!

Когда-то он легко карабкался по горным склонам, теперь каждая ступенька — препятствие. Посреди лестницы показалось — сейчас упадет. Куда и зачем его ведут?

Кампанелла шел по блестящим каменным плитам парадного зала. Ржавые кандалы гремели. Каждый шаг оставлял на полу мокрый грязный след. Глаза его были полуприкрыты. Солнечный свет из окон казался непереносимо резким. Он поднял голову, разглядел высоких посетителей и, преодолевая тяжелую одышку, неожиданно звучно сказал:

— Благословен будь господь наш, Иисус Христос, и его милостивое соизволение, которое привело вас в эту юдоль страданий. Да почиет на все, святые отцы, благодать господня!

Приветствие от начала и до конца — неслыханная дерзость. Упоминание о «юдоли страданий» применительно к тюрьме непозволительно!

Нунций и комиссарий переглянулись, не найдя сразу, что ответить. Чего они ждали? Кампанелла молчал. Он не искал слов раскаяния. Просто он увидел бокалы с вином, виноградные гроздья, персики и груши. Он оторвал глаза от манящего дива и заговорил. Изможденный, обросший, оборванный человек, закованный в кандалы, без сомнения больной — дыхание его было прерывистым и тяжелым — на торжественной латыни напоминал о своих великих познаниях в разных науках, обещал принести великую пользу, если ему дадут применить эти познания на деле, намекал на ведомые ему тайны.

Папский нунций, опытный дипломат, был потрясен. Пожизненный заключенный, червь, извлеченный на свет из-под земли, говорит с ними как равный. Хотел прервать уверенную речь Кампанеллы и не смог. Она завораживала. Не отпускала. Заставляла слушать. Недаром иностранцы, приезжавшие в Неаполь, наслышаны о нем как об ученом, о великом астрологе и маге, посвященном в таинства магии. Они осведомлялись, не терпит ли Неаполитанское королевство ущерба, если такой великий ум пропадает втуне? Но папский нунций и апостолический комиссарий не дадут заворожить себя! Они решительно прерывают беседу.

Кампанелла заметил, что теряет счет дням. Потом стал сбиваться в неделях и месяцах. О времени года он мог догадаться только по тому, насколько увеличилась сырость в подземелье и как одеты надзиратели. Что остается ему? Все то же. Думать. Неотступно думать, как изменить мир. Строить, пусть мысленно, свой светлый город. Город Солнца.

Люди в Городе Солнца преданно любят свое отечество. Кампанелла заносит на клочок бумаги слова, которые непременно включит в свое сочинение о Городе Солнца, когда настанет время печатать его: «Мы изображаем наше государственное устройство не как устройство, данное богом, но как открытое посредством философских умозаключений, и исходим при этом из возможности человеческого разума, чтобы показать, что истина Евангелия соответствует природе». Рядом поставлены утверждение «не как устройство, данное богом» и ссылка на Евангелие. Само по себе это ересь! Но для него Евангелие — учение о человеческом братстве, о справедливости. И если это ересь, он от нее не отречется!

Без малого четыре года провел Кампанелла в подземной камере Замка святого Эльма.

Однажды к Кампанелле в необычный час вошли надзиратели и солдаты:

— Собирайся!

Стражники обступили его таким плотным кольцом, что он почти ничего не разглядел, только почувствовал — пахнет рыбой, солью, водорослями, значит, близко залив. Морской воздух ударял в голову, как вино. На берегу ждет многовесельная лодка. Кампанеллу грубо толкают: «Садись в середину!» Гребцы смотрят на него равнодушно. Огромные белые птицы на распахнутых крыльях парят над водой, стремительно падают вниз, чтобы схватить рыбу. Он не может отвести взгляда от искрящихся капель воды — они срываются с весел, когда гребцы поднимают их, от парусов над водой — белых и оранжевых, от высокого неба и глубокой воды. Весеннее солнце сияет над морем. Сверкает синяя вода. Дует теплый ветер. Он не солью пахнет, не водорослями, не рыбой. Он пахнет свободой! Сердце не выдержит! Разорвется.

Маленький остров. На нем тяжко громоздится крепость, устрашающе мрачная, грузная, с зубчатыми стенами, почти без окон.

— Выходи! — слышит Кампанелла приказ.

Только что было море, солнце, ветер в лицо, птица над головой. И опять — камера, тюрьма: Кастель дель Ово.

На новом месте Кампанелла занемог. Он не в подземелье, как в Замке святого Эльма, камера его не столь тесна и темна, через решетку врывается морской воздух и слышен прибой. А у него обмирало сердце и перехватывало дыхание. Неужто он так привык к своей яме?

Кампанелла с изумлением заметил в себе перемену. Что бы ни происходило с ним до сих пор, он писал стихи. О земле и о небе. О счастье, к которому стремился, и о бедах, что обрушились на него. О милых друзьях. О великой мудрости и о страшном неразумии мира. О своих надеждах.

Но здесь, в новой тюрьме, он перестал писать стихи.

Тем неистовее трудился он над научными сочинениями. Надзиратели докладывали начальству — Кампанелла пишет. Иногда написанное отбирали. Кто-то просматривал исписанные листы.

Он не знал, что в его камере скрещиваются, сталкиваются противоборствующие влияния. Вдруг Кампанелле дозволяют свидания, возвращают несколько отобранных рукописей и — о счастье! — разрешают читать. Он так растерялся, что не сразу смог сказать, какие книги ему нужны. Друзья хотят знать, что нужно Кампанелле, — он твердит о книгах. Справляются о здоровье — он просит назвать книги, которые он упустил за это время. Одержимый!

Кампанелла едва успевает раскрыть доставленные ему книги — разражается гроза. У святой службы всюду глаза и уши. Все, что происходит в Кастель дель Ово, ей известно. Вице-королю напоминают, что брат Томмазо, именуемый Кампанеллой, — нераскаявшийся еретик. Он должен нести наказание без послаблений...

У Кампанеллы отнимают недочитанные книги. К нему не пускают друзей. Он снова один. Ну что ж! Жаловаться некому. Молиться больше нет сил.

Комендант крепости Кастель дель Ово встречал знатных людей, которые говорили о Кампанелле с любопытством, а иные и с восторгом. Слава этого узника бросала лестный отсвет на коменданта Кастель дель Ово. Комендант гордился — на острове он хозяин, он казался себе владетельным синьором, а Кампанелла не столько заключенным, сколько подданным островного княжества. Подданных можно карать, а можно миловать. Иногда комендант допускал к Кампанелле посетителей. Не только из других городов — из других стран приезжали повидать Кампанеллу. Комендант видел, что с его узником говорят не как с крамольником, а как с мудрецом. И это наполняло его душу спесью. Он получал от своей снисходительности вполне ощутимые блага — среди людей, искавших встречи с Кампанеллой, многие были состоятельными — и закрывал глаза не только на то, что посетители приносили Кампанелле книги, но и на то, что они выносили из его камеры рукописи. Переписанные от руки его сочинения расходятся в эти годы по разным странам. Это великое утешение!

Шли недели, месяцы, годы... Как рассказать о времени, в котором ничего не происходит? Ничего не происходит, только уходит, утекает жизнь.

Замкнутый в тесном пространстве, лишенный впечатлений человек начинает испытывать смутное беспокойство. Оно переходит в тоску, у некоторых — в панический ужас. Иным, чтобы испытать все это, достаточно нескольких дней, другие выдерживают недели. Кампанелла провел в одиночке долгие годы. И выстоял!

Когда к нему приходили посетители, наслышанные о его истории, они предполагали увидеть человека, изнемогшего под бременем судьбы, печально склоняли головы, придавали скорбное выражение лицам.

Но ясность его ума и бодрость его духа поражали посетителей. Они поднимали головы, скорбные морщины на их лицах разглаживались, и скоро возникала обстановка ученого диспута.

Едва между ним и слушателем возникал живой ток, надзиратель напоминал посетителям, что пора уходить, общение прерывалось. Своих гостей Кампанелла чаще всего больше не видел. Ему нужны ученики. Ученики, к которым он сможет обращаться день за днем.

Кампанелла мечтал об учениках. А далеко от Неаполя жил человек, мечтавший стать его учеником.

В городе Мейссен в Германии дворянское семейство Бинау решилось отпустить в далекое путешествие молодого Рудольфа Бинау. Был он пылок и горяч, путь ему предстоял не близкий: паломничество в святую землю. Отец решил дать ему в спутники человека рассудительного и ученого, чтобы путешествие способствовало образованию молодого человека. Его выбор пал на Тобия Адами, известного своей ученостью. Адами хотел на обратном пути непременно побывать в Италии, попасть в Неаполь, повидать Кампанеллу. И когда старший пригляделся к младшему, он рассказал ему о Кампанелле. То, что тянуло Тобия Адами в Италию — желание повидать Кампанеллу, — увлекло и его подопечного. В 1613 году на обратном пути путешественники прибыли в Неаполь.

Рекомендательное письмо немецкого купца открыло дорогу к коменданту крепости. Тот разрешил путешественникам свидание с Кампанеллой. Тобий Адами и Рудольф Бинау стали бывать у Кампанеллы почти каждый день.

Так у Кампанеллы оказались постоянные и преданные слушатели — Бинау и Адами. Кампанелла спешил. Ему казалось — счастье общения внезапно отнимут у него. Ему о стольком хотелось рассказать пытливым слушателям! Кампанелла говорил горячо, стремительно. Слушатели не всегда успевали записывать за ним. Тогда он спохватывался, начинал говорить медленнее, порой диктовал. Так возникал текст его новых трудов. Главным из них должна была стать «Рациональная философия». Посетители Кампанеллы покидали его камеру, проходили по гулким коридорам; выйдя за ворота, оборачивались на крепость. Адами говорил воспитаннику:

— Ни в одном университете Европы не получили бы мы столько, сколько в камере, которую только что покинули!

Он мечтал увезти с собой рукописи Кампанеллы и издать их в Германии, открыв всем ученым Европы.

Нелегко выпустить из рук свои сочинения. Но Кампанелла верил, что Адами постарается издать его работы. Еще одно расставание. Со сколькими людьми, дорогими ему, приходилось уже проститься Кампанелле, зная, что он никогда их не увидит. Но если они увозят с собой его мысли, значит, мечта его сбылась. У него есть ученики.

...Кампанелла не ошибся в Адами. Он напечатал в Германии несколько философских трудов Кампанеллы — сборник стихов под псевдонимом и, наконец, книгу, в которую вошел «Город Солнца». Книги Кампанеллы, непечатанные и в списках, станут известными в Нидерландах и в Англии. Их прочитают во Франции и Испании. Решение Конгрегации индекса будет перечеркнуто. Кампанеллу станут переиздавать, цитировать, ссылаться на него. В письмах многих ученых того времени станет все чаще встречаться его имя. Оно сохранится в веках. Все это будет. Будет!

А пока он остается узником. И положение его опять ухудшается. Святая служба получила полный благородного негодования донос о неслыханной снисходительности коменданта Кастель дель Ово к нераскаявшемуся еретику. Кампанеллу, после шести лет, проведенных на острове, спешно вернули в Замок святого Эльма. Подземная камера, никаких книг, никаких посетителей. Надзиратели тупы и жестоки.

И снова потянулись дни, недели, месяцы, годы...

Со времени процесса калабрийцев прошло много лет. Многих противников Кампанеллы уже не было в живых. В вице-королевстве повеяло новыми веяниями. Толки об ученом, которого в Неаполе держат в подземной тюрьме на гнилой соломе, чуть ли не в цепях, что его почти уморили, —

пятно на том представлении, которое хотелось бы создать о себе и своем королевстве новому вице-королю.

Однажды Кампанелла снова слышит приказ:

— Собирайся! Выходи!

Опять подъем по крутым ступеням темной лестницы. Стражникам приходится поддерживать Кампанеллу. Он едва идет. Его вталкивают в закрытую повозку и куда-то везут. Надежды и опасения переполняют душу Кампанеллы.

И снова окрик:

— Выходи!

Кампанелла оглядывается. Он на внутреннем дворе Кастель Нуово. Все возвращается на круги своя! Он стоит во дворе, по которому его вели в застенок! Видит двери, через которые его увели на пытку. Свободные от работы заплечных дел мастера опять отдыхают в тени. Сейчас они лениво потянутся, встанут и пойдут заниматься делом. Только не это! Однако ему торжественно объявляют о милости, оказанной вице-королем. Место его заключения отныне — Кастель Нуово. Более того: ему дозволяется свободно ходить по всей крепости.

— Вас почти освободили, отец Томмазо! — благодушно говорит тюремщик, состарившийся здесь. — Надеюсь, вы не убежите!

Куда ему бежать! Он и ходит-то с трудом. Зато он может дышать воздухом, греться на солнце, разговаривать с людьми. Его почти освободили...

Кампанелла заново учился ходить и смотреть на свет. Гнал от себя сны, в которых все еще был в подземной тюрьме. Осторожно нащупывал ниточки старых, оборванных связей. Это трудно. А на воле тем временем шла своя жизнь. Менялись вице-короли. Менялись папы в Риме.

Европейская известность Кампанеллы была уже такой, что с ней Конгрегация индекса ничего не могла поделать. Его сочинения читает вся образованная Европа. В Неаполь ради свидания с ним приезжают издатели из других стран. У некоторых такие рекомендации, что власти не могут отказать им в свидании с сочинителем. Небольшая подробность, что автор все еще в тюрьме, обходится при переговорах обоюдным молчанием. Странность великого человека — он принимает своих посетителей в комнате с решетками на окнах...

Сложные отношения между Римом и Мадридом снова обострились. Между новым вице-королем герцогом Альбой и святой службой пробежала черная кошка. Герцог Альба во всеуслышание заявил, что не нуждается в предписаниях, даже если они исходят из Рима.

Кампанелла устал добиваться свободы, но не прекратил этих попыток. У него вновь появилась надежда.

Конец мая в Неаполе уже лето. Днем на дворе Кастель Нуово нестерпимо жарко. Каменные плиты источают тепло. На пустой тюремный двор выводят старого сутулого человека. Каждый шаг ему дается с трудом, он оступается. По крепости разносится весть: Кампанеллу снова уводят!

Нет, на этот раз его не уводят.

Его отпускают.

Он был приговорен к пожизненному заключению. Ему оказывают великую милость. Прошло всего двадцать семь лет, а он уже свободен. Тысячи раз Кампанелла представлял себе этот миг. И вот он настал. Но вокруг, казалось бы, ничего не изменилось. Те же крепостные стены, те же камни, те же лица. Не прозвучал торжественный благовест, возвещающий о свободе. Не было приветственных кликов. Местом жительства ему назначен монастырь, он не смеет никуда отлучиться из обители и обязан по первому требованию явиться в Кастель Нуово. Все это звучало как сквозь завесу. Свободен, свободен, наконец он свободен!

...Свободен? Теперь, когда он не в тюрьме, когда нет на его окнах решетки, на дверях запоров, когда нет вокруг ненавистных харь надзирателей и соглядатаев, когда он снова инок, брат Томмазо, который мирно живет в обители, Кампанелла почувствовал — он погибает. Сердце не в силах вынести обретенной свободы. Ночью он не может спать, днем задыхается. Неужели враги его добились своего и он может дышать только в темнице?

22 июня — самый длинный день в году, радостный праздник святого Джованни. Кампанелла с детства любил этот день, вместе со сверстниками громоздил горы хвороста, ночью зажигал костры, прыгал через огонь. Сегодня он чувствовал себя получше — все-таки прошло уже три с лишним недели, как он покинул тюрьму. Он вышел во двор обители посидеть в тени старого каштана. Ухоженный сад обители был прекрасен. Кампанелла почувствовал — страшное напряжение, мучившее его все это время, оставляет его. Голова прояснилась, он может обдумать свое положение, может продолжить работу. За три недели на свободе он не напи-

сал ни строки. Такого с ним еще не бывало. Посидит в тени, подышит, вернется в келью — и за работу. Слишком много времени потеряно!

Кампанелла еще сидел в саду, когда в келье настоятеля появились стражники папского нунция. Пришли за братом Томмазо. Напрасно пытался что-то сказать настоятель. Такова воля его святейшества папы.

В Риме узнали, что Кампанелла приказом вице-короля освобожден из тюрьмы и находится в монастыре. Папскому нунцию в Неаполе предписывалось действовать, руководствуясь приговором, утвержденным святой службой, которого никто не отменял, и доставить Кампанеллу в Рим. Пусть знают в Неаполе и Мадриде, чье слово в католическом мире последнее.

В Риме его вернули в Замок святого Ангела, населенный дорогими и страшными воспоминаниями. Странное безразличие охватило Кампанеллу. Он был не в силах начинать сначала борьбу за свободу. Григорию XV он посвятил трактат. Не помогло. Теперь на папском престоле Урбан VIII. Нет сил искать путей к папе. Однако Кампанелла пребывает в оцепенении недолго. Он не смеет сдаваться! Кампанелла смолоду занимался астрологией. Постоянно упражнялся в составлении гороскопов. Славе философа и поэта сопутствовала слава астролога. Теперь он решил воспользоваться ею. Урбан VIII жил в постоянном страхе смерти. Страх смерти мешал папе спать, перехватывал дыхание, ледяным потом покрывал лоб, делал его больным. Молитвы не помогали. Он хотел знать, сколько ему осталось жить. И если срок мал, продлить его. Кто способен на это?

Кампанелла попросил друзей сделать так, чтобы Урбан VIII узнал о его занятиях астрологией. Искусно пущенный слух дошел до папы. Он распорядился, чтобы ему сообщили все, что известно о Кампанелле. Человека почти тридцать лет держат в тюрьмах. Многие годы в темной сырой яме и на цепи. Его жестоко пытают. А он жив! Он в состоянии писать ученые трактаты, сочинять письма в свою защиту, привлекать на свою сторону людей. Значит, у него в руках есть тайные силы. Он не только может прочитать свою судьбу по расположению небесных светил, он может подчинить себе судьбу. Черная магия, за которую полагается костер? Пусть так! Пусть черная магия, пусть колдовские заклинания, пусть что угодно! Только бы помог мне, Урбану VIII, узнать свой смертный час и отодвинуть его. Его святейшество требует, чтобы к нему немедленно был доставлен узник Замка святого Ангела Томмазо Кампанелла. Перечить его святейшеству никто не смеет.

Папа едва дождался Кампанеллу. Они остались вдвоем — наместник бога на земле и еретик, признанный святой службой нераскаявшимся. Кампанелла вошел в папские покои узником. После нескольких встреч с папой он покинул их свободным человеком, советником Урбана VIII по вопросам астрологии.

В нестерпимо жаркий июльский день 1628 года, спустя двадцать девять лет после того, как Кампанелла был схвачен в Калабрии, он окончательно вышел на свободу. Уж не сон ли это? Нет, не сон! Папа уверовал, что никто, кроме Кампанеллы, не может составить ему верного гороскопа, а главное, никто, кроме него, не знает, как повлиять на светила, чтобы их положение было благоприятным для Урбана VIII. Кампанелла пошел на великий риск и выиграл.

Выиграл свободу. Надолго ли?

ЭПИЛОГ

Кампанелла! Кампанелла! Ты слышишь меня, Кампанелла?! Он проснулся, почувствовал, как тяжко бьется сердце. Кто зовет его? Никто. Ему померещилось. Это колокол звучит за стенами. Колокол бронзовый взывает к нему — колоколу живому. Ты еще жив? Ты еще жив, Кампанелла? Отзовись, отзовись, отзовись...

За окном голоса. Незнакомые голоса и речь не итальянская. Где он? Кампанелла вдруг все вспоминает. Он во Франции. Уже давно. Целых пять лет. Бесконечных пять лет. Он бежал сюда, когда ему в Риме стал грозить новый арест. А шесть лет после освобождения жил там в вечной опасности. Среди приближенных папы у него было много врагов, они только и ждали возможности погубить его. Он знал: в день, когда вера папы в могущество Кампанеллы-астролога поколеблется, он погиб. Ему бы давно покинуть Рим. А он оставался. Раньше в тюрьмах он боролся за свободу. Теперь он боролся за отмену запрета своих книг. Нелегкая борьба!

Когда-то его врагами были прокуроры, судьи и палачи. Теперь его злейшим врагом стал главный цензор Ватикана — магистр Святого дворца Никколо Риккарди. Кое-чего ему удалось добиться: имя его исключили из Индекса запрещенных книг. Это не справедливость восторжествовала, а новый приступ страха сделал папу особенно милостивым к своему астрологу.

Жизнь в Риме требует сил, хитрости, терпения. Здесь постоянно плетется паутина интриг, здесь живут слухами, здесь в единый узел связываются соображения высокой политики и мимолетное настроение папы. Кампанелла не придворный, не дипломат. Он опять совсем не бережется. Читает лекции новым ученикам. У него они есть опять. С некоторыми он беседует не только на философские темы. У Кампанеллы часто появляются живущие в Риме молодые калабрийцы.

В Калабрии раскрыт новый заговор против испанского владычества. Новые заговорщики хотели продолжить дело, некогда начатое Кампанеллой, Дионисием и Маврицием. Только надеялись не на турок, а на французов и венецианцев. Начать они хотели с уничтожения вице-короля. Заговорщиков выдали. Главный из них, Томмазо Пиньятелли, был сразу схвачен. Он держался на допросах стойко, но испанцам удалось дознаться, что Пиньятелли в Риме принадлежал к числу учеников Кампанеллы. Они сделали вывод — старый мятежник причастен к плану нового заговора, и, по-видимому, не ошиблись.

Снова в переписке Мадрида и Рима появилось имя Кампанеллы. Испанская корона резко потребовала у Рима немедленной выдачи своего злейшего врага, несколько лет назад тайком вывезенного из Неаполя, а теперь виновного в новом злоумышлении против Испании. Друзья успели предупредить Кампанеллу.

Французский посол, с которым Кампанелла вел беседы на философские и политические темы, давно предлагал Кампанелле приют, защиту и безопасность. Теперь, когда заговор раскрыт, а участники схвачены, посол настоятельно повторил свое давнее предложение. Кампанелла принял его. Его отъезд из Рима походил на бегство.

И вот уже пять лет во Франции. Речь за окном его просторной кельи в парижском монастыре на улице Сент-Оноре — речь французская. И большой город за стенами монастыря — Париж. Здесь ему никто и ничто не угрожает. Конечно, не все так хорошо, как хотелось бы. Книги Кампанелла издает с трудом. Но к таким превратностям он привык. Он беден. Но он и прежде не был богат. У него в жизни есть цель — собрать и издать все, что он написал. А это целая библиотека! И пока он не издаст ее, он не может позволить себе ни праздности, ни смерти. Написанное раньше надо перечитать, улучшить, дополнить. При каждом удобном случае напоминает он о главном из трудов своих, о «Городе Солнца».

Когда рождается наследник престола, будущий Людовик XIV, Кампанелла в «Эклоге на рождение дофина» пишет:

Соединятся цари, воедино сольются народы.
Солнечным названный Град воздвигнет великий герой.

Кампанелла — значит Колокол, и пока колокол звучит, он будет напоминать про Город Солнца! И про свою милую родину, томящуюся под властью испанцев. Кампанелла — значит Колокол, и пока колокол звучит, он будет напоминать о родной земле, что томится под властью чужаков, будет призывать ее к освобождению.

Увидит ли он когда-нибудь Калабрию? Поднимется ли он когда-нибудь по крутой тропке на гору Стило, чтобы окинуть взглядом город, лежащий у ее подножия, родное Стиньяно, поля, рощи, виноградники? Увидит ли он милую землю, ставшую наконец свободной! Сможет ли, увидев ее, сказать: «Ныне отпущаеши... Свершилось!»

Ему представилась гора Стило, на ее склонах — верные ученики в белых одеждах праведников, вокруг — мир, свободный, справедливый, мудрый, прекрасный. Им предсказанный, им выстраданный...

Что заполнило сердце? Радость или боль?

— Вот и все, Джованни, — проговорил он, называя себя забытым детским именем. — Вот и все...

Кампанелла! Кампанелла! Ты слышишь меня, Кампанелла?! — бушевал, взывая к нему, невидимый колокол.

Он не мог ответить. Он больше ничего не слышал. Не дожив нескольких месяцев до семидесяти одного года, Джованни, сын сапожника из Стиньяно, брат Томмазо по прозвищу Кампанелла, гражданин Города Солнца, скончался...

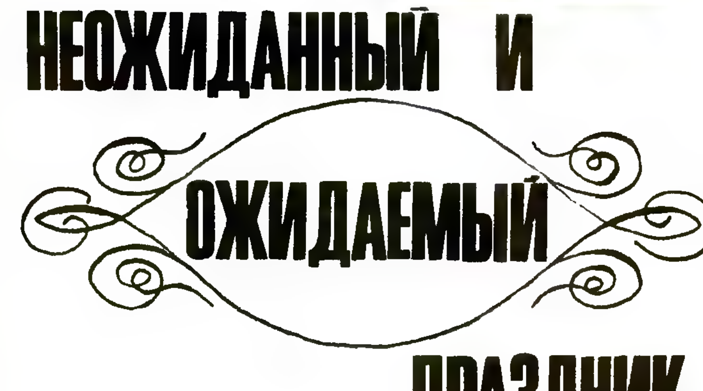
В репертуаре народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Владимира Васильева — целая галерея балетных образов — от Петрушки и Щелкунчика до Спартака, Икара, Макбета. Одна из последних работ артиста — Иван Грозный в спектакле, поставленном Ю. Григоровичем на музыку С. Прокофьева. Трагический образ царя Ивана IV в исполнении В. Васильева привлекает зрителя своей сложностью и противоречивостью, накалом человеческих страстей.

Корреспондент журнала Г. Иванова обратилась к Владимиру Викторовичу ВАСИЛЬЕВУ с просьбой рассказать об этом спектакле, о ролях, сыгранных ранее, о творческих планах, о труде балетного актера.

В. В. Васильев

НЕОЖИДАННЫЙ И ОЖИДАЕМЫЙ ПРАЗДНИК

— Владимир Викторович, расскажите, пожалуйста, о вашей работе над образом Ивана Грозного.

— Для меня это была одна из самых трудных, но в то же время и самых интересных партий. Музыка Прокофьева динамична, насыщена конфликтами, позволяет исполнителям во всей полноте раскрыть образы героев, прежде всего — царя Ивана. Характер этот не статичен, он дан в развитии, по сути, это еще только начало становления «грозного» царя. Каждый актер стремится к многоплановости. Я не исключение. Хотелось показать задатки и доброты, человечности царя Ивана. История его правления известна беспощадной борьбой с врагами, нередко жестокостью. Мне важно было показать Ивана не орудием божьей воли, а раскрыть земные, человеческие истоки его действий и поступков. Его страдания — не кара свыше, а собственный суд над собой, муки совести.

В спектакле есть такой эпизод. Иван появляется на сцене в шутовском балахоне, лицо закрыто ухмыляющейся маской. Паучьими шагами медленно движется он по сцене, перебирая руками аркан, в петле которого обреченная на смерть жертва. Но вот казнь свершилась — сброшена шутовская маска, и перед зрителем предстает страдающий человек, казнимый собственной совестью.

Или сцена, где Иван молится за Анастасию. Его молитва — не униженная просьба к богу, в ней и гнев, и даже угроза. Вражда с небом, с божественным произволом — органическая черта этого балетного образа.

— Иван Грозный — представитель эпохи, когда безраздельно господствовало религиозное мировоззрение. Приходилось ли вам еще так или иначе выражать отношение ваших героев к богу, к религии?

— Я вырос в семье, где царила сложная обстановка. Отец был коммунистом, убежденным атеистом, а мать — верующая. Так что имел возможность рано выслушать, так сказать, «обе стороны» и сделать свой выбор между двумя мировоззрениями не случайно, не наугад, а уже со знанием дела. Мать давала мне читать Библию и другие религиозные книги, брала с собой в церковь. Как все мальчишки, я был непоседой, с трудом выстаивал богослужение, с облегчением выбегал из храма, радовался, что снова можно двигаться, играть, бегать. Когда у родителей возникали споры по поводу религии, я обычно принимал сторону мамы. Но не потому, что считал ее правой в споре. Просто она для меня была самым близким, добрым человеком. И в вере ее главным была доброта к людям. Что же касается сути родительских споров, то я рано начал понимать ошибочность религии. Помогло этому и приобщение к искусству — сначала хореографический кружок во Дворце пионеров, потом училище Большого театра. Вырос я, как и большинство наших современников, неверующим.

Однако для нашего современника не верить в бога — это не значит не иметь представления о том, что такое религия, священные книги и т. д. Ведь, не зная античной мифологии, Библии, не зная истории религии и церкви, нельзя в полной мере приобщиться к культурным богатствам, которые создало человечество, органично воспринимать литературу и искусство прошлого. Это относится и к балету.

«Иван Грозный».

Фото Ларисы Педенчук

Прикосновение к религиозным сюжетам, работа над образами мифологическими, сказочными, даже библейскими, не только не рождает у исполнителя какой-то веры в сверхъестественное, а, наоборот, формирует материалистическое мировоззрение. Это — процесс художественного освоения окружающего нас реального мира, истории человеческого общества, где нет и не может быть ничего сверхъестественного.

Мне довелось танцевать Адама в «Сотворении мира» Андрея Петрова. В этом спектакле библейский сюжет был лишь поводом для утверждения мыслей о становлении человеческого достоинства, любви, стремления к свободе, протеста против насилия, против всего, что унижает человека, ограничивает его возможности. Работая над этим спектаклем, мы обращались не только к библейской легенде, но и к книге французского публициста-атеиста Лео Таксиля «Забавная Библия», и к рисункам известного французского карикатуриста Жана Эффеля. Таким образом, «Сотворение мира» стало, по сути, отрицанием религиозных идей, которые проповедует священное писание. Спектакль утверждает гуманизм и свободомыслие.

Реалистическим, жизнеутверждающим пафосом проникнуты и балеты на сказочные сюжеты, в которых мне довелось участвовать: «Конек-горбунок», «Лесная песня», «Каменный цветок», «Золушка», «Спящая красавица», «Щелкунчик»... Действующие в них сверхъестественные силы — и злые, которые всегда терпят поражение, и добрые, неизменно тор-

жествующие, — мы, исполнители, стремимся вывести на сцену как воплощение противоборствующих нравственных категорий, показать хореографическими средствами борьбу добра со злом, естественность и закономерность победы доброго начала. Замечу, что порой у нас свысока, как бы снисходительно относятся к «сказочным» балетам, да и вообще к сказке на сцене. А ведь в сказке, легенде, мифе заложена глубокая народная мудрость, утверждающая непреходящие ценности человеческой морали. И жизнь убедительно показывает, что бесхитростный, незатейливый, порой даже упрощенный сказочный сюжет, если он воплощен в высокохудожественные сценические образы, способен вызвать у зрителя глубокие эмоциональные переживания, желание что-то переоценить, по-новому взглянуть на себя.

«Икар»
(в роли Эолы — народная артистка СССР Е. Максимова).

«Спартак».

Вообще пути воздействия искусства на человека не однозначны. Порой какая-то простая деталь может оказаться глубже и доходчивее, более впечатляющей, чем сложная эмоционально-психологическая ситуация. Хотя, конечно, — поймите меня правильно — я вовсе не противопоставляю одно явление искусства другому. Сказка на сцене — столь же закономерное и полноправное явление, как и спектакль, построенный на трагических конфликтах или острых социально-психологических коллизиях.

— Кажется, именно таким спектаклям вы и как постановщик, и как исполнитель все больше симпатизируете в последнее время?

— Не только в последнее время. И прежде у меня были такие партии. Вот хотя бы трагический Ромео. Он преисполнен не только чувства любви, горя, отчаяния, но и ненависти к тем силам, которые погубили его и его возлюбленную. Он даже, если хотите, протестует против самой судьбы, против божественного провидения — именно такой смысл я стремился вложить в жест проклятия, обращенного к небу. Можно назвать и образ великого музыканта Никколо Паганини, тоже, хотя и по-иному, трагический образ, утверждающий необоримость искусства, мощь творчества, торжествующего над одиночеством, горем, гонениями. Одной из сил, преследующих Паганини, выступает церковь, на сцене появляются зловещие фигуры монахов, и это придает спектаклю прямое антиклерикальное, антирелигиозное звучание.

Рассказывать обо всех исполненных партиях пришлось бы слишком долго. Остановлюсь лишь на двух последних работах — на «Икаре» и «Спартаке».

«Икар» — ведь тоже сказка, древнегреческий миф, переосмысленный для балета. Мы сосредоточили внимание на конфликте между двумя противоположными началами. С одной стороны, — сила духа, извечный порыв человека ввысь — к небу, к Солнцу, порыв, понимаемый как стремление вырваться на свободу, утвердить себя как личность, осуществить самые дерзкие мечты. С другой — тупая, самодовольная, деспотическая власть, символ бездуховности и жестокости, которая страшится этого стремления к свободе, к свету, хочет согнуть человека, сломать ему крылья, лишить воли, поставить на колени. И здесь в подтексте читается богоборческий, антирелигиозный смысл. Икар, посягая на небеса, покушается расторгнуть пределы, очерченные человеку волей богов, вторгается в их владения. Властитель Архонт тщетно пытается помешать полету, а когда это не удается, — поражает Икара стрелой. Он выступает здесь как бы вершителем воли богов, от их имени наказывает бунтаря.

В чем-то сродни Икару и Спартак. Но это уже исторический образ, конфликты здесь приобретают ярко выраженную социальную, классовую окраску. Спартак — народный вождь, руководитель масс, восставших во имя справедливости, свободы. Этим определяется его внутренняя сущность, динамика развития этого характера. Мне всегда интересна не столько борьба героев с противостоящими им силами, сколько внутренняя борьба с самим собой. Именно таков Спартак. Он понимает, на что идет, знает, что трагический конец неизбежен, и все же избирает тяжкий жребий предводителя восстания, мужественно, до конца выполняет свой долг. Главное в этом образе — бунтующий человеческий дух, убежденность в правоте борьбы, вера в торжество свободы и справедливости. Я стремлюсь показать, что гибель Спартака не означает гибели идеи, ее жизнь продолжается и жертва не напрасна.

— Какими, по вашему мнению, качествами должен обладать актер современного балета, чтобы раскрывать столь сложные жизненные коллизии, создавать психологически достоверные образы?

— В наши дни балет приобретает некоторые качественно новые черты, но было бы неверно понимать это так, будто он разрывает связи с прошлым. Нет, современный балет продолжает лучшие реалистические традиции балета классического. Более того, можно с уверенностью сказать, что только актер, в совершенстве владеющий законами, техникой классического танца, может постичь все сложности современной хореографической мысли, по-новому исполнить партии, имеющие давние традиции, и создать новые, глубокие, сложные образы. И сегодня, как и прежде, балетному актеру необходимо свободное и радостное саморасхрытие, умение щедро отдавать себя спектаклю, заражать зрителя своей влюбленностью в искусство.

Кто-то сказал, что балетный спектакль — всегда праздник, праздник ожидаемый и каждый раз оказывающийся неожиданным, раскрывающийся по-иному, затрагивающий какие-то новые струны сердца. Для зрителей балет — яркое, впечатляющее зрелище, воздушный полет, легкость, изящество, эмоциональность. Для нас, исполнителей, это тоже праздник, хотя легкость и органичность танца рождаются каждодневным изнурительным трудом. И труд этот — не только совершенствование техники, отточенности движений. Надо, как говорят актеры, «пропустить роль через себя», вдохнуть в нее душу, перевоплотиться в своего героя, зажить его жизнью, переживаниями, чувствами.

Мне лично близки героико-романтические и трагические образы, требующие полнокровного психологического раскрытия, мужественной, волевой манеры танца, озаренного высоким напряжением мысли и чувства. Именно таковы те герои, о которых я здесь говорил, и те, над которыми я работаю сейчас, — трагическая фигура шекспировского Макбета, молодого честолюбца Рафаэля из «Шагреневой кожи».

— Вся ваша жизнь, конечно, не ограничивается балетной сценой. Какие у вас еще интересы, занятия, увлечения?

— Люблю искусство во всех его проявлениях. Увлекаюсь живописью, главным образом пейзажем, — хорошо постоять с этюдником где-нибудь в уединенном месте. Собираю интересные картины, книги. Если говорить об общественной работе — несколько лет был депутатом Моссовета, приходилось немало времени уделять этим обязанностям, встречам с людьми. Кое с кем из тех, кому помогал, поддерживаю связи до сих пор. Общественных обязанностей немало и сейчас — председатель Совета по работе с творческой молодежью Дома актера, заместитель председателя Всероссийского театрального общества. В общем, дел разных достаточно. Но все они так или иначе подчинены и помогают главному делу моей жизни — балетному искусству.

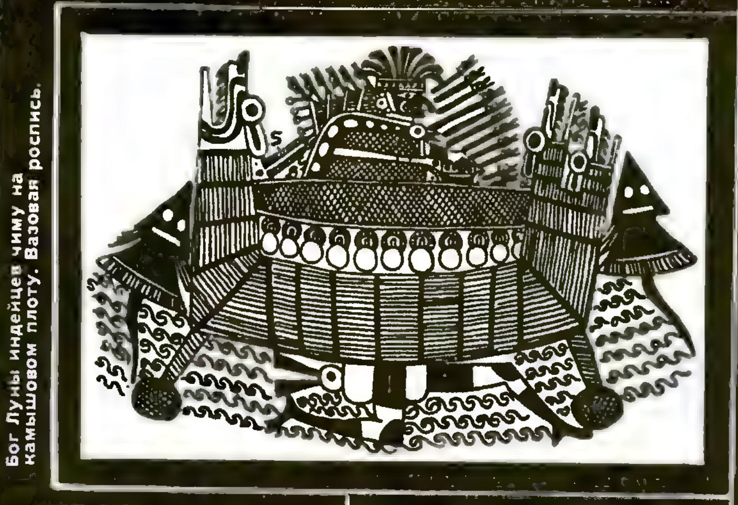

Иезуит с секстантом и небесным глобусом (Япония начала XIX в.).

Ритуальное шествие инкских жрецов, несущих паланкин с мумией «великого Инки», голова которой покрыта золотой маской, олицетворяющей происхождение государя от бога Солнца.

Рудольф ДРЁСЛЕР

звездные сумерки человечества

Бог Луны индейцев чиму на камышовом плоту. Вазовая роспись.

Средневековая гравюра, отразившая свойственный тому времени страх перед кометами и метеоритами.

Бог Солнца индейцев доиспанского периода пьет кровь человеческой жертвы.

Иллюстрации взяты из книги Рудольфа Дрёслера «Когда звезды были богами».

Сегодняшние массовые представления о мироздании коренным образом отличаются от взглядов, господствовавших в древности и в средневековье. Достаточно, например, сказать, что любой человек теперь может в течение часа увидеть и услышать в планетарии наглядное материалистическое объяснение того, что веками, тысяче-

летиями казалось людям таинственным, мистическим, зависящим от божественных сил. При этом немалую роль в преодолении таких взглядов на мир сыграло развитие астрономии.

В этом отношении интересна вышедшая в ГДР книга Рудольфа Дрёслера «Когда звезды были богами. Солнце, Луна и звезды в свете археологии, искусства и религии» (Лейпциг, 1976). В ней на богатом и малоизвестном широкому читателю материале показано, как постепенно, в ходе познания Вселенной, шло формирование научного мировоззрения, как это отражалось на развитии общества и человеческой культуры.

Для изучения мировоззрения древних большой интерес, как известно, имеют представления современных народов, отставших в своем развитии. Дрёслер подробно повествует о том, как индейцы, живущие в глухих районах Южной Америки, одушевляют весь окружающий их мир, не делая различия между живой и неживой природой. Аналогичные анимистические представления о мире дошли до нашего времени в виде мифов, а также рисунков, рельефов и пластики эпохи древнекаменного века.

По верованиям древних египтян и инков, например, отмечается в книге, божества-звезды направили своих детей в качестве владык на Землю. Цари этих народов — сыновья бога Солнца — возвышаются над другими людьми. Такие представления ложились в основу государственной догмы, санкционировали и укрепляли власть господствующих классов.

В древней картине мира мифическое соединялось с реальными наблюдениями явлений природы; астроном был одновременно астрологом, а чаще всего жрецом.

Много внимания в книге уделено анализу мифологии и религии древних египтян, их взглядам на происхождение Солнца и планет. В частности, Р. Дрёслер подчеркивает, что социальным назначением мифов и учений о происхождении фараонов от бога Солнца Ра было идеологически обосновать власть эксплуататоров над огромной армией рабов и крестьян. «Без тяжелой работы крестьян, — пишет он, — культурный подъем Египта был бы невозможен».

Обстоятельно рассказывает автор о возникновении связанных с метеоритами и кометами суеверий, особенно распространенных в средневековой Европе, о расцвете астрологии.

В целом книга Р. Дрёслера, отрывки из которой предлагаются вниманию читателя, популярно, с привлечением данных истории, археологии, астрономии, искусствоведения и некоторых других наук показывает, сколько мифологических и религиозных нагромождений и суеверий пришлось преодолеть человеку на его многовековом тернистом пути к знанию. Перевод этой книги, безусловно, способствовал бы расширению кругозора читателя, формированию у него научно-материалистических представлений.

ПИЩА БОГОВ

По сообщению Каланчаса, принося своих детей в жертву, индейцы чиму* надеялись вымолить богатый урожай и спокойное море. Пленников убивали тоже, чтобы их кровь принесла обильные всходы и благосостояние. Сцена такого жертвоприношения изображена на одной из ваз чиму.

Демоны в виде животных несут роскошный паланкин, на котором восседает бог Луны, описывает эту вазовую роспись немецкий исследователь Герд Кутшер. Перед паланкином два демонических существа собираются принести в жертву богу Луны двух обнаженных пленников, которые, сидя перед демонами со связанными руками, покорно ожидают своей участи. Что эти человеческие жертвы приносятся именно этому великому божеству, показывают взгляды демона-ягуара и его жертвы-пленника, направленные на бога Луны, за спиной которого виднеется двуглавый змей.

Таким образом, заключает Г. Кутшер, эта вазовая роспись обнаруживает тесную связь между человеческими жертвоприношениями и ростом растений: кровь пленных, которых приносят в жертву богу Луны, по магическим представлениям индейцев, должна была обеспечивать хороший урожай.

В мифах некоторых племен, населявших государство инков, о боге-творце и избавителе Виракохе, тот выступает уже не в образе животного, а человека. Он инкогнито живет среди людей, одевается, как нищий, которого даже хотят забросать камнями.

Бог послал с неба огонь, гласит древняя перуанская легенда, в основе которой, вероятно, лежит смутное воспоминание о разрушительном извержении вулкана. Тогда бледнолицый Виракоха отправился странствовать, пришел в Куско (будущую столицу государства инков), пересек Анды, достиг берега океана (Тихого) и исчез. Когда-нибудь вернется...

Кстати сказать, этот миф сыграл довольно зловещую роль в истории инков, так как они приняли испанских завоевателей (конкистадоров) во главе с Ф. Писарро за своего бледнолицего бога-избавителя с его «святым» воинством и не оказали захватчикам почти никакого сопротивления, как, впрочем, и ацтеки Мексики, отождествлявшие предводителя конкистадоров Э. Кортеса со своим мифическим (и тоже бледнолицым) богом-избавителем Кетцалькоатлем.

Что касается теократического деспотического государства инков (Тауантинсуйу), названного так по имени, вернее титулу, его властителей, которых звали «верховными инками», то до испанского вторжения оно простиралось на тысячи километров, охватывая весь регион Центральных Анд, и включало в себя, кроме нынешнего Перу, часть современных Эквадора, Боливии, Аргентины и Чили, то есть территорию с населением 8—15 миллионов человек. По имени властителей потом стали называть весь господствующий слой империи, а впоследствии даже все главное племя. Когда в середине XV века инки заняли область Тиауанако, то поступили весьма разумно, проявив терпимость по отношению к местному культу Виракохи, с которым они бесспорно были уже знакомы ранее. Более того, один из «верховных инков» по соображениям государственного престижа даже принял имя священного озера Титикака, где он основал свою летнюю резиденцию. При этом один из островов на озере олицетворял Солнце, а другой — Луну и на обоих были возведены культовые строения, от которых уцелела лишь часть.

Однако главным божеством инков был не Виракоха или Луна, а Инти — Солнце. Они изображали его в виде золотой шайбы с человеческим лицом. Инти был в браке с матерью-Луной и считался, как и Виракоха, творцом и столпом мироздания. Согласно легендам, Инти извлек первого Инку из вод Титикаки и уполномочил его дать людям предписания и законы, обучить их земледелию и скотоводству и править ими от своего имени. Властители инков превратили эти мифы в государственную религию, которая была призвана внушать подданным идею божественного происхождения их власти.

«Верховные инки» стремились исключить всякую возможность сомнений в том, что они являются представителями бога Солнца, а их главные жены — воплощением богини Луны. Таким образом правящая династия укрепляла свою власть над различными народами своей огромной империи. Никто не мог приближаться к государю, этому земному воплощению Инти, не выражая всем своим видом глубочайшего уничижения. Даже высшим сановникам при аудиенции приходилось в знак покорности разуваться и взваливать на себя какую-нибудь ношу. Никто не осмеливался глядеть прямо в лицо «сыну Солнца».

Ему принадлежало почти 200 женщин, но только одна считалась государыней.

---

* Один из индейских племенных союзов, подчиненных в XV в. племенем инков, ставшим во главе конфедерации племен кечуа (на их языке она называлась Тауантинсуйу, что значит государство или империя инков).

Она называлась Койя (Звезда), и ей оказывались те же почести, что и самому «верховному Инке». При последних представителях этой династии был издан закон, согласно которому Инка мог сделать главной женой только одну из своих сестер, чтобы сохранять «чистоту священной крови». Так как браки между братьями и сестрами строго карались, это исключение как бы подчеркивало особое положение Инки и его божественное происхождение. Как «высший посланец и живое воплощение Солнца» Инка пользовался также любовью тех девушек, которые считались принадлежащими самому богу (о нем думали, что он спускается на землю и любит избранных женщин). Эти «солнечные девы» жили при городских храмах и должны были молиться не только Инти, но и другим богам инкского пантеона, а также прясть, ткать, готовить жертвенные блюда и питье. Впрочем, некоторых из этих весталок Инка дарил своим приближенным.

Отправление такого культа, естественно, требовало множества жрецов, которые в большинстве своем рекрутировались из знатнейших фамилий. Подобно «верховному Инке» и другим представителям господствующего класса, они жили за счет труда и повинностей остального населения. Жрецы совершали многочисленные кровавые жертвоприношения. Жертвами чаще всего служили безгорбые верблюды — ламы, но когда хотели предотвратить голод, болезни, эпидемии или поражение на войне, то на алтарь бога Солнца приносили и людей, как правило пленников или преступников. Жертва призвана была также сохранить власть и силу Солнца, так сказать предотвратить космическую катастрофу. Поэтому, наполняя кровью жертвенные чаши, жрецы возносили Инти следующую молитву: «Чтобы ты никогда не старился, чтобы ты всегда оставался юным, чтобы ты каждое утро поднимался на небо, чтобы посылал на землю свет и тепло».

При вступлении на трон очередного «верховного Инки» ему приносились в жертву 200 мальчиков и девочек в возрасте от 10 до 15 лет; у них вырезали сердце или их душили, чтобы затем перерезать горло и обмазать кровью изображение Инти. Когда умирал государь, приносились новые жертвы для предотвращения возможных несчастий.

По верованиям племен, населявших империю инков, мертвые продолжали тайно жить до своего мистического возрождения. Поэтому делалось все, чтобы как можно дольше сохранить тело покойника. В скрюченном положении оно пеленалось в шкуры или циновки и еще раз — в покрывало. Так поступали и с «верховными инками», чьи мумии почитались как священные реликвии и устанавливались вместе со статуями важнейших божеств инкского пантеона.

ГНЕВ БОГОВ

Однажды вечером в 1888 году этнолог Карл фон ден Штайнен стал свидетелем необычного происшествия. Он сидел у лагерного костра в бразильских джунглях и мирно беседовал с индейцами из племени бороро. Вдруг на южной стороне небосвода вспыхнул сверкающий огненный шар и пронесся по ночному небу, оставляя за собой ослепительный шлейф.

Казалось, никакое землетрясение не могло повергнуть бороро в большее смятение, чем этот эффектный метеор. Едва он исчез, раздался пронзительный стоголосый крик. В одно мгновение индейская деревня закишела, как растревоженный муравейник. Ярко вспыхнувший огонь осветил место собраний племени. Там этнолог наблюдал фантастическую картину. В центре широкого круга стояли двое размалеванных в ярко-красный цвет шаманов и в сильнейшем возбуждении заклинали небо. Трясясь, взмахивали они левой рукой со связкой маисовых сигарет, чтобы отвратить несчастье. При этом они дергались, шатались, кричали и завывали во все горло. Движения их становились все неистовее, колени дрожали, мускулы подергивались. Фон ден Штайнен с возрастающим удивлением наблюдал устрашающее впечатление, произведенное огненным шаром на бороро. Индейцы вообразили, будто это был злой волшебник, который внезапно напал на них, чтобы потребовать «охотничьего мяса» и одного из них заразить дизентерией. Этому «вероломному нападению» и призваны были противостоять шаманы. Индейцы не сомневались, что удар был направлен против одного из самых уважаемых членов их племени — старого вождя Доминго, и шаманы должны были сделать его неуязвимым против козней злого волшебника. Сам Доминго в последующие дни выглядел крайне подавленным, напуганным, кутал голову, лицо и руки тряпками.

Для сегодняшних бороро, как и для их далеких предков, метеорит — это проявление некой всевышней силы, которая оказывает на судьбы людей благоприятное или гибельное воздействие.

Не раз камни, «упавшие с неба», устанавливались в храмах и становились объектом поклонения и паломничества у разных народов. Например, «священный камень», находящийся в священном городе мусульман Мекке, — тоже метеорит.

АСТРОЛОГИЯ: ПРОШЛОЕ БЕЗ БУДУЩЕГО

В древности, в средние века, да и у некоторых племен в наше время считалось, что кометы предвещают всевозможные бедствия. Астрологи (звездочеты) утверждали, что движение планет и изменение их положения по отношению друг к другу предопределяют человеческую жизнь и вызывают счастье или несчастье. Они приписывали божественную сущность небесным телам и использовали псевдоученую фразеологию в интересах сильных мира сего. Но те из астрологов, кто все же хотел понять «движение звезд», должны были внимательно наблюдать за небесными светилами, знать карту звездного неба и изучать особенности движения Солнца, Луны и других планет. Таким образом, наблюдение за небом и звездочетство, астрономия и астрология шли рука об руку. Только с началом Нового времени (XVII в.) первая стала постепенно эмансипироваться от второй и развивалась в область современного естествознания.

Одним из примеров воздействия астрологии на мышление древних можно считать легенду о так называемой Вифлеемской звезде, изложенную в Евангелии от Матфея. Кстати, эта легенда выступает не самостоятельно, а переплетена с древнееврейским мифом о появлении мессии (по-древнееврейски «машиах», по-древнегречески «христос» — спаситель, избавитель), призванного, по утверждениям ветхозаветных пророков, освободить «богоизбранный народ» от всяческого, прежде всего чужеземного, гнета и создать для него «тысячелетнее царство божие». В свою очередь этот древнееврейский мессианизм был заимствован иудеями из Вавилонии, где его разносчиками были жрецы астральных культов и бродячие маги (волхвы).

В итоге среди иудеев, на пороге нашей эры изнывавших под гнетом римского ставленника царя Ирода, вполне могла сложиться такая версия этих двух легенд, согласно которой появлению мессии должно было предшествовать какое-то знаменательное небесное явление или расположение звезд.

С астрономической точки зрения, в основе этой легенды могла лежать конъюнкция Юпитера и Сатурна в созвездии Рыбы, которая действительно состоялась в 7 году до нашей эры, а не в год «рождества Христова». Сатурн считался звездой древних евреев, а созвездие Рыбы — «их» созвездием. Сближение Сатурна с «царской» звездой (в ветхозаветных пророчествах мессия выступал как «царь иудейский») было истолковано как провозвестник очень важного события. Среди иудеев жила мечта о появлении мессии, с которым они связывали свое грядущее избавление от Ирода и римлян. И вот теперь им показалось, что она наконец-то сбывается: ведь сами звезды убедительно показывали это!

В мае 7 года до нашей эры Юпитер и Сатурн находились совсем рядом на предрассветном небосводе. В середине июня они несколько отошли друг от друга, а в конце сентября — начале октября вновь сблизились, чтобы затем вновь разойтись и в последний раз ярко светить рядом в первой половине декабря — теперь уже в вечернем небе.

Кстати, такая троекратная встреча этих планет происходит каждые 260 лет. Последний раз она была в 1940—1941 годах. Таков результат астрономических вычислений, и он мог бы пролить свет на происхождение легенды евангелиста Матфея о чудесной звезде.

Первая фаза описанной конъюнкции Юпитера и Сатурна была уже задолго до нашей эры точно предсказана звездочетами Древнего Двуречья, поэтому ее ждали и вели внимательное наблюдение за небом. Не исключено, что вавилонские звездочеты (волхвы) бывали и в Иерусалиме, где их мог допросить Ирод, а затем направились в Вифлеем, так как обе планеты тогда стояли прямо над этим городом и как раз, когда волхвы прибыли туда, сияли в вечернем декабрьском небе...

А что за конъюнкцией этих планет на Древнем Востоке следили очень внимательно, подтверждает соответствующее сказание, записанное на двух глиняных табличках, одна из которых хранится в Пергамском музее в Берлине, а другая в Британском музее в Лондоне.

Позже астрология пышно расцвела у арабов, подчинивших себе в VII веке весь этот регион, а также Северную Африку и Пиренейский полуостров. От них-то огромная по тем временам астрологическая литература в эпоху крестовых походов стала проникать в средневековую Европу.

Все стихийные бедствия, эпидемии, голод, наводнения, войны или социально-религиозные и политические перевороты тогда принято было объяснять изменяющимся положением планет. И хотя такие представления возбуждали недовольство церкви, которая, как правило, неблагосклонно относилась к астроло-

гам, однако какого-либо серьезного осуждения астрологии с ее стороны так и не последовало.

Это, кроме всего прочего, объяснялось еще и тем, считает известный исследователь астрологии Франц Боль, что астрологи в позднем средневековье и в эпоху Ренессанса были необходимыми фигурами не только для князей и полководцев, но также очень часто и для пап и прелатов. Ведь астролог управлял ходами на политической шахматной доске, давал первые советы, определял час выступления и наступления войск и даже участвовал в заседаниях папской консистории. Шиллер нарисовал типичную для того времени картину: знаменитый полководец Тридцатилетней войны Валленштейн верил, что звезды определяют каждый его шаг. И действительно, Валленштейн находился под сильнейшим влиянием астрологии. Составить себе гороскоп он поручил не кому иному, как знаменитому астроному Иоганну Кеплеру, которому приходилось добывать хлеб насущный и составлением гороскопов. Он писал, что «в действительности астрология является придурковатой дочкой астрономии, но, бог мой, как сумела бы ее мать, высоконаучная астрономия, существовать без этой придурковатой дочери!.. То же самое можно сказать и о доходах математики, таких бедных и ничтожных».

Кстати, гороскоп Валленштейна, как и следовало ожидать, оказался обычным астрологическим блефом. Кеплер предсказал ему смертельную опасность на 40-м и 70-м годах жизни. В возрасте от 47 до 52 лет полководец якобы должен был «обрести богатство, авторитет и почести». Однако по иронии судьбы Валленштейна убили, когда ему был 51 год.

С начала Нового времени наблюдается упадок астрологии. Распространение гелиоцентрической теории строения Вселенной и естественнонаучных, в том числе астрономических, знаний выбило почву из-под ног у этой лженауки и обнажило ее суеверную сущность.

И лишь во второй половине XX века, когда общий кризис капитализма приобрел всеобъемлющий характер, охватив уже не только, как не раз бывало прежде, экономику, но и идеологию, мораль, нравственность — одним словом, всю надстройку старого мира, — именно тогда, казалось бы, давно уже забытая астрология, на первый взгляд неожиданно, а на самом деле вполне закономерно, вновь всплыла на поверхность и была пущена в оборот на потребу загнивающего «общества потребления» как одна из разновидностей духовного наркотика.

Вот почему ныне в погоне за прибылью даже многие «солидные» западные газеты и журналы не брезгуют отводить свои страницы под гороскопы и всевозможные, в том числе и политические, астрологические предсказания. А доведенный до отчаяния кризисом и разуверившийся в традиционных буржуазных ценностях обыватель клюет на эту нехитрую приманку.

Перевод и комментарии
А. ВАЙСМАНА

Встреча с болгарскими пропагандистами

ПЯТЬ ЛЕТ назад в Болгарии стал выходить журнал «Атеистична трибуна», издаваемый Национальным советом и Софийским городским комитетом Отечественного фронта, а также Софийским Домом социалистического быта и культуры. С тех пор «Наука и религия» не раз знакомила читателей с плодотворной деятельностью своего болгарского собрата, помещая обзоры и переводы напечатанных в нем материалов. В свою очередь «Атеистична трибуна» публикует статьи советских авторов и обзоры журнала «Наука и религия».

А прошлой осенью болгарские пропагандисты научного атеизма сами приехали в Москву, чтобы обменяться опытом со своими советскими коллегами. Это были председатель Софийского Дома социалистического быта и культуры Иванка Николова и ответственный секретарь «Атеистичной трибуны» Иван Карамфилов. Они встретились с сотрудниками редакции журнала «Наука и религия», а также Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС и Московского Дома научного атеизма, посетили ряд музеев и памятников архитектуры, в том числе музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева и музей-заповедник «Троице-Сергиева лавра» в Загорске.

В ходе этих бесед и встреч болгарские друзья, в частности, проинформировали своих советских коллег о масштабах и специфике работы домов социалистического быта и культуры, общее число которых в НРБ приближается к 50 и которые имеются практически почти во всех административных центрах страны. Главная задача этих домов — популяризация и распространение новых социалистических, гражданских обрядов, пропаганда коммунистической морали и нравственности, социалистической культуры и образа жизни.

Что касается лекционной работы, то ее в НРБ ведет Общество по распространению научных знаний имени Георгия Киркова, издающее журнал «Лекционна пропаганда». Председателем научно-методического совета по научному атеизму в этом Обществе является главный редактор «Атеистичной трибуны» профессор Николай Мизов.

Рассказывая о работе, которую ведут болгарские ученые, наши гости остановились на социологическом исследовании «Влияние религии и атеизма на сознание и быт населения», проведенном в 1977—1978 годах в Софии под руководством заместителя председателя научно-методического совета по атеизму Общества имени Георгия Киркова старшего научного сотрудника Болгарской Академии наук Крыстю Крыстева. Результаты этого исследования будут изданы отдельной брошюрой.

Прежде такое исследование, сообщили болгарские товарищи, проводилось у них в стране только раз — в 1962 году, под руководством профессора Живко Ошавкова. Сравнение результатов обоих исследований, констатировали они, показывает заметное падение религиозности, что обусловлено коренными сдвигами в сознании людей, происходящими в ходе строительства развитого социалистического общества. Если в 1962 году верующие в Болгарии составляли 25—30 процентов населения, то в 1977—1978 годах их доля среди жителей Софии, например, сократилась до 10 процентов, к которым условно можно еще добавить и 7 процентов колеблющихся.

Отход масс от религии, считают болгарские пропагандисты, тем более показателен, что церковники пытаются оживить свою деятельность. Весьма активны, в частности, секты, в особенности адвентисты 7-го дня. Значительное влияние на верующих продолжают оказывать традиционные конфессии — православие и ислам.

В заключение своего визита болгарские друзья предложили ведущим советским пропагандистам научного атеизма в свою очередь ознакомиться с работой Софийского Дома социалистического быта и культуры и редакции журнала «Атеистична трибуна». Это приглашение было с благодарностью принято.

В. МАЗОХИН

Быт и нравы народов

300 индейцев и 1 ксендз

Предлагаем вниманию читателей сокращенный перевод главы из книги польского журналиста О. Будревича «Встречи с поляками». Он встречался с соотечественниками, которых различные причины оторвали от Силезии и Мазовии и забросили на Ориноко или Убангу, в Непал или Парагвай. Автор беседовал с поляками, оказавшимися волею судеб в Чили, Бразилии, Японии, Индии, Конго и других странах, интересовался бытом и общественной деятельностью этих людей. В публикуемом отрывке говорится о путешествии автора в джунгли Венесуэлы, где в городке Пуэрто-Аякучо он встретился с ксендзом-миссионером, живущим там с 1925 года, но сохранившим польское гражданство.

В КАРАКАСЕ все знатоки Венесуэлы после долгих споров пришли к выводу, что для того, чтобы почувствовать вкус подлинной глуши, мне надо побывать в Амазонии, расположенной на самом юге страны. Я должен был посетить Коромото — маленькое поселение в джунглях недалеко от города Пуэрто-Аякучо, где много лет живет среди индейцев падре Луис Войцех родом из Гочалковиц в Силезии. Ксендзу послали открытку, извещающую о приезде польского журналиста.

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

...С аэродрома в Пуэрто-Аякучо мы едем по шоссе среди темных гранитных скал, на которых расселась стая стервятников. Черные и пятнистые птицы провожают мчащиеся машины в абсолютной неподвижности. Стена зелени пищит, шумит, бурлит. Воздух — раскаленный, влажно-сладковатый, насыщенный запахом первозданного леса.

Мы въезжаем в город. Его выгоревшие на солнце улицы и дома привольно раскинулись в долине. Проезжаем через площадь, на которой расположились важнейшие административные здания федеральной территории Амазонас: резиденция губернатора, полицейский участок, католическая миссия и церковь, школа, музей, чуть подальше — больница.

В белом облаке пыли подъезжаем к отелю «Амазонас». Это, пожалуй, самый удивительный отель, который я когда-либо видел. Длинное плоское строение в испанском стиле с покрытым навесом патио — внутренним двориком. Комнаты размещены в ряд, по бокам. В конце коридора — бар.

Мне было не по себе: двери толком не закрывались, по стенам ползали тараканы (даже красивые, в крапинках), на деревянном потолке гнездились неизвестные мне твари. Я прилег на минутку на постель и тут же, мокрый от пота и омерзения, вышел в патио. Зной был везде одинаковый: липкий, сладкий, вонючий.

Старые стенные часы стояли...

А вот и Рамон Армас, который привез меня сюда из Каракаса. Я без слов сел в его машину — и через пять минут мы уже стояли перед падре Луисом Улем в миссионерском доме неподалеку от площади. На безупречном немецком языке тот сообщил мне, что его коллега падре Луис Войцех приедет в Пуэрто-Аякучо вечером на грузовике и заберет меня к себе в джунгли. А пока я могу посетить музей индейского творчества, самый крупный в Венесуэле, познакомиться с миссионерской картой Амазонии.

Пока я шел от миссии к музею (всего сто метров), неожиданно хлынул ливень. Он лупил по жестяным крышам, как сотни автоматов. По улицам текли реки цвета какао.

Музей представлял собой весьма хаотическое собрание стрел, плюмажей, заплечных корзинок (индейцы не разводят ни лошадей, ни ослов — носят все на спине), пятиметровое чучело змеи, сосуды для ядовитого сока кураре, предметы культа.

Ливень иссяк так же внезапно, как начался, и я быстро обсох. Миссионерская карта не подвела; падре Уль, словно генштабист, показывал направление наступления, задерживал палец на опасных точках, оценивал свои силы и силы атакуемых. В Амазонии, между 1 и 6 градусами южной широты расположено несколько десятков миссий ордена салезианцев и несколько протестантских, в каждой в среднем по два священника...

Нет, индейцы не везде охотно принимают миссии: совсем недавно они сожгли дом в Санта Мария де лос Ваикас. А племя мотильонов, например, вообще не идет ни на какие контакты с белыми. В течение нескольких месяцев им бросали с вертолетов подарки с фотографиями двух монахов-послушников. Когда через некоторое время те двинулись в направлении мотильонских поселений, то увидели на деревьях свои снимки, пригвожденные стрелами. Столичные газеты то и дело сообщают о конфликтах с мотильонами.

300 ИНДЕЙЦЕВ И 1 ПОЛЯК

Я долго сидел в сквере на площади, наблюдая жизнь городка, который с 1927 года является административным центром федеральной территории Амазонас.

В абсолютно пустой церкви кто-то вещал через громкоговоритель. Из кинотеатра доносилась музыка. Изредка по улице проносились автомобили.

Перед наступлением сумерек на площадь въехал грузовик, заполненный индейцами. Из кабины выбрался упитанный мужчина в белой полотняной сутане и пробковом тропическом шлеме. Это и был ксендз Людвик Войцех, который поздоровался со мной довольно неприветливо и сразу же предупредил: «Я поеду в Коромото вечером, когда продам лепешки и бананы». Потом он часа два бегал, суетился, торговался, продавал, что-то выяснял со своими индейцами.

Черная ночь опустилась на Пуэрто-Аякучо буквально в течение минуты. Индейцы из Коромото шептались между собой, и только сейчас я заметил, что никто из них не достает мне головой даже до плеча.

— Вы, очевидно, единственный поляк во всей Амазонии? — улучив момент, спросил я ксендза.

— Да где там, сеньор! Идем со мной: кое-что увидишь!

Он прервал на минутку свой бизнес и побежал со мной в кино. Теперь в церковном громкоговорителе звучала литания вперемежку с пением Фрэнка Синатры. В кинотеатре ксендз подошел к буфету, за которым стояла личность средних лет, и познакомил нас:

— Это журналист из Польши, а это — Ладимиро Зварыц.

Ладимиро, то есть Владимир, был почти так же изумлен, как и я, и мы минуты три болтали по-польски, пока Войцех не погнал меня дальше.

Когда я забрал чемодан из отеля и ксендз велел мне сесть рядом с шофером, я в шутку заметил:

— А не съедят меня в этих джунглях?

— Не беспокойся: тебе это не грозит. Жилист больно, — успокоил меня падре и тут же серьезно добавил: — У нас нет людоедов, есть только нецивилизованные люди.

Час мы едем по шоссе, потом сворачиваем влево — напрямик через джунгли. По дороге машина несколько раз останавливается, чтобы ссадить пассажиров. Они соскакивают из кузова и входят в чащу доверчиво, как в сад. Говорят, что ночью индейцы вообще не пользуются дорогами и тропами, оставляя их духам.

Ветви царапают по кабине и крыльям. Машина подскакивает на корнях и вымоинах. Внезапно мы протискиваемся на утрамбованную площадку с длинным, освещенным чахлыми лампочками бараком. Это и есть Коромото, где живут 300 индейцев племени гуахиро и один поляк из Верхних Гочалковиц.

Грузовик окружила толпа. Она молчит, внимательно приглядываясь к новому гостю. Дети легонько толкают меня пальцами. Слышится музыка джунглей. Завтра днем, может, все это уже не покажется мне таким таинственным и удивительным.

КОРОМОТО

По сравнению с отелем «Амазонас» в Пуэрто-Аякучо комната для гостей в индейском поселке была изысканно опрятной. Она помещалась в жилой части длинного барака. В ней была плотная сетка в окнах и под потолком. В свете луны я принял толстую ветку, свисавшую с крыши, за тело змеи. Позже я долго вслушивался в звуки джунглей; кроме обычных лесных звуков, с разных сторон доносился многозначительный свист — как-будто воры перекликались в потемках.

Спал я, однако, отменно, пока на восходе солнца поблизости не загремел мощный звон: это падре Войцех сзывал индейцев на утреннюю мессу.

Часовня была в соседней части барака. Маленький зальчик, полный птиц и летучих мышей. Дальше тянулся хозяйственный отсек: магазинчик, столовая, кухня, какие-то кладовки. Все это заканчивалось крылечком.

Умывшись под душем с проточной водой в домике около главного барака, я вышел на крыльцо. Из часовни как раз появились несколько женщин, за ними выбежал ксендз. Меня пригласили на завтрак, пожалуй несколько необычный, но вкусный. Он состоял из кофе и нисперос — маленьких, чуть сладковатых плодов со счетверенной косточкой. Во время завтрака по столу свободно лазали многочисленные кошки, по полу бродили куры, а ксендз рассказывал мне свою историю.

Он родился в 1900 году в Верхних Гочалковицах, духовную семинарию окончил в Дашаве, послушничество — в Червинске. В 1925 году приплыл в Венесуэлу. После учебы в Каракасе и Сан-Кристобале и двухлетнего пребывания в Лос-Текесе его занесло в Амазонию. Два года он провел в Пуэрто-Аякучо, шесть лет жил в Мароа среди индейцев племени банива и вот уже четыре года торчит в Коромото. Это все. Ага, еще одно: Людвик Войцех, 40 лет проживший в Венесуэле, из них 16 среди индейцев, уже с трудом говорит по-польски, но до сих пор остается польским гражданином; еще до того как в Каракасе появилось польское дипломатическое представительство, он поехал в Мексику и получил там в нашем посольстве новый паспорт.

Тем временем солнце достигло зенита и с неба хлынули потоки зноя. Падре заторопился по своим текущим делам — в магазинчик, продавать товары: перед бараком уже собрались несколько индейцев.

Слева от него, над дорогой, перекинута деревянная арка с надписью «Коромото»; сама деревня находится в нескольких стах метров отсюда. Здесь есть что-то вроде площадки, на которой разместились главный барак с квартирой миссионера, часовней и магазинчиком, маленькая школа, столярная мастерская, маленькая электростанция, гараж для грузовика и склад техники. Строения стоят в тени роскошных манговых деревьев, каждое из которых одновременно цветет и плодоносит.

Оказалось, однако, что всего этого я поначалу не заметил. Падре выбежал из магазинчика, повесил на дверь замок, отер цветным платком пот со лба и спросил:

— Ну, как, хорошо здесь, а? А тюрьму и отель видел?

«Отель» — это обширный сарай с глиняным полом. Он предназначен для индейцев, проходящих через Коромото с собственными гамаками. Тюрьма — маленькая темная каморка — тоже никогда не пустует.

— За воровство я даю от трех до восьми месяцев.

— Часто воруют?

— Э, если нет необходимости, не воруют никогда.

— Они соглашаются с приговором?

— Они предпочитают его суду и тюрьме в городе.

Я умолкаю. Итак, передо мной священник, судья, полицейский, купец, врач, староста и учитель в одном лице.

ДЕРЕВНЯ

Поселок Коромото основан миссионером — предшественником Людвика Войцеха — и состоит из домов и шалашей индейцев племени гуахиро, в основном колумбийских граждан, перешедших границу.

Я участвую в выдаче документов одному из пришельцев с той стороны. Войцех вырывает листок из тетради и пишет свидетельство для пограничных властей: «Подтверждаю, что Рафаэль Чипиахе навестил родных в Коромото и возвращается в Колумбию».

Рафаэль, индеец с неподвижным лицом и волосами цвета воронова крыла, прячет «паспорт» под рубашку и с гамаком за плечами отправляется в путь. На мой вопрос, где лучше — в Венесуэле или в Колумбии, он отвечает:

— В Колумбии над нами нет никаких властей, живем в лесу. Только тут есть еда, а там — нет.

Впрочем, достаток в Коромото не следует преувеличивать. С января по март индейцы готовят поля для посева. Они вырубают и выжигают джунгли вокруг большой поляны, чтобы возделать там маниоку и кукурузу. Никогда не прекращается борьба с алчной чащей и почти никогда — перетирание и просеивание зерна и выпечка огромных лепешек. Кое-где под навесами без стен этим заняты целые семьи. Мы идем с ксендзом через деревню, и везде на пальмовых листьях сушатся на солнце белые лепешки.

Миссионеры научили индейцев носить рубашки и брюки, сказали им, что без этого ходить неприлично, но так и не передали им искусство зарабатывать деньги, на которые приобретаются эти блага цивилизации. Мои сомнения Людвик Войцех подтверждает очень откровенно: «После стольких лет жизни в этой стране я говорю: до нашего появления они были счастливее».

Мы медленно бредем по прямой деревенской улице среди шалашей и халуп из тростника, пальмовых листьев и глины. Время от времени ксендз называет фамилию «Кортес» или «Понаре» и из дома кто-нибудь отзывается: «Си, падре?»

Впрочем, я отнюдь не убежден в приверженности жителей Амазонии к новой вере: половина Коромото крестилась, но у местного колдуна до сих пор дел по горло.

Прогулка по полуденной жаре — пытка. На поляне, окаймленной густо заросшими холмами, не чувствуется ни малейшего дуновения ветра. В какой-то момент на краю неба набухают темные тучи, которые могли бы пролиться дождем, но через несколько минут это видение бесследно исчезает. Москиты и маленькие мушки ейены ни на секунду не перестают сосать кровь.

Внешним проявлением респектабельности в здешних краях считается шляпа. С ней не расстается и староста (капитан) деревни Хулио-Сесар Карибан. Все мужчины здесь мажут голову льняным маслом — этим брильянтином бедняков. Девушки закалывают в волосы огромные цветные гребни и любят одеваться в красное.

На каждом доме надпись: «134 ДДС» или «46 ДДТ». Как у нас после войны: «Мин нет». Раз в три месяца сюда приезжают люди в серебристых шлемах и защитных комбинезонах, обходят все дворы, дымовыми шашками и другими средствами «окуривают» хижины — травят «пятую колонну» джунглей: насекомых и грызунов.

На реке, отделяющей деревню от «административной» части Коромото, женщины стирают белье, равномерно ударяя по нему маленькими деревяшками. Некоторые прачки пользуются мягкими орешками дерева «ябонцилия», употребляемыми в Амазонии вместо мыла. Здесь растет и «рубашечное дерево»; из его коры делают некоторые детали одежды. Еще Гумбольдт отмечал: «В лесах на Ориноко на деревьях растет готовая одежда».

Ейены жрут меня с энтузиазмом. Мушки так малы, что я с огромным трудом различаю эти крохотные точечки. После их укуса остается маленькая кровавая язвочка и большая краснота. Нескольких мушек я убиваю, растирая их пальцами — они пахнут укропом.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ДОИСТОРИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Девственный лес вокруг поляны Коромото заселен немногочисленными индейцами первобытного племени пиароа. По моей просьбе ксендз Людвик Войцех организует специальную экспедицию в одно из ближайших поселений, названное по имени их капитана — Дон Рамона. Нас сопровождают двое индейцев гуахиро.

Несколько километров нам удалось проехать на грузовике по тропкам, протоптанным в джунглях. Потом пошли пешком. Сначала минуем участки джунглей, частично выжженные индейцами, затем стена леса смыкается над нашими головами и мы продвигаемся во мраке гигантского ботанического сада. Чудесно поет птица минеро, суетятся обезьяны, звенят москиты. Из чащи несет знойным затхлым запахом.

Неожиданно деревья расступаются и мы оказываемся над самым потоком. На другом берегу на расстоянии ста с лишним метров стоит большой остроконечный шатер. Это чиуруата — общинный дом индейцев пиароа.

Пока мы переправились по скользкому бревну на другую сторону потока, возле шатра появились несколько индейцев. Они были полуголые, очень низкого роста, худые, с монгольско-семитскими чертами лица, более резкими и отчетливыми, чем у гуахиро, и приветствовали нас без улыбок, но и без признаков враждебности. Падре Войцеха здесь знают отлично и, хотя не принимают проповедуемой им веры, относятся к нему с уважением как к торговцу и официальному лицу.

Только один из пиароа понимал по-испански: несколько лет он провел в Пуэрто-Аякучо в каком-то монастырском за-

ведении. Теперь он вернулся и вновь, как и его братья, ходит нагишом.

Нам разрешили заглянуть в общинный шалаш, и мы влезаем в него через занавешенное отверстие, расположенное выше метра от земли, и неожиданно оказываемся в темном, довольно прохладном, хотя и вонючем помещении.

Когда глаза привыкают к полумраку, я замечаю обитателей этой необычной постройки. Они качаются в гамаках или заняты чем-то на глиняном полу. Ни дать, ни взять пещерные люди!

Этот круглый шалаш имеет в радиусе около 20 метров. Его деревянный каркас похож на скелет огромной рыбы и очень старательно обложен толстым слоем пальмовых листьев и тростника. В нем живут около 40 человек. У каждой семьи свой угол.

В нескольких местах пещерный мрак пронизывают солнечные лучи. Они проходят через маленькие отверстия в толстой стене. Жерди, упертые в землю, кое-где раздвигают лиственный покров и впускают узенький сноп солнечного прожектора, который выхватывает из мрака то мужчину, точащего нож или чинящего сосуд, то женщину, готовящую еду или кормящую младенца.

белая сутана местами сделалась зеленовато-бурой. Он продает сейчас в магазинчике мелкие хозяйственные товары и освежающие напитки, в основном пиво. Я спросил у Людвика Войцеха, как индейцы расценивают меркантильную деятельность миссионеров. «Торговля приносит минимальную прибыль», — пояснил он, но чувствовалось, что и сам ксендз сомневается в правомерности альянса религиозных и купеческих функций.

Над крышами носятся грифы-стервятники — очень полезные, хотя и мрачные птицы. За их убийство грозит суровое наказание.

Моментально наступает темнота, в ту же минуту включается движок — и по всей деревне вспыхивают лампочки (за исключением тех помещений, жители которых не пользуются электричеством, ибо у них нет доллара в месяц, чтобы за него платить). Около одиннадцати свет везде потухнет — раньше его никто не выключит, ибо выключателей не существует.

На ужин — рыба с мясом. Это все же легче перенести, чем хвост крокодила, которым меня потчевали в Каракасе, или печеных пауков, считаемых деликатесом у некоторых индейцев Амазонии. Весьма распространены также печень обезьяны-капуцина и филе пумы, равно как и кушанья из черепах, попугаев и пресмыкающихся.

Ксендз Людвик Войцех с индейскими детьми, которых он в этом бараке обучает катехизису.

Выйдя из шалаша, мы снова окунаемся в зной, напоминающий, что мы не на Висле, а между 5 и 6 градусами географической широты.

Мой интерес к маленькому шалашу, стоящему в стороне от большого, общинного, встречен глухим молчанием. Но я и так знаю, что это святилище, из которого один месяц в году выходят разрисованные пиароа, исполняющие обрядовый «танец ягуаров», и где затем совершается инициация — жестокий обряд посвящения юношей в мужчины. Он заключается в том, что на них напускают сотни свирепых муравьев и они должны безропотно снести их укусы.

Когда мы покидаем общину индейцев пиароа, некоторые из них отправляются в чащу на охоту со своими знаменитыми сербакану. Это трехметровые палки, выдолбленные из тростника, с воронкообразным углублением на одном конце. Охотник дует в воронку, в которую он только что воткнул маленькую стрелу с ядом кураре, — и смертоносный заряд устремляется на расстояние до 300 метров.

Я еще раз с удивлением оглядываю шалаш, который по традиции сжигают, когда умирает кто-нибудь из его обитателей.

На прощание нас угощают щепоткой наркотизированного табака — ниопо. Слегка захмелев от него, я перебегаю речку по бревну, как настоящий пиароа...

СНОВА В ДЕРЕВНЕ

Хулио-Сесар обещал организовать в деревне танцы. Падре Войцех сказал ему прямо: «Устрой это. Получите сигареты и конфеты». И капитан стал обходить хижины, чтобы подготовить мероприятие.

Индейские дети уже относятся ко мне с доверием и симпатией. Только теперь я замечаю, что у многих из них «почему-то» (падре Луис — блондин) светлые волосы и голубые глаза.

Ксендз целую неделю бегал с клюкой по деревне, его

На десерт я получаю мереи — кремово-красные плоды величиной с небольшое яблоко, очень сочные, чуть терпкие. По этому поводу отец Войцех рассказал, как индейцы ваикас недавно угощали епископа. Они, как обычно, приготовили какое-то животное вместе с внутренностями и шерстью и заставили его отведать это «блюдо».

Высокая пальма шелестит под дуновением незаметного ветерка, постукивая листьями, словно под ударами крупных капель дождя.

Мы прислушиваемся к отголоскам бурлящих джунглей, и падре говорит:

— Си, буэно, не пошел бы я в лес и на двести шагов, хотя бы мне предложили миллион долларов!

А пиароа шастают по окрестностям и днем и ночью. Они не боятся леса и никогда в нем не заблудятся. Когда один из монахов-послушников пропал в джунглях, его искали 12 дней солдаты и полицейские, но безуспешно. Тогда вызвали индейца пиароа. Он обнюхал предметы, принадлежавшие пропавшему, а потом обнаружил его след...

Хулио-Сесар пригласил нас на танцы.

ТАНЦЫ ПРИ ЛУНЕ

Посреди главной улицы, на перекрестке с другой деревенской артерией для ксендза и для меня поставили маленькую скамейку. Вокруг собралась толпа в ожидании зрелища.

Перед началом меня представили деревенскому колдуну. Это очень старый человек, духовный вождь гуахиро. Он лечит травами, особенно чайными листьями, и, кажется, клиенты тянутся к нему даже из города. Кроме того, как все знахари, он ублажает злых духов грохотом маракаса. Людвик Войцех относится к старцу с явным почтением, а мне говорит:

— Он очень мудр.

Начинаются танцы. В течение часа на пыльной деревенской дороге будет бурлить масса молодых людей обоего пола. Около полусотни человек будут кружиться, напевая, притоптывая и играя на пищалках из рогов оленя. Сначала проре кется одинокий голос, воспроизводя, а может, импровизируя строфу, полную гласных звуков. Весь хор отвечает ему пением и визгом.

Танец необычайно ритмичен. Танцоры держат правую руку на плече соседа, весь круг медленно движется сначала влево, потом вправо. Правая нога все время выдвинута вперед, левая переступает за ней. С каждой минутой количество танцующих увеличивается. Вокруг бегают дети. Темп нарастает. Поднимается невообразимая пыль. Она обволакивает танцующих белыми клубами, которые отчетливо выделяются на темном фоне джунглей в свете полной луны.

Мелодия и танец внезапно обрываются. Танцоры смешиваются в кучу, как бы обсуждая свой следующий номер, который, впрочем, оказывается похожим на предыдущий.

Во время коротких перерывов отец Войцех достает из нейлонового мешочка конфеты и сигареты и бросает их в толпу, выкрикивая по-польски (путает бедняга языки): «Цукерки, цукерки, розумешь?» К нему тянутся десятки рук.

После окончания представления все идут купаться в чистой и безопасной речке, где нет ни крокодилов, ни амеб.

До самых ворот нас провожают дети. Я нахожусь в центре их внимания: ведь благодаря мне падре отложил уроки в будке под деревьями манго, благодаря мне деревня танцует, а людей осыпают сладостями...

Я покидаю Амазонию в убеждении, что побывал только в ее преддверии.

Самолет летит низко, и я замечаю хижины и шалаши, так великолепно вписанные в лес, что кажется, будто они стояли там еще до того, как выросли деревья. Из зелени выступают черные гладкие скалы, похожие на колпаки дотов. Порой поблескивает какое-нибудь озерцо, покрытое красной ряской...

Перевел с польского **С. БУДКОВСКИЙ**

Новинки Литературы

«НАСТОЛЬНАЯ КНИГА АТЕИСТА». Изд. 5-е. Под общей ред. С. Д. Сказкина. М., Политиздат, 1978, 447 стр., 100 000 экз., 1 руб. 50 коп.

Это справочное издание знакомит читателей с широким кругом вопросов, имеющих актуальное значение для теории и практики научного атеизма: с вероучением, культом и моральными принципами основных религиозных направлений, с особенностями современного богословия, а также с кратким очерком истории атеизма, с методикой воспитательной работы с верующими и т. п.

М. П. Новиков. КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛОВИЯ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 1), 1979, 64 стр., 53 000 экз., 11 коп.

В брошюре критически рассматриваются вопросы модернизации православного богословия после поместного собора 1971 года, раскрываются основные принципы осовременивания религиозных представлений и понятий, обновления устаревших догматических формулировок. На большом фактическом материале анализируется богословская интерпретация современных проблем.

Т. С. Саидбаев. ИСЛАМ И ОБЩЕСТВО. (Опыт историко-социологического исследования). М., «Наука», 1978, 253 стр. с илл., 11 000 экз., 1 руб. 10 коп.

В монографии на основе марксистской теории переноса культуры анализируются история распространения и утверждения ислама среди ряда народов нашей страны, его социальные функции в дореволюционный период. Ряд разделов посвящен основным этапам секуляризации в республиках Средней Азии после победы Октябрьской революции и анализу социальных функций ислама в наши дни.

Дамиан Стэною. ИЗБРАННОЕ. Перевод с румынского. М., «Художественная литература», 1978, 413 стр., 50 000 экз., 2 руб. 60 коп.

В сборник румынского писателя Дамиана Стэною (1893—1956), кроме повестей «Злоключения отца Гедеона» (1928) и «Выборы игуменьи» (1932), вошла написанная столь же талантливо и остроумно повесть «Ученики святого Антония» (1933), впервые переведенная на русский язык.

Автор правдиво и ярко показал затхлую жизнь отнюдь не богобоязненных обитателей монастырских келий, выявил все убожество и всю низменность их духовного мира. Эта книга привлечет внимание советского читателя своей достоверностью, правдой, которая — из самых что ни на есть первых рук.

А. В. Белов. СЕКТЫ, СЕКТАНТСТВО, СЕКТАНТЫ. М., «Наука», 1978, 151 стр., 100 000 экз., 50 коп.

Г. Вздорнов. ИССЛЕДОВАНИЕ О КИЕВСКОЙ ПСАЛТИРИ. Т. 1 и 2. М., «Искусство», 1978, 25 000 экз., 60 руб. 10 коп.

И. Р. Григулевич. ПАПСТВО. ВЕК XX. М., Политиздат, 1978, 424 стр. с илл., 100 000 экз., 95 коп. (главы из этой книги публиковались в журнале «Наука и религия» — № 1, 3, 4 за 1978 г.).

Н. Д. Коротков. СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ. Киев, «Наукова думка», 1978, 294 стр., 1 650 экз., 2 руб. 60 коп.

«КУЛЬТУРА ВОСТОКА». Древность и раннее средневековье. Сборник статей. Л., «Аврора», 1978, 240 стр. с илл., 3 000 экз., 2 руб. 80 коп.

Л. А. Лелеков. ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ РУСИ И ВОСТОК. М., «Советский художник», 1978, 158 стр. с илл., 20 000 экз., 75 коп.

А. Ф. Лосев. ЭСТЕТИКА ВОЗРОЖДЕНИЯ. М., «Мысль», 1978, 623 стр., 50 000 экз., 3 руб. 5 коп.

И. А. Макатов. АТЕИСТЫ В НАСТУПЛЕНИИ. М., «Советская Россия», 1978, 143 стр., 20 000 экз., 20 коп.

«НАУКА СЕГОДНЯ». Ежегодный справочник лектора. Вып. 6. М., «Знание», 1978, 351 стр., 100 000 экз., 55 коп.

Т. В. Николаева. ДРЕВНИЙ ЗВЕНИГОРОД. Альбом. М., «Искусство», 1978, 207 стр. с илл., 30 000 экз., 9 руб. 30 коп.

«ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВАЛААМ» Фотоальбом. Л., Лениздат, 1978, 56 стр. с илл., 25 000 экз., 1 руб. 10 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ. РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

В. Корнев. Буддизм и современность. «Азия и Африка сегодня», 1978, № 8, стр. 54—58.

М. Кубланов. Кумранский узел (Христианство, старые проблемы и новые открытия). «Наука и жизнь», 1978, № 6, стр. 86—92.

В. Кувенева. Кризис религиозной идеологии и ревизионизм. «Агитатор», 1978, № 16, стр. 44—45.

Н. Левчук. Повышаем действенность атеистического воспитания. «Коммунист Белоруссии», 1978, № 1, стр. 75—79.

Е. В. Маят. Рецензия на кн.: А. И. Клибанов. Народная социальная утопия в России. «Вопросы философии», 1978, № 8, стр. 176—177.

В. С. Румянцева. Русская школа XVII века. «Вопросы истории», 1978, № 6, стр. 214—219.

А. С. Русяева. Орфизм и культ Диониса в Ольвии. «Вестник древней истории», 1978, № 9, стр. 87—104.

О. В. Саласар. «Просветители» и святоши на службе международных монополий. «Латинская Америка», 1978, № 1, стр. 93—103.

С. Ю. Сапрыкин. О культе Геракла в Херсонесе и Гераклее в эпоху эллинизма. «Советская археология», 1978, № 1, стр. 38—52.

К. С. Сарингулян. Ритуал в системе этнической культуры. В кн.: «Методологические проблемы исследования этнических культур». Ереван, 1978, стр. 69—78.

И. Семашко. Индуизм: многообразие в единстве. «Азия и Африка сегодня», 1978, № 9, стр. 54—56; № 10, стр. 53—56.

И. Н. Смирнов. Методология и мировоззрение. Некоторые философские проблемы биологического познания. «Вопросы философии», 1978, № 7, стр. 57—68.

«Современная буржуазная философия». М., «Высшая школа», 1978. Из содержания: гл. V. Экзистенциализм во Франции, стр. 311—406; гл. VI. Неотомизм, стр. 407—459; гл. VII. Другие религиозно-философские течения, стр. 460—498.

И. Сооп. Религиозный модернизм. «Горизонт». Рига, 1978, № 1, стр. 23—26.

А. Сулацков, А. Белов. По чужим стопам. «Журналист», 1978, № 6, стр. 48—49.

Н. Сэвэр. Создание и деятельность Всемирной сионистской организации в 1897—1914 годах. «Вопросы истории», 1978, № 7, стр. 30—47.

А. Толеубаев. Пережитки магии в традиционной детской обрядности казахов в начале XX века. «Известия АН КазССР». Серия общественных наук, 1978, № 1, стр. 38—43.

З. П. Трофимова. Критика К. Ламонтом христианской идеи личного бессмертия. «Вестник Моск. ун-та». Философия, 1978, № 1, стр. 86—93.

И. Трояновский. Святотатство в Иерусалиме. «Новое время», 1978, № 30, стр. 16—17.

А. Турсунов. Концептуальные и мировоззренческие основания космологии: идея Вселенной. «Вопросы философии», 1978, № 6, стр. 112—124.

Н. Ф. Уткина. Проблемы науки и мировоззрения в творчестве Л. Н. Толстого. «Вопросы философии», 1978, № 9, стор. 125—134.

«Философские проблемы идеологической борьбы». М., 1978. Из содержания: глава 14. Религиозная идеология и современное общественное развитие, стр. 305—324.

«Что же это: миф или реальность» (новые свидетельства о реликтовых гоминоидах). «Техника — молодежи», 1978, № 6, стр. 48—56.

А. Д. Шарипов. Философская переписка Бируни и Ибн Сины. «Вопросы философии», 1978, № 10, стр. 124—133.

Ю. А. Шибаева. Встреча с шаманкой. «Советская этнография», 1978, № 1, стр. 138—146.

А. Шифман. Рецензия на кн.: Г. И. Петров. Отлучение Льва Толстого от церкви. «Новый мир», 1978, № 8, стр. 287.

«Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности». М., 1977. Из содержания: гл. VII. Мировые религии в Юго-Восточной Азии, стр. 276—324.

Сдано в набор 15. 01. 79 г.
Подписано к печати 27. 02. 79 г.
А08327.
Формат издания 60×90/8
Глубокая печать.
Условных печатных листов — 8.
Учетно-издательских листов — 11.28.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 0284.

Адрес редакции:
109004, Москва, Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны: 297-02-51, 297-10-89.

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна» г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

На стенах одной из комнат усадебиого дома висят портреты родителей поэта и его бабушки.

О трудах и днях крепостных крестьян красноречиво рассказывают вещи, экспонированные в одном из строений музея-заповедника.

Могила Михаила Юрьевича Лермонтова.

С великим трудом собраны были сотрудниками музея личные вещи великого русского поэта.

Фото Ф. Гуртовника

Цена 30 коп.
70602

33-13

В следующем номере

ОТЕЧЕСТВО

Выступление писательницы Галины СЕРЕБРЯКОВОЙ

«ОДНО ИЗВИНЕНИЕ У БОГА —ЧТО НЕТ ЕГО»

Это слова бывшего видного богослова, а затем активного пропагандиста атеизма А. А. ОСИПОВА. В ответах радиослушателям, которыми мы продолжаем публикацию его рукописного наследства, он объяснял, чем вредна религия и как идея бога медернизируется современным религиозным сознанием

В ОДНОЙ СЕМЬЕ

Что делать, если муж и жена по-разному смотрят на жизнь?
Об этом ведет разговор автор очерка И. БАЛЛОД

ВОКРУГ ТРАКТАТА «О ТРЕХ ОБМАНЩИКАХ»

Этот трактат — удивительное сочинение, веками будоражившее умы верующих, сеявшее в их сердцах зерна сомнения в религиозной вере. О нем, его необычайной судьбе — очерк кандидата философских наук А. САГАДЕЕВА

НА КРЫЛЬЯХ — В ПРОШЛОЕ

Отрывок из книги Лео ДОЙЕЛЯ о том, что такео воздушная археология, какую неожиданную зоркость обрели с высотой исследователи прошлого

ДО КАМЫШЕВКИ И ОБРАТНО...

Новый роман уральского писателя Леонида ФОМИНА «Стеклянный дом», отрывок из которого будет опубликован в нашем журнале, рассказывает о нелегкой военной и послевоенной жизни деревни

СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОЙ ЖИЗНИ

О том, как строительство социализма во Вьетнаме, огромные социально-политические и культурные перемены влияют на сознание освобожденного народа, говорится в статье кандидата исторических наук А. БЕЛЕЦКОЙ